

Сетевой научный журнал

Научный результат

№1 2014

Research result

Сетевой научный рецензируемый журнал
Online scholarly peer-reviewed journal

*Социальные и
гуманитарные
исследования*

ISSN 2408-932X

9 772408 932009

Сайт журнала:
<http://belsu-research-result.ru/>

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

**СЕРИЯ СОЦИАЛЬНЫЕ
и ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.

Включен в библиографическую базу данных
научных публикаций российских ученых РИНЦ

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2013 г., ежеквартально
ISSN 2408-932X

№ 1(1), 2014

Учредитель:

ФГБОУ ВПО «Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор серии:

Ольхов П.А., доктор философских наук, профессор

Заместитель главного редактора серии:

Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор

Ответственный секретарь серии:

Носова Т.В., кандидат философских наук

Технический редактор серии:

Мотовникова Е.Н., кандидат философских наук

Редакторы английских текстов серии:

Ляшенко И.В.,

кандидат филологических наук, доцент

Мусаелян Е.Н., кандидат педагогических наук

Технический секретарь серии:

Коваленко М.В.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор

Бросова Н.З., доктор философских наук, профессор

Кривец А.П., кандидат социологических наук, доцент

Липич В.В., доктор филологических наук, профессор

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор

Лобанов К.Н., доктор политических наук, профессор

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор

Пенской В.В., доктор исторических наук, профессор

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Атлагич С., доктор политических наук, доцент,
Республика Сербия

RESEARCH RESULT

**SOCIAL STUDIES
AND HUMANITIES**

Mass media registration certificate
El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Included into bibliographic database of scientific publications
of Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2013.

Frequency of publications: quarterly

ISSN 2408-932X

Volume 1(1), 2014

Founded by: Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Professional
Education "Belgorod State National Research
University" (Belgorod State University)

EDITORIAL BOARD:

Editor-in -chief:

Pavel A. Olkhov, Doctor of Philosophy, Professor

Deputy chief:

Olga A. Volkova, Doctor of Sociology, Professor

Executive secretary:

Tatiana V. Nosova, PhD in Philosophy, Associate
Professor

Series editor: Elena N. Motovnikova, Ph.D.
in Philosophy, Associate Professor

English text editor:

Igor V. Lyashenko, Ph.D. in Philology,
Associate Professor

Elena N. Musaelyan, Ph.D. in Education,
Associate Professor

Technical assistance, proofreading:

Marina V. Kovalenko

EDITORIAL BOARD:

Mikhail S. Zhiron, Doctor of Education, Professor

Natalia Z. Brosova, Doctor of Philosophy, Professor

Alla P. Krivets, PhD in Sociology

Vasily V. Lipich, Doctor of Philology, Professor

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor

Konstantin N. Lobanov, Doctor of Political Sciences, Professor

Andrey D. Maidansky, Doctor of Philosophy, Professor

Vitaly V. Penskoj, Doctor of Historical Sciences, Professor

CONSULTING EDITORS:

Siniša Atlagić, Doctor of Political Sciences, Associate
Professor, Republic of Serbia.

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор, Россия
Вендт С., доктор наук, профессор, Австралия
Иванова И.И., доктор философских наук, профессор, Республика Кыргызстан
Капицын В.М., доктор политических наук, профессор, Россия
Лапина С.В., доктор социологических наук, профессор, Республика Беларусь
Максимович Г., доктор филологических наук, профессор, Республика Сербия
Маркович Д., доктор филологических наук, профессор, Республика Сербия
Микешина Л.А. – доктор философских наук, профессор, Россия
Митрович Л., доктор наук, профессор-эмеритус, Республика Сербия
Романова А.П., доктор философских наук, профессор, Россия
Старостенко К.В., доктор политических наук, профессор, Россия
Талига Х., кандидат философских наук, Эстония.
Терес Н.В., кандидат исторических наук, Украина
Чжу Цзянган, доктор филологических наук, доцент, Китайская Народная республика
Чович Б., доктор филологических наук, академик, Республика Сербская Босния и Герцеговина

Sergey B. Bystryantsev, Doctor of Sociology, Russia
Sarah Wendt, Doctor of Science, Professor, Australia
Irina I. Ivanova, Doctor of Philosophy, Professor, Kyrgyz Republic
Vladimir M. Kapitsyn, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Svetlana V. Lapina, Doctor of Sociology, Republic of Belarus
Goran Maksimović, Doctor of Philology, Professor, Republic of Serbia
Dejan Marković, Ph.D., Professor, Republic of Serbia
Lyudmila A. Mikeshina, Doctor of Philosophy, Professor, Russia
Ljubiša Mitrović, Doctor of Science, Emeritus Professor, Republic of Serbia
Anna P. Romanova, Doctor of Philosophy, Professor, Russia
Konstantin V. Starostenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Heilige Taliga, PhD in Philosophy, Estonia.
Natalia V. Teres, Ph.D in Historical Sciences, Ukraine
Tszyangan Zhu, Doctor of Philology, Associate Professor, Republic of China
Branimir Čović, Doctor of Philology, Member of the Academy of Sciences, Republika Srpska Bosnia and Herzegovina

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Пенской В.В., Пенская Т.М.**
Deus ex machina? Исторические корни авторитарной традиции в России 5
- Шилов В.Н.** Демократическая политическая конкуренция и предпосылки ее эффективности 18
- Капицын В.М.** Семиотические ресурсы и политическая культура 33
- Липич В.В.** А.С. Пушкин-романтик и проблема формирования национального самосознания 46
- Жиров М.С., Алексеева О.И.**
Современный ренессанс русской народной песни: культурологический анализ 54
- Липич Т.И.** Диалог как форма взаимодействия культур.....63
- Пеньков В.Е.** Трансцендентное и проблема научного познания 70
- Коноваленко С.П.** Некоторые аспекты традиционного вокально-исполнительского стиля и его адаптация в современной певческой практике (на примере Белгородской области) 81

АРХИВ

- Иоанн Малала. Хронография. Книга XIII.
Перевод **Н.Н. Болгова**.....92

MISCELLANEOUS
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ,
РЕЦЕНЗИИ

- Липай Т.П.** Кризис духовности: социально-практические контексты 100
- Сараева Л.П.** Целостный охват коммуникативной сферы музыкального фольклора.....107
- Коваленко М.В.** «The Balkans in Transition» («Балканы на переходной стадии развития»). Рецензия 114

RESEARCHES

- Penskoy V. V., Penskaya T. M.**
DEUS EX MACHINA? THE AUTHORITARIAN TRADITION IN RUSSIA AND ITS HISTORICAL ROOTS..... 5
- Shilov V. N.** DEMOCRATIC POLITICAL COMPETITION AND PRECONDITIONS OF ITS EFFICIENCY 18
- Kapitsyn V. M.** SEMIOTIC RESOURCES AND POLITICAL CULTURE 33
- Lipich V. V.** A. S. PUSHKIN AS A ROMANTIC POET. THE PROBLEM OF NATIONAL IDENTITY DEVELOPMENT.....46
- Zhirov M. S., Alekseeva O. I.** THE MODERN RENAISSANCE OF RUSSIAN NATIONAL SONG: THE CULTURAL ANALYSIS.....54
- Lipich T. I.** DIALOGUE AS A FORM OF INTERACTION BETWEEN CULTURES..... 63
- Penkov V. E.** TRANSCENDENCE AND THE PROBLEM OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE 70
- Konovalenko S. P.** SOME ASPECTS OF TRADITIONAL VOCAL AND PERFORMING STYLE AND ITS ADAPTATION TO MODERN singing practice (through the example of Belgorod region).....81

ARCHIVE

- Translated by **N. N. Bolgov**
JOANNIS MALALAE. CHRONOGRAPHIA
Book XIII 92

MISCELLANEOUS OF THE
MESSAGE, DISCUSSION,
REVIEW

- Lipai T. P.** SPIRITUALITY CRISIS: SOCIAL AND PRACTICAL BACKGROUNDS..... 100
- Sarajeva L. P.** COMPREHENSIVE COVERAGE OF COMMUNICATIVE REALM OF MUSICAL FOLKLORE 107
- Kovalenko M.V.**
THE BALKANS IN TRANSITION. REWIEW.....114

УДК 930.85

ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCHES

Пенской В. В., Пенская Т. М.

Penskoy V. V., Penskaya T. M.

**DEUS EX MACHINA? ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ
АВТОРИТАРНОЙ ТРАДИЦИИ В РОССИИ****DEUS EX MACHINA? THE AUTHORITARIAN TRADITION
IN RUSSIA AND ITS HISTORICAL ROOTS****Аннотация**

Исследование, основные результаты которого нашли отражение в этой статье, было посвящено чрезвычайно актуальной и дискуссионной проблеме происхождения и развития традиции авторитаризма в России. Основные положения статьи представляют собой авторское видение ответа на вопрос – как, при каких обстоятельствах сформировался российский авторитаризм и в чем причины его живучести.

В основу исследования был положен комплексный подход к изучению проблемы происхождения и исторического развития российского авторитаризма, процессы становления которого рассматривались на широком историческом фоне, с активным привлечением исторических аналогий.

По мнению авторов, «пробуждение» и становление авторитарной традиции в России связано было с необходимостью осуществления внешней экспансии, продиктованной как внутренними, так и внешними обстоятельствами. В условиях, когда Россия в конце XV в. оказалась втянута в бескомпромиссный межцивилизационный конфликт, испытывая при этом острую нехватку материальных, финансовых и людских ресурсов, победить в этом конфликте можно было только путем создания сильного государства. Это государство могло мобилизовать ограниченные силы и средства и направить их на решение жизненно

Abstract

The study is devoted to an important and controversial issue of the origin and development of the authoritarian tradition in Russia. The conceptual issues of the article represent the author's view on the answer to a question "How, and under what circumstances has the Russian authoritarianism evolved and what are the causes of its survivability?"

The study is based on a comprehensive approach to the analyses of the origin and historical development of the Russian authoritarianism whose evolution was studied with a broad overview of historical background and historical analogies.

According to the authors, the «awakening» and emergence of an authoritarian tradition in Russia were associated with the demand for external expansion that was dictated by both internal and external circumstances. At the end of the XV century, Russia was embroiled in an uncompromising conflict between civilizations experiencing an acute shortage of material, financial and human resources. Therefore the victory in this conflict could be gained only through the creation of a strong state. This state could mobilize limited manpower and resources and direct them to the solution of vital social problems.

The mobilizing character of the state tended to demand much of a political regime which inevitably acquired authoritarian nature. The successful solution of the problem which

важных для общества задач. Мобилизационный характер государственности диктовал и требования к политическому режиму, который неизбежно приобретал авторитарный характер. Успешное же решение стоявших перед Русским государством в XVI–XVII вв. проблем способствовало закреплению авторитарной традиции в политической традиции и ментальности общества.

Ключевые слова: Русское государство; авторитарная традиция в России; происхождение русского авторитаризма.

Отправной точкой для этой работы послужила фраза из записок голштинца Адама Олеария о рабском характере русских, которые «плохи на свободе, хороши в рабстве» [19, с. 184]¹. Это высказывание, ставшее своеобразной квинтэссенцией отношения «просвещенного» Запада к «варварам»-москови-там, была написана вскоре (по историческим меркам) после того, как «рабские» по своей натуре русские собрались с силами, изгнали многочисленных неприятелей и восстановили в короткие сроки свою страну. И никто на «просвещенном» Западе не обратил внимания на парадокс – русские «рабы», которые не могут обойтись без ярма, «опьянены своим рабством» и неспособные ни к каким самостоятельным действиям без царской воли², тем

¹ Олеарий, кстати, вовсе не был первопроходцем в этом вопросе, а всего лишь перепел известное высказывание С. Герберштейна, имперского дипломата, несколько раз бывавшего в России во времена Василия III и оставившего записки о своих путешествиях («Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе» [5, с. 239]).

² «Все здесь созвучно – народ и власть. Русские не отказались бы от чудес, творимых волею царя <...>. Но я не могу не поражаться тем, что из общего хора славословящих своего монарха <...> не раздаётся, хотя бы во имя справедливости, ни одного голоса, протестующего против бесчеловечности его самовласти. Да, можно сказать, что весь русский народ от мала до велика опьянен своим рабством до потери сознания <...>. Где нет свободы, там нет души и правды. Россия – тело без жизни, или, вернее, колосс, живущий только головой <...>». И еще одна весьма

the Russian state faced in XVI-XVII centuries contributed to consolidation of the authoritarian practice in the political tradition and mentality of society.

Key words: Russian state; the authoritarian tradition in Russia; the origin of Russian authoritarianism.

не менее, отказались признавать иноземное владычество³. Родившая в начале XVI в. «чер-характерная фраза: «Нравы русских, вопреки всем претензиям этого полуварварского племени, еще очень жестоки и надолго останутся жестокими. Ведь немногим больше ста лет тому назад они были настоящими татарами. И под внешним лоском европейской эlegantности большинство этих выскочек цивилизации сохранило медвежью шкуру – они лишь надели ее мехом внутрь. Но достаточно их чуть-чуть поскрести – и вы увидите, как шерсть вылезает наружу и топорщится. Разве из того, что дикарь обладает тщеславием светского человека, следует, что он приблизился к культуре? <...> Русские не столько хотят стать действительно цивилизованными, сколько стараются нам казаться таковыми. В основе они остаются варварами. К несчастью, эти варвары знакомы с огнестрельным оружием <...>». Эти строки были написаны спустя двести лет после Олеария и триста – после С. Герберштейна, французским маркизом А. де Кюстином [15, с. 182-183].

³ Отечественный писатель и публицист В.Е. Шамбаров по этому поводу отмечал, что «поляки (как и папа римский и иезуиты) допустили грубейшую политическую ошибку, представляя Россию сугубо в рамках собственных моделей, моделей противопоставления своих «свобод» (дворянских) русской тирании. Получалось и впрямь: смени или возьми под контроль царя – и делай с народом что хочешь, как в империи инков <...>». Это и стало, по его мнению, причиной неудачи попытки Речи Посполитой вывести Россию из игры на восточноевропейском политическом поле и поставить ее под свой контроль. «Дело-то в том, что Россия в XVII в. (точнее, в XVI веке, тогда как в следующем столетии ситуация постепенно изменяется – П. В., П. Т.) была не абсолютистским, а земским государством <...>. Поляки на такую «мелочь» вообще внимания не обратили, как никогда не обращали внимания на «простолюдинов». <...> Но на Руси земства представляли огромную силу <...>. Когда рухнула вся «вертикаль власти», «горизонталы» сохранились, что и обеспечило живучесть государства» [28, с. 139-140]. С такой точкой зрения можно соглашаться или не соглашаться, но, на наш взгляд, немалая доля истины в этом высказывании есть.

ная» (Л.Н. Гумилев) легенда о России и русских сделала свое дело. Ее влияние ощущается и по сей день: негативный образ России, «страны рабов, страны господ», страны, сошедшей с «правильного» пути, по-прежнему господствует в общественном сознании Запада, и не только Запада, пустил прочные корни в современном российском общественном сознании и продолжает усиленно культивироваться в рамках либерального дискурса на постсоветском пространстве⁴.

Однако, как справедливо писала американский историк Н.Ш. Коллманн, такие представления основываются скорее на абстрактных концепциях и теориях, на штампах, чем на анализе конкретной действительности [12, с. 37]. Ни один народ, ни одна культура, ни одна цивилизация изначально не предрасположена к авторитарному режиму правления, к деспотизму и тирании. Внутри каждого общества всегда существовали и существуют различные тенденции и потенции развития, в том числе и авторитарная, однако возможность их реализации на практике, утверждение в качестве ведущей, системообразующей, зависит от конкретно-исторических обстоятельств, в которых складывается и развивается данное общество. Вне всякого сомнения, авторитаризм, деспотизм и тирания не являются порождением отдельных личностей и даже целых общественных групп и слоев. Авторитаризм не возникает из ничего, из пустоты подобно *Deus ex machina*, и не может висеть в воздухе, не имея соответствующей опоры. Эта тенденция, существуя внутри общества в скрытом, эмбриональном состоянии, получает шанс на разви-

⁴ Примером такого подхода может служить вышедшая недавно работа И.В. Карацубы, И.В. Курукина и Н.П. Сорокина [11]. Написанная в живой, доступной форме книга содержит целый ряд интересных идей и положений, заслуживающих дальнейшего развития, но согласиться с общей тональностью этого исследования трудно именно в силу следования его авторами концепции России как «неправильной» страны, избравшей не ту, не «столбовую» дорогу развития государства и общества.

тие лишь при определенных условиях.

В принципе, нет сомнений в том, что прошлое общества определяет его настоящее и будущее. И, поскольку всякое общество, любая культура является результатом длительного процесса формирования характерных именно для данного общества черт и институтов, то, естественно, авторитаризм в России возник не сразу, а в результате сложения определенных объективных и субъективных факторов. Но где, когда и при каких обстоятельствах дремавшая внутри русского общества авторитарная тенденция вышла из состояния «анабиоза» и начала разворачиваться? Что обусловило ее победу над всеми остальными? Была ли она порождением отдельных лиц, как полагают некоторые авторы⁵, или же все-таки авторитаризм победил не потому, что этого хотели московские государи, церковные иерархи, мелкое дворянство или кто-либо еще, а в силу некоего стечения обстоятельств, воздействия сложного комплекса внешних и внутренних факторов? Именно поэтому представляется интересным проследить процесс формирования авторитарной традиции в российском обществе «*ab ovo*», с того момента, когда началось складывание самого этого общества, т. е., фактически с того момента, когда на территории Восточной Европы начало складываться Древнерусское государство как предшественник современного Российского государства, и предложить свою версию развития событий и генезиса русского авторитаризма.

На наш взгляд, есть все основания полагать, что российский авторитаризм стал, если воспользоваться концепцией А. Тойнби «Вызов—Ответ», закономерным ответом русского общества на сложные природно-географические и политические условия, в которых ему пришлось жить и развиваться. Однако прежде чем

⁵ Так, к примеру, полагает А.Л. Янов [29, с. 52-53, 58, 69, 104 и далее].

он сформировался и обрел силу, оно, русское общество, прошло долгий и сложный исторический путь. На первых порах, во времена Древнерусского государства, говорить о том, что авторитарная тенденция преобладала в русском историческом процессе, не приходится. Есть все основания полагать, что до вторжения татаро-монголов древнерусское общество в целом развивалось по тем же направлениям, что и западноевропейское общество эпохи раннего Средневековья. Представляется, что сегодня есть все основания провести параллель между «империей» Рюриковичей и империей Каролингов или целым рядом других раннесредневековых государств [13, с. 71; 18, с. 29-46; 17, с. 47-87]⁶. Все эти государства, при всем их внешнем блеске и величии, были внутренне непрочными и нестабильными. И там, и здесь государство и монархия были слабыми и непрочными. Слабость центральной власти в значительной степени компенсировалась самоорганизацией общества и потому полагать, что эти государства были авторитарными, настоящими монархиями (в смысле «властью одного»), нельзя. Древняя Русь была государством самодержавным, но никак не авторитарным, ибо термин «самодержавие» долгое время понимался как синоним независимости, суверенности, самостоятельности государства и его персонального олицетворения – великого князя (правда, есть определенные основания полагать, что «самодержавность» русских князей домонгольской эпохи в определенной степени ограничивалась влиянием Константинополя, но этот вопрос нуждается в дополнительном изучении). Успешное функционирование и эффективность властных механизмов (достаточно примитивных и несовершенных) на всех уровнях (и чем ниже, тем в

⁶ Типичным образцом такого государства может служить раннесредневековая Англия, в частности «империя» Кнута Великого [См., например: 7]. И пример «империи» Кнута Великого тем более интересен, если принять во внимание скандинавские корни династии Рюриковичей

большей степени) во многом определялись умением князя взаимодействовать с местными элитами, учитывать их интересы, опираться в своей деятельности на складывавшиеся веками обычаи и традиции⁷. Судьба этих раннесредневековых государств, и Древняя Русь не была исключением из общего правила, зависела от сплетения множества как объективных, так и субъективных обстоятельств.

Продолжая аналогии дальше, можно отметить, что «Империя Рюриковичей» подобно империи Каролингов или Англии X–XI вв., на рубеже XII – начала XIII вв. вступила в эпоху глубокого кризиса и трансформации в некое новое качество⁸. Нельзя исключить такого поворота событий, что, сложись история иначе, в результате начавшейся в конце XII – начале XIII вв. внутренней перестройки древнерусского общества на свет могло появиться сразу несколько новых государственных образований (во всяком случае, определенные тенденции к этому уже сложились – Северо-Восток, Северо-Запад и Юго-Запад Русской земли к началу XIII в. явно развивались по разным векторам, постепенно удаляясь друг от друга). Однако вторжение татаро-монголов внесло первые серьезные коррективы в ход российского исторического процесса. Оно застало и русскую государственность, и общество в переходный момент развития, когда они были очень далеки от завершения процессов внутренних изменений и обладали высокой степенью пластичности, легко подвергаясь изменениям под влиянием как внешних, так и внутренних факторов развития. Под

⁷ И снова прибегнем к примеру раннесредневековой Англии. Как писал М.М. Горелов, «раннесредневековые государства с их неразвитым аппаратом управления основывались в значительной мере на личном авторитете и личных связях короля и прочих носителей власти, в том числе назначаемых им на места» [7, с. 69]. Подобная зависимость судьбы государства прослеживается на потомках англосаксонского короля Альфреда Великого [см.: 6, с. 51-54 и далее].

⁸ О причинах этого кризиса см., например: [16, с. 5-11].

влиянием этого сильнейшего внешнего фактора вектор развития средневековой русской государственности изменился.

Особенно сильным оказалось воздействие татарского господства на Северо-Восточную Русь, на тот регион, где позднее сформировалось ядро Российского государства. Оказавшись на дальней периферии общеевропейского исторического процесса (и до такой степени изолированными от него, что в конце XV в. европейцы с удивлением для себя «открыли» Россию, подобно тому как примерно в это же время они обнаружили существование Нового Света!), вдали от важнейших торговых путей, на территории, бедной природными и иными ресурсами, в условиях, когда перед ним встали новые, более серьезные и сложные задачи, формирующееся российское государство и общество оказались перед мощным «Вызовом» (А. Тойнби). Они были вынуждены искать свое оригинальное решение вставшей перед ними проблемы, создавать такую организацию политической власти, которая смогла бы найти достойный ответ на вопрос – как выжить в этих сложных условиях.

Можно сказать, что молодое Российское государство должно было сыграть роль защитной оболочки, кокона, внутри которого русская православная цивилизация получила шанс на выживание и дальнейшее совершенствование (в особенности после того, как Османское государство положило конец существованию независимых православных государств на Балканах, а затем и Византийской империи, а в православном в своей основе Великом княжестве Литовском постепенно набирало силу католичество). И с этой задачей оно справилось. «Этот случай еще раз доказывает, – писал А. Тойнби, анализируя итоги его развития в допетровскую эпоху, – что чем сильнее вызов, тем оригинальнее и созидательней ответ. В России ответ представлял собой эволюцию нового образа жизни и новой социальной организации, что по-

зволило впервые за всю историю цивилизаций оседлому обществу не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников (и не только их – П. В., П. Т.) и даже не просто побить их <...>, но и достичь действительной победы, завоевав номадические земли, изменив лицо ландшафта и преобразовав в конце концов кочевые пастбища в крестьянские поля, а стойбища – в оседлые деревни <...> (выделено нами – П. В., П. Т.)» [25, с. 140].

Но каким было это государство и как строились отношения общества с этим государством? Борьба сперва за обретение независимости, «самодержавства», а затем и за гегемонию в Восточной Европе, за «ордынское наследство» и «наследство Ярослава Мудрого» способствовала формированию в России характерного государственного устройства и политического режима. Для европейцев, которые в конце XV в. с удивлением обнаружили для себя могущественное государство на востоке Европы, политический режим России, внешне столь отличный от привычных им форм общественно-политического бытия, мог быть охарактеризован в понятных им терминах только как деспотический и тиранический, основанный на идеях автократии и авторитаризма. Очевидно, здесь и нужно искать корни «черной легенды» о присущем русским чувстве врожденного рабства и преклонения перед деспотической, авторитарной властью монарха, столь распространенными и по сей день не только за рубежом, но и у нас в России⁹. Очевидцы, ярко и живо описывавшие необычные порядки, свойственные «нецивилизованным» москвитам, не смогли понять, что идея

⁹ Яркий тому пример – несколько фраз, автором которых является модный ныне историописатель Э. Радзинский: «Эпоха московских царей и следующие за ними 300 лет правления династии Романовых были эрой жестоких самодержцев <...>. Московское государство вновь породило типично азиатскую самодержавную власть, у руля которой встала династия Романовых. XVII в. стал предвестником смуты 1917 г. <...>» [23, с. 92, 93].

сильного государя и сильной центральной власти стала ответом на необходимость мобилизации всех ресурсов «земли» для решения задач, жизненно важных для всего общества. И «земля» была готова поступиться частью своих прежних вольностей и свобод в обмен на гарантируемые властью взамен них «тишину» и порядок как вне, так и внутри страны.

Но насколько «земля» была готова поступиться своими традиционными «вольностями»? Еще раз подчеркнем, что, по нашему убеждению, пресловутые тирания, авторитарный режим, суть которых как будто бы хорошо видна из знаменитого высказывания Ивана Грозного (московские государи «жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же» [22, с. 30]), не могли существовать в Московской России хотя бы потому, что тот же грозный царь не имел надежных механизмов реализации своих деспотических поползновений. Московское государство в XVI в. было недостаточно сильно, чтобы обойтись без поддержки «земли». И в этом отношении представляет немалый интерес наблюдение, сделанное академиком Н.Н. Покровским. Характеризуя особенности функционирования государственного механизма России во 2-й половине XV–XVI вв., он писал в предисловии к книге санкт-петербургского историка Ю.Г. Алексеева, что «власть эта (Ивана III и, следовательно, его сына Василия – П. В., П. Т.) была не так уж и сильна, что местные особенности и различия очень долго давали себя знать в едином государстве <...>. Система власти базировалась не на единственном понятии “государство”, а на двух понятиях – “государство” и “общество”, на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними <...>. Центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности (крестьянские и городские об-

щины, дворянские корпорации-“города” и пр. – П. В., П. Т.). Но это автоматически означало серьезные права таких организаций, их немалую роль в политической системе всей страны <...>» [см.: 2, с. 5-6].

В этом крылась одновременно и сила, и слабость Московского государства, и здесь, возможно, и кроется разгадка правления Ивана Грозного. В своих посланиях он мог писать все, что он думает и как он представляет себе тот политический идеал, который был мил его сердцу. Однако при столкновении с реальной действительностью этот авторитарный идеал неизменно разрушался. Казня своих противников, явных или же только подозреваемых в сопротивлении своим планам, Иван все равно стремился найти оправдание политике репрессий, пытался заручиться поддержкой, «земли», а когда не чувствовал себя абсолютно уверенным в своей правоте, то искал поддержки, утешения и прощения у Бога. Трудно сопрягается образ царя-тирана и деспота с образом постоянно мятущегося, колеблющегося, не уверенного в своей правоте царя и, видимо, не случайно рождается весьма популярная, особенно в околоисторических кругах, идея о безумии, поразившем царя [см., напр.: 8, с. 226-238].

Было бы, конечно, весьма соблазнительно свести все проблемы русской истории к психическим особенностям того или иного лица, стоявшего во главе государства, но такое объяснение представляется слишком простым и примитивным. Не отрицая роли субъективного фактора, тем не менее, мы далеки от стремления придать ему главенствующий, доминирующий характер. На наш взгляд, метания Ивана Грозного во многом были предопределены как раз несоответствием возможностей того государственного механизма, той политической системы, которая оказалась в его распоряжении, и тех неожиданно усложнившихся условий, внешних и внутренних, в которых ему и его правительству пришлось действовать.

Упомянувшийся выше Ю.Г. Алексеев, характеризуя суть этой системы, отмечал, что Российское государство времен Ивана III, его сына и внука «можно назвать земско-служилым – русским вариантом централизованной монархии позднего средневековья <...>. Реальной основой этого государства явились служилые отношения и общинные институты, пронизывающие весь строй жизни России. Вопреки мнению, долгое время господствовавшему в нашей историографии, Русское государство не знало “закрепощения сословий”. Обязанность государственной службы, т. е. службы Отечеству, воплощаемому в лице государя всея Руси, вытекала из всего бытия Русского государства и определялась, с одной стороны, объективной необходимостью иметь сильное, дееспособное государство, способное отстоять независимость и целостность России, с другой же стороны – патернализмом как основной формой отношений между главой государства и его подданными. Средневековый патернализм не укладывается в категории политического и юридического мышления XIX–XX вв. с его повышенным рационализмом и формализмом <...>. В силу патерналистского характера политического сознания в России не было и не могло быть договорных отношений между отцом и сыном в православной семье¹⁰. Отсутствие договорных отношений было не проявлением «бесправия», «восточного деспотизма», а высшей степенью доверия между властью и народом – тем морально-политическим единством, которое обусловило

¹⁰ Даже введение Иваном III пресловутого «Юрьева дня» можно трактовать по-разному – с одной стороны, как начало реального закрепощения крестьян, а с другой стороны – как «отеческую» заботу государя о своих «детях»-подданных, помещиках и крестьянах. Нам ближе второй вариант. «Он (т. е. Юрьев день – П. В., П. Т.) играл роль естественного регулятора норм эксплуатации в частновладельческих землях <...>. В системе Юрьева дня Иван III нашел устойчивый баланс интересов земледельцев и землевладельцев. Нарушение этого баланса не могло остаться безнаказанным», – отмечал российский историк Н.С. Борисов [3, с. 582].

сохранение Россией ее государственно-го единства, независимости и самого ее существования <...>» [2, с. 431-433].

Однако в сложнейших условиях 2-й половины XVI в. (война на нескольких фронтах [см.: 20, с. 77-83], тяготы которой оказались усугублены сильнейшим хозяйственно-экономическим кризисом, обусловленным как ухудшением природно-климатических условий, так и пресловутой «революцией цен», а это, в свою очередь, обусловило рост политической и социальной напряженности в обществе) политические структуры и институты, сформировавшиеся при его деде и отце, в новых условиях оказались неэффективными, не способными к выполнению тех широкомасштабных внешнеполитических планов, которые попытался реализовать Иван IV, подталкиваемый к тому как внешними, так, в особенности, внутренними причинами. Конец XVI – начало XVII вв. ознаменовались новым кризисом русской государственности и сложившейся системы взаимоотношений власти и общества, основанной на соблюдении обычая и традиции, а также определенного паритета интересов государства и «земли». И снова, как это было в XIII в., внешняя угроза, до основания потрясая русское общество и его устои, изменяет вектор политического развития российской государственности.

После Смуты возврат к прежним старым добрым временам был уже невозможен. Конечно, можно представить, как делают некоторые авторы, что было бы, если бы польский принц Владислав стал московским царем и правил Россией на основе «конституции» боярина М. Салтыкова [см., напр.: 11, с. 134-136; 29, с. 29, 353]. Однако возникают серьезные сомнения относительно жизнеспособности такой химеры. Во что могло вылиться такое правление, хорошо понимали сами русские того времени. Характерно высказывание «некоего москвитянина», которое приводит в своем дневнике поляк С. Маскевич: «В беседах с москвитянами наши,

выхваляя свою вольность, советовали им соединиться с народом польским и также приобрести свободу. Но русские отвечали: «Вам дорога ваша воля, нам неволя. У вас не воля, а своеволие: сильный грабит слабого (выделено нами – П. В., П. Т.); может отнять у него имение и самую жизнь. Искать же правосудия, по вашим законам, долго: дело затянется на несколько лет. А с иного и ничего не возьмешь. У нас, напротив того, самый знатный боярин не властен обидеть последнего простолюдина: по первой жалобе, царь творит суд и расправу (Выделено нами. В принципе, это высказывание можно трактовать как своего рода манифест «просвещенного» абсолютизма, когда монарх выступает в роли своеобразного арбитра, стоящего над индивидуальными и узкословными интересами – П. В., П. Т.). Если же сам государь поступит неправосудно, его власть: как Бог, он карает и милует. Нам легче перенести обиду от царя, чем от своего брата: ибо он владыка всего света» <...>» [9, с. 57].

Еще раз подчеркнем, что в этом вопросе мы согласны с мнением Б.Н. Флори, отмечавшим, что польско-литовская модель общественно-политического развития носила тупиковый характер и была отвергнута русским обществом как неприемлемая [см.: 27, с. 395-397]. Принятие этой модели вряд ли привело бы к установлению в исторической перспективе в России не то что демократии (даже в ограниченном, «афинском» или «римском» ее вариантах – «демократии» для «своих»; пример эволюции новгородской «демократии» XII–XV вв. это наглядно демонстрирует), но даже ограниченной монархии. Более вероятным был вариант поглощения России Речью Посполитой, либо установления режима правления боярской олигархии, весьма сходного с тем, что сложился в первой половине XVII в. в самой Речи Посполитой (или в том же Новгороде к концу существования Новгородской «республики»).

Шок и потрясение, испытанное Рос-

сией и русским обществом в результате Смуты, на наш взгляд, были таковы, что практически полностью перечеркнули всякую возможность альтернативного развития. Если до этого и могли быть какие-то иллюзии, то теперь они оказались невозможны – спасение от повторения Смуты виделось теперь только в сильной центральной власти. Испытанное «давление на Россию со стороны Польши и Швеции в XVII в. было столь яростным, что оно неминуемо должно было вызвать ответную реакцию. Временное присутствие польского гарнизона в Москве и постоянное присутствие шведской армии на берегах Нарвы и Невы глубоко травмировало русских, и этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям <...>», – писал А. Тойнби [25, с. 147].

Главный вывод, сделанный из бурных событий эпохи Смутного времени, заключался прежде всего в том, что в Москве четко усвоили, что «в условиях того времени стать «ведущей державой» значило обладать экономическим и военным потенциалом, позволяющим играть ведущую роль в мировой политике и вести активную наступательную внешнюю политику, столь же агрессивную и экспансионистскую, как у других крупных европейских держав <...>. Дальнейшая экспансия была невозможна без сильной профессиональной армии, опирающейся на современную индустрию, что <...> требовало радикальной реформы <...>» [10, с. 48].

Но и это еще не все. Само русское общество, испытав нечеловеческое напряжение в годы Смуты, осознало, что только сильное государство, сильная власть способны отстоять независимость страны. Это требовало создания соответствующего государственного устройства, способного обеспечить мобилизацию немногочисленных ресурсов страны и общества на решение жизненно важных вопросов.

Однако в условиях острой нехватки ресурсов разрешить эту задачу можно было только в ущерб традиционным вольностям

и свободам, и обществу, и «земля» после трагедии Смуты были готовы поступиться частью своих прежних вольностей и свобод в обмен на гарантируемые властью взамен «тишину» и порядок как вне, так и внутри страны. И снова проведем аналогию, на это раз между «несвободным» Российским государством и «свободным» Польско-Литовским. В конце XVIII в. Речь Посполитая, раздираемая внутренними противоречиями, оказалась разделенной своими соседями и прекратила свое существование. Польская правящая элита оказалась неспособна подняться над своими узкословными интересами и в итоге погубила свое государство. Напротив, русское «служилое» государство [27, с. 395], сложившееся в позднем Средневековье, оказалось способно мобилизовать все скудные силы и ресурсы общества для решения общественно важной задачи – дать адекватный ответ на военный вызов со стороны и Запада, и Востока¹¹. Как справедливо указывал русский философ Г.П. Федотов: «Весь процесс исторического развития на Руси стал обратным западноевропейскому: это было развитие от свободы к рабству. *Рабство диктовалось не капризом властителей, а новым национальным заданием: создания Империи на скудном экономическом базисе. Только крайним и всеобщим напряжением, железной дисциплиной, страшными жертвами могло существовать это нищее, варварское, бесконечно разрастающееся государство* (выделено нами – П.

¹¹ Таким образом, прав был отечественный историк А. Петров, когда писал, что «в борьбе за “киевское наследство” (и за ордынское в том числе – П. В., П. Т.) Московская держава сформировалась как *сплоченная национальная военно-государственная структура. Сформировался своего рода военный лагерь* (выделено нами – П. В., П. Т.). Государева власть стала единой и самодержавной, подчиняя и подавляя частные и общественные интересы. *Только прочное и безусловное сосредоточение сил и средств в распоряжении власти* (выделено нами – П. В., П. Т.) дало возможность организовать их и вести активную политику на пространствах Восточной Европы <...>» [21, с. 172].

В., П. Т. И от себя мы добавим: судя по всему, это был единственный выход, ибо в начале XVII в. Европа еще была не готова к экспансии в восточном направлении, и у России было время подготовиться к рывку с тем, чтобы встретить потенциальную угрозу во всеоружии. Османы поняли это слишком поздно – у них не было своей Смуты, размахом подобной той, которую пережила Россия, и в итоге они не смогли успешно модернизироваться и противостоять натиску с Запада) <...>» [26, с. 616].

«Служилое» государство смогло решить проблему, ранее представлявшуюся неразрешимой. Экспансия и в западном, и в южном направлениях была возобновлена. Хотя, на первый взгляд, добиться больших успехов ни Алексею Михайловичу, ни Федору Алексеевичу на этом пути не удалось, тем не менее, старые противники Москвы, Крым и Речь Посполитая, в возобновившейся борьбе получили тяжелые удары. Россия не только смогла положить конец татарской угрозе, но и приступить к освоению Дикого поля (достаточно вспомнить о постройке Белгородской и Изюмской черт, выдвинувших рубежи Русского государства далеко в степь и сделавших возможными походы значительных армейских группировок в Крым), отвоевала у Речи Посполитой не только Смоленщину, но и Левобережную Украину. Более того, она нанесла такие сильные удары польско-литовскому государству, что при всем своем нежелании поляки были вынуждены отказаться от намерений отвоевать утраченные земли и признать Москву, по меньшей мере, равноправным партнером [см.: 14].

Однако с течением времени, когда эта задача была выполнена, авторитарная традиция, освященная церковью и обычаем, уже не могла быть отменена просто мановением руки или законодательным актом, тем более что она оказалась чрезвычайно удобным инструментом в руках власти для разрешения задач, нередко расхившихся (и чем дальше, тем боль-

ше) с интересами общества. Петр Великий, поставив перед обществом и государством новую сверхзадачу, исходил из того, что Россия может рухнуть под натиском более мощных противников, повторив судьбу Византийской империи [4, с. 159]. Включившись в работу европейского «концерта», Россия должна была любой ценой поддерживать необходимый уровень расходов для сохранения статуса великой державы и субъекта международного права. В условиях нараставшего социально-экономического и политического отставания России от передовых стран Европы решить эту задачу можно было только при условии сохранения авторитарного политического режима как наиболее эффективного механизма мобилизации ресурсов для достижения успеха в ожесточенной конкурентной борьбе. Попытка России позиционировать себя в мировом сообществе как великую державу в условиях относительной бедности страны и общества неизбежно вела к консервации авторитарной политической традиции.

Эта политическая традиция достигла своего апогея в первой четверти XVIII в., когда государство полностью подмяло под себя общество. Новая политическая доктрина была четко выражена в чеканных словах Воинского устава 1715 г.: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять» [24, с. 331]. В такой конструкции места преждему сотрудничеству «земли», где, по мнению Петра, «умных людей нет», и «просвещенного» монарха, не было. Патриархальное Московское царство должно было превратиться в регулярную, полицейско-бюрократическую Российскую империю, своего рода машину, перед лицом которой все были бы равны, и даже сам император был бы одним из колес, пусть и самым главным, этого чудовищного механизма. Лишь после смер-

ти Петра Великого началась постепенная либерализация режима, но коснулась она только одной социальной группы, а именно, российского дворянства. Самодержавие было вынуждено пойти ему на уступки, поскольку оно в ходе петровских преобразований окончательно утвердило себя в качестве главного столпа империи и заставило власть прислушиваться к своему мнению. Но по отношению к другим сословиям практически ничего не изменилось, и даже более того, давление на них со стороны государства еще более увеличилось. В итоге это позволило российским монархам XVIII в. вывести Россию, не обладавшую такими же ресурсами, как, например, Англия или Франция, в число мировых держав и заставить считаться с собой и своими интересами Европу.

Вместе с тем необходимо отметить, что есть все основания сомневаться в том, что мобилизационный тип государственной машины и подчинение интересов личности и общества интересам государства оказался в конечном итоге наилучшим историческим выбором для России и русского народа. «Служилый» характер государства и отношений между ним и обществом для своего времени был необходимым и сыграл свою положительную роль, но впоследствии он же способствовал в немалой степени консервации отсталых, архаичных форм общественной и политической жизни. Это, в свою очередь, приводило к тому, что каждый раз, когда Россия пыталась совершить рывок вслед за Западом, запустить двигатель внутреннего саморазвития общества и государства так и не удавалось, и последствия модернизационного рывка всякий раз носили конечный характер. Совершив скачок и догнав Европу, Россия затем, по мере иссякания энергии толчка, постепенно замедляла свое развитие, в результате чего снова возникал разрыв между Европой и Россией, преодоление которого требовало новых чрезвычайных усилий со стороны как общества, так и государ-

ства, и нового запуска авторитарных механизмов управления. И выйти из этого замкнутого круга не удастся и по сей день.

Литература:

1. Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск: Наука, 1991. 240 с.

2. Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 448 с.

3. Борисов Н.С. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2003. 644 с.

4. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Т. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 646 с.

5. Герберштейн С. Записки о Москве. Т. I. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 774 с.

6. Глебов А.Г. Англия в раннее Средневековье. СПб.: Евразия, 2007. 283 с.

7. Горелов М.М. Датское и норманнское завоевания Англии в XI веке. СПб.: Алетейя, 2007. 176 с.

8. Грин В. Безумные короли. Р.-на-Д.: Феникс, 1997. 480 с.

9. Дневник Маскевича 1594-1621 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. 1. СПб. 1859. С. 8-124.

10. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М.: Изд-во РГГУ, 1999. 575 с.

11. Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2005. 638 с.

12. Коллманн Н.Ш. Соединенные чество. М.: Древлехранилище, 2001. 463 с.

13. Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб.: Алетейя, 1998. 444 с.

14. Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М.: Индрик, 2008. 504 с.

15. Кюстин А. де. Николаевская Россия. М.: Госполитиздат, 1990. 352 с.

16. Макаров Н.А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII

веке: древности темного времени. М.: Наука, 2007. С. 5-11.

17. Назаренко А.В. Династический строй Рюриковичей X–XII веков в сравнительно-историческом освещении // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы). М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2009. С. 7-28.

18. Назаренко А.В. «Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы). М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2009. С. 29-46.

19. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск: Русич, 2003. 480 с.

20. Пенская Т.М., Пенской В.В. Главная война Ивана Грозного // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2013. Вып. 3. С. 77-83.

21. Петров А. Мечты о золотом столе. Киевское наследство в политической жизни средневековой Восточной Европы // Родина. 2002. № 11-12. С. 168-172.

22. Послания Ивана Грозного. СПб.: Наука, 2005. 715 с.

23. Радзинский Э. О Русь! Куда несешься ты? // Империя. № 4. 2006. С. 92-97.

24. Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юридическая литература, 1986. 512 с.

25. Тойнби А. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

26. Федотов Г.П. Россия и свобода // Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. С. 615-617.

27. Флоря Б.Н. Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 2003. 403 с.

28. Шамбаров В.Е. Тайна воцарения Романовых. М.: Алгоритм, 2007. 597 с.

29. Янов А.Л. Россия: у истоков трагедии. 1462-1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 559 с.

References:

1. Alekseev Yu.G. Gosudar vseia Rusi [Tsar of All Russia]. Novosibirsk: Nauka, 1991. 240 p.
2. Alekseev Yu.G. Sudebnik Ivana III. Traditziya i reforma [Sudebnik of Ioann III. Tradition and Reform]. St.-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2001. 448 p.
3. ~~Borisov N.S. Ivan III [Ioann III]. Moscow: Molodaya Gvardia, 2003. 644 p.~~
4. Voskresenskiy N.A. Zakonodatelnie akti Petra I [Legislative acts of Peter I]. V. 1. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy, 1945. 646 p.
5. Herberstein S. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]. V. I. Moscow: Monuments of Historical Thought, 2008. 774 p.
6. Glebov A.G. Angliya v rannee Srednevekovie [England in the early Middle Ages]. St.-Petersburg: Eurasia, 2007. 283 p.
7. Gorelov M.M. Datskoe i normanskoe zavoevaniya Anglii v XI veke [The Danish and the Norman conquest of England in the XI century]. St.-Petersburg: Aletheia, 2007. 176 p.
8. Green V. Bezumniye koroli [The Mad Kings]. Rostov-on-Don: Feniks, 1997. 480 p.
9. Dnevnik Maskevicha 1594-1621 // Skazaniya sovremennikov o Dmitrii Samozvantze [Maskevitch Diary 1594-1621 // Tales of contemporaries about Dmitry the Pretender]. V. 1. St.Petersburg. 1859. pp. 8-124.
10. Kamenskiy A.B. Ot Petra I do Pavla I: Reformy v Rossii XVIII veka (opit tselostnogo analiza) [From Peter I to Paul I: reforms in Russia of the XVIII-th century (experience of holistic analysis)]. Moscow: Publishing of RSUH, 1999. 575 p.
11. Karatsuba I.V., Kurukin I.V., Sokolov N.P. Vibiraia svoyu istoriyu. "Razvilki" na puti Rossii: ot ryurikovichy do oligarkhov [Choosing your History. «Fork» in the Way of Russia: from Rurik to the Oligarchs]. Moscow: KoLibry, 2005. 638 p.
12. Kollmann N.Sh. Soedinennye chesti [United Honor]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2001. 463 p.
13. Kotlyar N.F. Drevnerusskaya gosudarstvennost' [Old Russian Statehood]. St.-Petersburg: Aletheia, 1998. 444 p.
14. Kochegarov K.A. Rech Pospolitaia i Rossiya v 1680–1686 godah. Zaklyuchenie dogovora o Vechnom mire [Rzeczpospolita and Russia in 1680-1686 years. Conclusion of Agreements on the Eternal Peace]. Moscow: Indrik, 2008. 504 p.
15. Custine A. de. Nikolaevskaya Rossiya [Nikolay Russia]. Moscow: Gospolitizdat, 1990. 352 p.
16. Makarov N.A. Rus v XIII veke: kharakter kul'turnih izmeneniy // Rus' v XIII veke: drevnosti temnogo vremeni [Rus in the XIII century: the Nature of Cultural Change // Rus in the XIII century: Ancientry of the Dark Time]. Moscow: Nauka, 2007. pp. 5-11.
17. Nazarenko A.V. Dinasticheskiy stroy Ryurikovichy X-XII vekov v sravnitelno-istoricheskom osveshchenii // Drevnyaya Rus' i slaviane [Dynastic System of the Ruriks in X-XII Centuries in Comparative and Historical Interpretation // Ancient Rus and Slavs (ancient states of Eastern Europe)]. Moscow: University of Dmitry Pozharskiy, 2009. pp. 7-28.
18. Nazarenko A.V. "Ryad" Yaroslava Mudrogo v svete evropeyskoy tipologii // Drevnyaya Rus' i slavyane [«Ryad» of Yaroslav the Wise in the Light of European Typology // Ancient Rus and Slavs (ancient states of Eastern Europe)]. Moscow: University of Dmitry Pozharskiy, 2009. pp. 29-46.
19. O'Leary A. Opisanie puteshestviya v Moskoviyu [Description of the Journey to Muscovy]. Smolensk: Rusich, 2003. 480 p.
20. Penskiy T.M., Penskiy V.V. Glavnaya vojna Ivana Groznogo [The main War of Ivan the Terrible // Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series]. Issue 3. 2013. pp. 77-83.
21. Petrov A. Mechti o zolotom stole.

Kievskoie nasledstvo v politicheskoy zhizni srednevekovoy Vostochnoy Evropi // Rodina [Dreams of a Golden Table. Kiev Legacy in the Political Life of the Medieval Eastern Europe]. № 11-12. 2002. pp. 168-172.

22. Poslaniya Ivana Groznogo [Epistles of Ivan the Terrible]. St.-Petersburg: Nauka, 2005. 715 p.

23. Radzinski E. O, Rus! Kuda nesyoshsya ti? // Emperiya [Oh, Russ! Where are you Rushing?]. № 4. 2006. pp. 92-97.

24. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X-XX vv. [The Russian legislation of X-XX centuries in 9 vols. V. 4. Legislation Formative Period of Absolutism]. Moscow: Legal literature, 1986. 512 p.

25. Toynbee A. Postizhenie istorii [A Study of History]. Moscow: Progress, 1991. 736 p.

26. Fedotov G.P. Rossiya i svoboda // Sviatie Drevney Rusi [Russia and Freedom // Saints of Ancient Russia]. Moscow: ООО «Publ. AST», 2003. pp. 615-617.

27. Florea B.N. Ivan Groznyi [Ivan the Terrible]. Moscow: Molodaya Gvardia, 2003. 403 p.

28. Shambarov V.E. Taina votzareniya Romanovikh [The Mystery of the Accession of the Romanovs]. Moscow: Algoritm, 2007. 597 p.

29. Yanov A.L. Rossiia: u istokov tragedii 1462-1584. Zametki o prirode i proiskhozhdenii russkoy gosudarstvennosti [Russia: The Sources of the Tragedy. 1462-1584. Notes on the Nature and Origin of the Russian Statehood]. Moscow: Progress-Tradition, 2001. 559 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Пенской Виталий Викторович

*доктор исторических наук,
профессор*

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

ул. Победы, 85, г. Белгород,
308015, Россия

Электронный адрес:
penskoj@bsu.edu.ru

Пенская Татьяна Михайловна

*кандидат исторических наук,
доцент*

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

ул. Победы, 85, г. Белгород,
308015, Россия

Электронный адрес:
penskoj@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Penskoy Vitaly Victorovich

*Doctor of Historical Sciences,
Professor*

Belgorod National Research
University

85, Pobedy St., Belgorod, 308015,
Russia;

e-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Penskaya Tatiana Mikhailovna

*Candidat of Historical Sciences,
Associated Professor*

Belgorod National Research
University

85, Pobedy St., Belgorod, 308015,
Russia;

e-mail: penskaya@bsu.edu.ru

УДК 321.7:324

Шилов В. Н.

Shilov V. N.

**ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ
И ПРЕДПОСЫЛКИ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ****DEMOCRATIC POLITICAL COMPETITION
AND PRECONDITIONS OF ITS EFFICIENCY****Аннотация**

Целью исследования, отраженного в статье, является обоснование тезиса, что демократическая политическая конкуренция приводит к улучшению политического управления лишь в случае наличия определенных условий – компетентности избирателей, ответственности политической элиты, высокой правовой и политической культуры общества и др.

Методологически статья выполнена в форме политологического аксиологического комментария к теории демократии Й. Шумпетера на основе сравнительного анализа обстоятельств политической конкуренции в новейшей политической истории согласно процедурной версии демократии, разработанной Й. Шумпетером.

Результатом исследовательской работы является экспликация ценностно-смысловых оснований демократического политического управления и эффективной демократической политической конкуренции.

Применение результатов исследования возможно при построении теоретико-методологических моделей процедурной демократии с учетом исторических особенностей российского политического процесса.

К основным выводам относятся следующие положения: эффективность демократического управления тем успешнее, чем последовательнее учитывается готовность общества к использованию механизмов конкурентного способа формирования органов власти; политическая конкуренция есть лишь средство для формирования власти,

Abstract

The purpose of the research reported in the paper is to justify the thesis that democratic political competition leads to a better political control only under certain conditions – the voters' competence, responsibility of political elite, high legal and political culture, etc.

Methodologically the paper is presented in the form of politological and axiological discussion to the theory of Schumpeter democracy based on a comparative analysis of the causes of political competition in modern political history of democracy, in accordance with the procedural version, developed by J. Schumpeter.

The output is the explication of value-semantic foundations of a democratic political control and effective democratic political competition.

The application of the results is possible providing theoretical and methodological models of procedural democracy in accordance with historical features of the Russian political process.

The main conclusions are the following: the effectiveness of democratic governance is higher if more successful is the society's willingness to consistently use competitive mechanisms of forming government authorities; political competition is only a means for generating power, its aggravation is justified only by improving the quality of government and political governance.

Key words: democracy; Schumpeter; political competition; elections; voters; political governance; political elite; political culture.

ее обострение будет оправдано лишь повышением качества власти, улучшением политического управления.

Ключевые слова: демократия, Й. Шумпетер, политическая конкуренция; выборы, избиратели, политическое управление; политическая элита; политическая культура.

Еще совсем недавно общим местом в рассуждениях о политической конкуренции в России была констатация факта ее снижения, что большинством исследователей [2; 3 и др.] и политических практиков¹ воспринималось как угроза демократии и модернизации страны. Но после выборов в ГД РФ в декабре 2011 г., где оппозиционные партии существенно «приросли» числом голосов, отданных за них избирателями, а соответственно и количеством депутатских мест, когда правящая партия «Единая Россия» потеряла конституционное большинство в нижней палате парламента, уже говорится о росте политической конкуренции. И этому факту дается, в основном, позитивная оценка.

Но все ли так просто? Можем ли мы считать, что рост политической конкуренции – это гарантия прогресса политической системы, процветания страны, ее модернизации, улучшения жизни ее населения?

Вначале о том, что представляет собой феномен «политическая конкуренция». Понятие «политическая конкуренция» можно определить как соперничество в сфере политики за обладание властью, когда результаты соперничества определяет некто третий [см.: 22].

В условиях авторитарных (тоталитарных) режимов носителем верховной власти, суверенитета, этим «неким третьим» является отдельный индивид или узкая

группа лиц и те, кто стремится к участию во власти, добиваются именно их внимания и расположения. Искатели власти продают свои услуги, самих себя за долю властных ресурсов, делегируемых им верховными носителями власти.

При демократии «неким третьим», потребителем «политической продукции» является народ (население страны). Народ делегирует, дает власть тем или иным индивидам или группам лиц. Поэтому борьба за власть здесь проявляется как соперничество различных субъектов за внимание, «благосклонность» населения. Электорат за свои голоса «покупает» «политико-управленческие услуги», выбирая на политическом рынке специфические товары – политические проекты, кандидатов, стили руководства, политические партии. Отсюда и возникает соперничество производителей политических товаров и услуг, которое описывается и анализируется посредством понятия (концепта, теоретической модели) конкуренции.

Таким образом, можно говорить о демократической и авторитарной политической конкуренциях. В значительной мере упрек России в том, что ее политический режим представляет собой некий гибрид, справедлив в том плане, что судьба искателей власти в России часто зависит более от решений верховного центра или иной вышестоящей инстанции, нежели от симпатий населения, то есть в России удельный вес авторитарной политической конкуренции значителен.

Если говорить о демократической политической конкуренции, то для ее анализа весьма важно обоснование «процедурной версии» демократии, сделанное еще в середине прошлого века Йозефом Шумпетером, австрийским исследователем, переселившимся позднее в США, в книге «Капитализм, социализм, демократия» [27]. На разработки Й. Шумпетера в этом плане часто ссылаются и современные исследователи [см.: 19, с. 73].

¹ Характерны в этом отношении выступления на заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России С. Митрохина и С. Миронова [см.: 18]. Об этом также см.: [20].

Свое понимание демократии Й. Шумпетер сопровождает критикой традиционной, (содержательной, ценностной) версии демократии, когда демократия видится как политический режим, где имеет место правление народа, выражение интересов народа. Так, он отмечает, что понимание демократии в этимологической расшифровке как правление народа делает границы этого феномена крайне расплывчатыми. Во-первых, по-разному понимается «народ». В разные исторические периоды существовали разные критерии для включения тех или иных групп населения в «народ»; «существовали государства, открыто практиковавшие дискриминацию различных статусных групп населения <...> и тем не менее демонстрировавшие большинство характеристик, обычно связываемых с понятием «демократия»» [23, с. 639].

Во-вторых, во всех политических режимах, если это не кровавая диктатура, присутствует какая-то поддержка народом (населением страны) власти, ибо даже авторитарная власть в той или иной мере выражает волю народа и способствует реализации его интересов. «Наивно полагать, что демократический процесс полностью исчезает, прекращает работать при автократии, что правитель, обладающий властью, сознательно пренебрегает волей собственного народа и ни при каких обстоятельствах не стремится ей следовать» [23, с. 635].

В-третьих, «за пределами «прямой», «непосредственной» демократии лежит бесконечное множество возможных форм, в рамках которых народ способен принимать участие в делах государственного управления или же влиять на него и контролировать тех, кто на самом деле его осуществляет. Ни одной из таких форм, особенно это касается реально функционирующих, не может быть предоставлено исключительное право носить название «правление народа»» [23, с. 643].

Трактовка демократии как правления народа, полагает Й. Шумпетер, основана на ошибочной предпосылке наличия некоего общего блага, которого на самом деле нет. И здесь мы должны согласиться с классиком экономической и политической мысли: интересы различных групп населения отличаются друг от друга, они по-разному трактуются. И даже если исходным пунктом является воля большинства населения, то и в этом случае речь пойдет лишь о части народа, а не обо всем народе. Модель «демократии тождества» – неотъемлемый признак тоталитарных политических режимов.

Й. Шумпетер предлагает рассматривать демократию не с точки зрения ее содержания (субъекта правления, целей власти, направленности ее действий), а с точки зрения процедуры. «<...> Демократический метод – это такое институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей <...>, у нас есть достаточно эффективный критерий, при помощи которого демократические правительства можно отличить от прочих. Мы видели, что классическая теория сталкивается с трудностями в подобном разграничении, поскольку воле и благу народа могут служить, и во многих исторических ситуациях служили, правительства, которые нельзя назвать демократическими в соответствии с любым из общепринятых смыслов этого слова. Теперь мы в несколько лучшем положении, поскольку решили делать акцент на *modus procedendi* [процедуре – лат.], наличие или отсутствие которого в большинстве случаев легко проверить» [23, с. 667-668].

Здесь имеет место, по существу, рыночная процедура выбора (покупки) населением политического лидера (партии) как товара. В связи с этим Й. Шумпетер отмечает: «Не может быть серьезным по-

литиком тот, кто не выучил на всю жизнь изречение, приписываемое одному из наиболее преуспевших политиков в истории: «Чего не понимают бизнесмены, так это того, что я торгую голосами точно так же, как они торгуют нефтью» [23, с. 684].

Импонирует и подход Й. Шумпетера к демократии не как к некоей абсолютной ценности, а как к средству. «Демократия – это всего лишь метод, так сказать, определенный тип институционального устройства для достижения законодательных и административных политических решений. Отсюда – она не способна быть целью сама по себе, безотносительно к тем решениям, которые будут приниматься в конкретных обстоятельствах при ее посредстве <...>» [23, с. 637], – такова позиция исследователя. «Демократия процветает тогда, когда модель общества обладает определенными характеристиками, и бессмысленно спрашивать, как она будет существовать при других социальных моделях, не обладающих этими характеристиками, или как будут жить люди в таких обществах в условиях демократии» [23, с. 689].

Таким образом, демократическая политическая конкуренция является процедурой, применение которой требует определенных социальных условий. Поэтому прежде чем восхвалять политическую конкуренцию и, тем более, ее рост, следует выяснить, сложились ли условия для политической конкуренции (в дальнейшем везде мы будем говорить о политической конкуренции, имея в виду, демократическую политическую конкуренцию – В. Ш.).

Определим основные из этих условий, необходимых для того, чтобы политическая конкуренция приводила к улучшению политического управления, давала общий положительный социальный эффект, опираясь, на высказывания по этому поводу Й. Шумпетера, дополняя их аналитическим материалом других исследователей.

На первое место в перечне условий, необходимых, чтобы политическая кон-

куренция повышала качество власти, мы бы поставили готовность населения к осуществлению отбора лидеров и партий. Избиратели должны обладать определенной компетентностью, чтобы «противостоять предложениям обманщиков и маньяков» [23, с. 694].

Российские избиратели часто бывали обманутыми. Так было в 90-е гг., когда они, поверив красноречивым критикам партийной номенклатуры, прежде всего их лидеру Б. Ельцину, были брошены в пучину хаоса и нищеты. Стоит вспомнить и том, что позднее стараниями депутатов Государственной думы, избранной населением страны, было принято столько законов, показывающих заботу законодателей о населении, что требовалось 2-3 бюджета страны, чтобы наполнить их реальным финансовым содержанием. На последних выборах многие из избирателей также поверили партиям, обещающим заведомо невыполнимое. Значительная часть российского общества не всегда готова «противостоять предложениям обманщиков». Именно это стало причиной сокращения сферы демократической политической конкуренции в России в начале этого века: так, повсеместно были отменены прямые выборы населением глав регионов, а в некоторых муниципальных образованиях – и руководителей этих образований. Лишь в Послании Президента Федеральному собранию в декабре 2011 г. было предложено снова «перейти к выборам руководителей субъектов Российской Федерации прямым голосованием жителей регионов» [14].

Важно также, чтобы избиратели были готовы к компромиссу, готовы были с пониманием отнестись к тому факту, что их выбор не будет поддержан другими избирателями. Для этого необходимо не только уважение мнения других членов общества, но и определенная общность интересов различных групп населения, которая основана на соответствующей экономической и социальной структуре общества. Лишь

в этом случае выбор одних не будет означать резкое ухудшение положения других. Необходима и достаточная гражданская зрелость в плане наличия республиканского сознания, когда то, что происходит в обществе, видится как «общее дело». Выбирая кандидата или партию «для себя», они по существу выбирают их «для всех», с учетом интересов этих «всех».

При несоблюдении вышеуказанных условий, при недостаточной готовности населения, избирателей к ответственному выбору в обществе может повыситься степень конфликтности, вплоть до вооруженного противостояния. Как отмечает Й. Шумпетер, «демократическое правительство будет работать наилучшим образом, только если все значимые интересы практически одинаковы не только в своей преданности стране, но также в лояльности основным принципам существующего общества. Когда эти принципы подвергаются сомнению и возникают проблемы, которые раскалывают нацию на два враждебных лагеря, демократия работает в невыгодных условиях. И она может совсем прекратить работать, как только люди перестают видеть почву для компромисса между интересами и идеалами, о которых идет речь» [23, с. 696].

В условиях России, когда доходы 10 % наиболее обеспеченных граждан и 10 % ее наименее обеспеченного населения разнятся примерно в 16 раз [см.: 4; 21, с. 205, 211], основа для компромисса интересов далеко не идеальная. Хотя эти данные сопоставимы с ситуацией в США (15,9 на 2007 г.), но отличаются в худшую сторону от показателей Японии (4,5 в 1993 г.) или Норвегии (6,1 в 2000 г.) [см.: 4].

Как отмечал А. Пшеворский, «теория демократии XVIII столетия видела в демократическом процессе рациональное рассуждение, ведущее к единодушию и отвечающее общему интересу. Если население однородно или если его интересы гармоничны, то у него может быть один и

только один интерес, который одновременно является общим и рациональным. Согласно этой установке, все расхождения суть расхождения во мнениях: не существует конфликтов, которые нельзя было устранить рациональным обсуждением. Политика имеет эпистемологический смысл: это поиск истины. А статус консенсуса является моральным: это «воплощение общего интереса» [16, с. 135].

Подобная трактовка демократии оправдывала то, что в народ первоначально включались группы населения с относительно однородными интересами. Поэтому в истории развития демократической конкуренции мы наблюдаем эволюцию границ субъекта выборов, «объема народа», постепенное расширение числа избирателей. Это достигалось за счет наличия различного рода цензов (имущественного, образовательного, оседлости и др.), которые делали массив избирателей более или менее однородным. Полученная таким образом относительная однородность контингента избирателей («народа») позволяла находить компромисс между различными альтернативами (кандидатами, партиями, программами), привлекательными для его отдельных сегментов (разных социальных, культурных, этнических и др. групп). Так во Франции в 1815-1830 гг. только 0,25-0,3 % населения участвовали в голосовании. В Англии по закону 1832 г., расширившему избирательные права, их получили 14-18 % мужчин; всеобщее избирательное право было введено только в 1928 г. [13, с. 18].

Сегодняшняя трактовка демократии далека от того, чтобы видеть в ней нечто сугубо рациональное. «Решения, принятые большинством голосов или по правилам, вовсе не обязательно рациональны, – отмечает А. Пшеворский. – Повседневная жизнь демократии – зрелище, не вызывающее благоговейного трепета: бесконечные препирательства, мелочные амбиции, риторика, призванная что-то за-

тушевать или ввести кого-то в заблуждение, сомнительные связи власти и денег... Конфликты ценностей и интересов присущи всем обществам. Демократия нужна именно потому, что мы не можем договориться. Демократия – всего лишь система урегулирования конфликтов, обходящихся без убийств; это система в которой есть расхождения, конфликты, победители и побежденные. Только в авторитарных системах не бывает конфликтов» [16, с. 137-138]. Но подобное видение демократии – это уже достояние современности, когда в обществе есть конфликт интересов, но нет антагонизма интересов, когда возможно достижение компромисса между различными социальными группами. Для этого в обществе требуется определенный минимум доверия друг к другу.

Современная демократия, понятая в процедурном аспекте, как демократическая политическая конкуренция, требует и определенного типа человека. Как отмечал А. Панарин, «демократическая система имеет в виду автономного, неподопечного субъекта, которому некого благодарить за свое благополучие и некого винить в неудачах. Ее главные принципы суверенность, самостоятельность и ответственность, исключаящие потакание и покровительство, <...> в условиях демократии индивид вступает в отношения не с какой-то высшей, стоящей над обществом инстанцией (таких просто нет), а лишь с равными ему в правовом положении субъектами, у которых ничего нельзя выпросить или “выбить”, а можно только обменять на рынке товаров и услуг» [12, с. 266-267].

Интересна мысль А. Панарина и о том, что «процедура демократических выборов имеет смысл лишь в том случае, когда индивиды участвуют в электоральном процессе не как выразители той или иной коллективной (классовой) воли – тогда распределение голосов было бы предопределено численным соотношением основных групп общества, а как носители

автономной воли. В этом смысле демократия – номиналистская система, в которой ожидание и ценности единой коллективной судьбы, как и принципы подчинения частного общему, индивидуального здравомыслия коллективной воле, являются неуместными. Не случайно демократические ценности с трудом прививаются в тех культурах, где прочно укоренены “соборные” идеалы и этика “самоотверженного служения”. Демократиям не противопоказаны героика и жертвенность, но там они стоят под знаком индивидуально осмысленного выбора, а не слепой преданности и веры» [10, с. 10-11]. «Мир плюралистической демократии населен совсем другими людьми, с которыми, по правде говоря, классическая литература, в особенности русская, нас не знакомила. Это люди остывшего религиозного темперамента, не предъявляющие максималистских требований ни к себе подобным, ни к обществу в целом. Вот он – парадокс демократии: ее предпосылкой является в определенном смысле порча человека – угасание морально-религиозного пафоса, <...> несвободные от скептического цинизма “разумные эгоисты” способны договариваться между собой и идти на компромиссы, тогда как ценностно-ориентированные максималисты предпочитают вести “борьбу до конца”» [11, с. 160-161].

В отношении «номиналистской демократии» Россия не самая удачная страна: до сих пор, как показывают социологические опросы, значительная часть населения исходит из предзаданности общего интереса, не видит в общем интересе результат соотношения и компромисса частных интересов. Специфичным для российской политической культуры в этом плане является и отношение к политическим партиям. В сознании россиян доминирует мнение, что партии должны работать на общее дело, а не защищать интересы каких-то отдельных групп населения. Отсюда и негативное отношение к межпартийному соперничеству. Более того, большинство

населения (57 %) с пониманием бы отнеслось к тому, что партии должны действовать в интересах страны, даже если это ущемляет интересы их избирателей. Только 34 % опрошенных полагают, что политические партии должны бороться друг с другом за интересы своих избирателей, даже если это противоречит интересам страны в целом [см.: 17, с. 37].

Для успешного развертывания демократической политической конкуренции необходима также определенная социальная стабильность. «Обобщенно говоря, демократический метод находится в невыгодных условиях в беспокойные времена, – подчеркивает Й. Шумпетер. – В действительности демократии всех типов единодушно признают, что бывают ситуации, когда разумнее отказаться от конкурентного лидерства и принять монопольное» [23, с. 696]. Нужно согласиться с мнением В. Иноземцева, что «история XX века продемонстрировала, насколько опасной может быть демократия, если своим правом голоса пользуются неудовлетворенные и разуверившиеся в завтрашнем дне избиратели. Демократизация в условиях серьезного и затяжного экономического коллапса – самая страшная угроза для будущего демократии» [5, с. 7].

Для поддержания демократии в ее процедурной версии важно чтобы у населения было желание выбирать власть. На сегодняшний день общей тенденцией для многих стран является снижение числа людей, участвующих в выборах органов власти. Это можно расценить как разочарование населения в конкурентной процедуре формирования органов власти, разочарование в самой демократии, как делегитимацию демократии. Причем это характерно не только для стран, находящихся в демократическом транзите, но и для таких стран консолидированной демократии, как ФРГ, о чем с тревогой пишут немецкие исследователи [25, с. 25-28].

Для социальной эффективности демократической конкуренции, которая состоит в формировании дееспособной, успешной власти, необходимо и наличие качественного «политического товара» (кандидатов, партий, политических альтернатив). В связи с этим Й. Шумпетер отмечает: «Демократический метод отбирает кандидатов не просто из всего населения, но только из тех частей населения, для которых доступна профессия политика, точнее говоря, из тех, которые выставляют на выборах свои кандидатуры. Это, конечно, происходит при любом способе отбора. Любой из них, в зависимости от того, насколько данная профессия привлекает талантливых и выдающихся людей, может производить политиков на уровне выше или ниже среднего для данной страны. Но, с одной стороны, конкурентная борьба за ответственный пост означает пустую трату людей и энергии. С другой стороны, демократический процесс может легко создать в политическом секторе такие условия, которые, установившись однажды, будут отвращать большинство из тех, кто может достичь успеха в какой-либо другой сфере. По этим причинам адекватность человеческого материала особенно важна для успеха демократического правления. Неверно, что в условиях демократии люди всегда получают правительство такого типа и качества, которое они хотят или заслуживают» [23, с. 690].

Вполне возможно, что лучшие представители нации, наиболее достойные по интеллектуальным и моральным качествам, чтобы войти в политическую элиту, а затем уже быть из нее избранными населением для выполнения властных функций, избегают политики, предпочитая для себя иные сферы деятельности – бизнес, науку, искусство. При авторитарной форме правления, когда политическая элита воспроизводится путем кооптации, существует возможность минимизировать риск попадания во власть случайных людей.

Предложение войти во властные органы могут получить подготовленные для политического управления люди, и не помышлявшие о политической карьере. В условиях демократической политической конкуренции это маловероятно. Здесь первично желание «идти во власть».

Имеет смысл в этом плане принять во внимание следующие рассуждения Й. Шумпетера: «Есть довольно много путей обеспечения политиков достаточно хорошего качества. Однако до сих пор опыт, похоже, подсказывает, что единственной эффективной гарантией является существование особого социального слоя, для которого занятия политикой естественны и который сам по себе является продуктом жесткого процесса отбора. Если такой слой не слишком недоступен, а с другой стороны, не слишком доступен людям со стороны, и если он достаточно силен, чтобы ассимилировать большинство включенных в него элементов, он не только поставит для политической карьеры людей, успешно прошедших испытания в других областях, – как бы пройдя ученичество в частных делах, – но и повысит степень их соответствия государственной службе, дав им традиции, которые включают опыт, кодекс профессиональной чести, и общие взгляды» [23, с. 690].

Опыт новейший России показал, что страна не имеет достаточной «массы», подготовленного слоя политиков-профессионалов, носителей «кодекса профессиональной чести». Прежняя авторитарная традиция воспроизводства политической элиты, «номенклатуры», была прервана, новая демократическая только складывается. Но радуется уже то, что в настоящее время ситуация с формированием политической элиты значительно лучше, нежели в 90-е гг. прошлого века.

При наличии политической элиты как совокупности кандидатов на выбор, «покупку» населением страны (народом) важно, чтобы элита была плюралистич-

на и предлагала несколько альтернатив. В случае повышенной сплоченности политической элиты избиратели не будут иметь реальных политических альтернатив для выбора. Тогда псевдоальтернативы могут предлагаться маргиналами (безответственными политическими силами, имеющими малый реальный вес в политике) или внесистемными деструктивными силами. При этом по существу не будет достаточно острой политической конкуренции, побуждающей сегменты политической элиты к самосовершенствованию, «к повышению качества политического товара» в борьбе за голоса избирателей.

К сожалению, возрастание остроты политической конкуренции в современной России не привело к появлению в России новых перспективных, адекватных эпохе политических проектов. Проект, предлагаемый КПРФ, основан на ностальгии по советскому прошлому, не учитывает изменений, которые произошли и в мире, и в стране. Вряд ли национализация основных средств производства, лежащая в основе этого проекта, явится основой для динамичного развития страны. По существу социал-демократическая версия «социализма XXI века», предлагаемая «Справедливой Россией», терпит крах в странах Запада, породив в них хронический дефицит бюджета, а отсюда и долговой кризис. В России эта модель стимулирует нереалистические потребительские ожидания.

Кроме политиков-профессионалов, выбираемых населением, для обеспечения эффективного государственного управления страна должна иметь и «подготовленную бюрократию, имеющую высокий статус и исторические традиции, обладающую сильно развитым чувством долга и чувством чести мундира» [23, с. 693]. Именно бюрократия в условиях сменяемости (ротации) в ходе выборов политической элиты призвана обеспечивать непрерывность власти и застраховывать общество от ошибок и возможного диле-

тантизма вновь пришедших к власти. Российская бюрократия – это уязвимое место страны. Высокая степень коррумпированности чиновничьего аппарата порождает тяготение населения к «сильной руке», воспроизводит авторитарные традиции, вызывает разочарование в демократии. Россия не может позволить себе «шатания» в выборной власти. Всякий ее кризис не будет компенсирован бюрократическим аппаратом, а наоборот, этот аппарат непременно использует сложившуюся ситуацию для реализации своих личных интересов в ущерб общественным.

Условием успешности демократической процедуры формирования органов власти является и соблюдение всеми участниками «правил игры». Это касается как представителей элиты, так и избирателей. Лидеры, партии, стремящиеся к власти, не должны использовать незаконные методы устранения своих соперников. Как подчеркивает Й. Шумпетер, «эффективная борьба за лидерство требует большой терпимости к разнице во мнениях <...>, эта терпимость никогда не является и никогда не может быть абсолютной. Но каждый потенциальный лидер, который не стоит вне закона, должен иметь возможность изложить свою позицию, не создавая беспорядка. Это может означать, что люди терпят, когда кто-то атакует их самые жизненно важные интересы или оскорбляет наиболее дорогие им идеалы. Это может также означать, что и лидер, который имеет такие взгляды, сдерживает себя. Ни одна из этих ситуаций невозможна без подлинного уважения к мнениям сограждан, предполагающего даже подчинение им собственного мнения» [23, с. 695].

Выборы в ГД РФ в декабре 2011 г. России показали, что фальсификации на выборах остаются значительными. И во многом они проистекают из нетерпимости всех политических сил к своему политическому конкуренту, когда он видится не как оппонент, а как враг, в соперничестве с которым допустимы все приемы.

Что касается избирателей, то они обязаны принимать результаты выборов, если не были нарушены правила, как должное, не оспаривая их. При этом они не стремятся к тому, чтобы в нарушение принятой процедуры навязать свою волю всему обществу, видя в ней единственную, абсолютную истину. Говоря словами Й. Шумпетера, избиратели должны быть «согласны стоять в очереди за хлебом; они не должны пытаться ворваться в магазин <...>, это требует большой степени добровольной самодисциплины <...>. Но даже для необходимого минимума демократического самоконтроля, очевидно, требуются определенный национальный характер и национальные привычки, для возникновения которых не везде были условия; нельзя надеяться, что сам по себе демократический метод произведет их» [23, с. 696].

В ряде постсоветских стран именно оспаривание результата выборов привело к политическим потрясениям. При этом небольшая по численности часть населения страны, преувеличивая многократно реальные фальсификации на выборах, объявляла себя подлинным народом или брала на себя полномочия выражать его интересы, преследуя при этом цели, далекие от интересов большинства населения страны. Так при «цветных революциях» в ряде стран СНГ («революция роз» в Грузии, «оранжевая революция» в Украине, «тюльпанная революция» в Киргизии) несколько тысяч активно действующих, преимущественно молодых людей, выступая от имени народа, по существу свергли существовавшие там политические режимы. Здесь мы имеем дело с политической технологией, именуемой «демотехникой». Власть, желая сохранить имидж демократической власти, не может действовать насильственно по отношению к «народу», и агрессивное меньшинство, объявившее себя народом, свергает власть [см.: 6, с. 17-22].

Была попытка подобный сценарий реализовать в декабре 2011 г. и в России. Но

инициаторы «передачи власти народу» не нашли необходимой поддержки у протестующих против фальсификаций на выборах.

Демократическая политическая конкуренция требует определенного уровня развития СМИ. Все акторы, участвующие в политической борьбе, должны иметь возможности донести до избирателей информацию об особенностях своего «политического товара», его преимуществах перед аналогичным «товаром» своих соперников. В условиях информационного общества, когда СМИ являются четвертой властью, важно, чтобы у субъектов конкуренции были равные возможности доступа к СМИ. В ином случае «покупатель политического товара» не будет знать о возможных политических альтернативах, больше соответствующих его интересам. В данном случае избиратель станет жертвой политической рекламы, когда ему навязывается далеко не лучший «политический товар».

Демократическая процедура будет давать определенный эффект, если и после выборов также будут соблюдаться определенные условия. Как отмечает Й. Шумпетер, «политики в парламенте должны противиться искушению наносить поражение правительству или стеснять его каждый раз, когда у них есть возможность это сделать. Если они будут это делать, никакая успешная политика невозможна» [23, с. 694]. С другой стороны, «избиратели вне парламента должны уважать разделение труда между ними самими и политиками, которых они избирают. Они не должны слишком легко отказываться в доверии депутатам в промежутке между выборами и должны понимать, что раз они избрали индивида, то политические действия – это его дело, а не их» [23, с. 695].

В известной мере мероприятия по преодолению кризиса в странах Евросоюза тормозятся протестной активностью населения. Преодоление долгового кризиса невозможно без преодоления дефицита бюджета, что в свою очередь тре-

бует сокращения социальных расходов. Мера готовности населения стран Европы смириться с неизбежным сокращением уровня потребления, готовности принять решения выбранной ими власти и будет мерой прочности там демократии.

«Нельзя ожидать эффективного функционирования демократии до тех пор, пока подавляющее большинство людей во всех классах не согласится подчиняться правилам демократической игры, что в свою очередь означает, что они в основном согласны с фундаментальными принципами институциональной структуры» [23, с. 702] – подчеркивает Й. Шумпетер. «Последовательный демократ будет рассматривать любую попытку социальной реконструкции, связанную с нарушением демократических процедур, как порочную в своей основе, как бы ни казалась она ему привлекательной со всех других точек зрения. Попытка навязать народу нечто пусть даже и представляющееся кому-то привлекательным, но не желаемое самими людьми, – даже в том случае, если ожидается, что это новшество со временем придется по вкусу и принесет результаты, которые они смогут по достоинству оценить, – является отличным признаком антидемократических убеждений» [23, с. 629-630]. Таким образом, существенную роль в сохранении демократической конкуренции играет и отношение к демократии не только как к средству, но и как к самооценности, что характерно для стран консолидированной демократии. В этом плане для стран, только вставших на путь развития демократии, существует риск попасть в откатную волну демократии. «Ориентация на технократический успех формирует новый тип легитимности, – отмечает Е. Кузнецова, – легитимности результата, заменяющий собой более привычную для Запада легитимность процедуры (как отмечает выдающийся правовед Джозеф Вейле, “демократия должна основываться

свою легитимность именно на процедуре, на процессе выбора, иначе авторитарные режимы следовало бы признать более эффективными») [8, с. 287, 288].

В этом отношении можно упрекнуть нынешнее руководство России в отступлении от процедурной версии демократии, от понимания ее как самоценности. Действительно, его логика действий такова: для успешного проведения реформ необходимо иметь предсказуемый, если не подконтрольный парламент. Чтобы не дать его, как выразился В. Путин, «расквасить» [15], необходимо обеспечить победу на выборах правящей партии «Единая Россия». Потеря необходимого для принятия законов большинства рассматривается как угроза благополучию страны. Поэтому большинство должно быть обеспечено даже вопреки волеизъявлению граждан на выборах. О последнем не говорится, но оно партийным активом «Единой России» воспринимается как негласное руководство к действию. Данная ситуация не позволяет дать ей однозначную оценку. Что важнее: следовать демократической процедуре и получить в результате нестабильность в стране, или обеспечить стабильность, в чем-то нарушив эту процедуру? Для ответа на этот вопрос мы вновь должны погрузиться в рассуждения о наличии/отсутствии компетентных избирателей, ответственной политической элиты, о готовности страны к высоким стандартам демократии и т. п.

При отсутствии вышерассмотренных условий сам процесс выборов, демократической конкуренции может породить конфликт. Как отмечает американский политолог Дж. Сидер: «За выборами в молодых демократиях Алжира, Бурунди, и бывшей Югославии последовали гражданские войны» [24, с. 20]. «Большинство конфликтов в Африке возникают из спора о результатах выборов» [26, с. 69], – отметил президент Ботсваны Ян Кхама на открытии пятой конференции глобальной электоральной организации. Можно дополнить, что за

альтернативными выборами в СССР последовали его распад и гражданские войны на ряде его территорий. Успех выборам (демократической политической конкуренции) сопутствует там, где есть достаточно сильные политические институты, поэтому необходимо «через мягкие реформы создавать почву для институционального развития, укрепления либеральных сил, закрепления принципов правового государства» [24, с. 21].

Правовое государство, правовая культура необходимы не только для честной политической конкуренции, но и для разрешения возможных споров и недоразумений, возникающих при этой конкуренции. Возникшие претензии политических конкурентов друг к другу не должны приводить к конфликту и, более того, к силовому взаимодействию. Для этого соперничество снова переводится в форму конкуренции, но уже правовой конкуренции, когда третье лицо – независимый суд, реализующий обезличенную волю народа в виде закона, – принимает решение в пользу той или иной стороны.

При уже упомянутой политической технологии «демотехники» нарушения на выборах используются оппозицией как повод для свержения действующей власти. В данном случае не суд, а возбужденная толпа, агрессивное меньшинство, объявившее себя народом, выносит окончательный вердикт.

В настоящее время уже нет былого оптимизма в отношении темпов распространения демократии. Высказываются мнения о преобладании свертывания демократии над ее распространением. Поэтому часто рекомендации о внедрении демократической политической конкуренции носят сдержанный характер. Так Т. Каротерс, директор по научным исследованиям Фонда Карнеги, пишет о том, что «если страна не располагает необходимыми условиями и институтами, способными в перспективе поддержать развитие демократии,

– например, если нет опыта политического плюрализма, социальные преобразования предпочтительно осуществлять постепенно. Скажем, систему выборов можно ввести сначала на местном уровне и только потом распространять до общенационального. Или можно сначала сконцентрироваться на создании демократической законодательной власти и только затем вводить систему открытых выборов в органы исполнительной власти. <...> Реформизм предполагает безотлагательное начало процесса демократизации – пусть и маленькими шажками. Недобросовестная власть, конечно, может злоупотребить этой концепцией, тормозя демократизацию под предлогом необходимости двигаться не спеша. При искреннем же желании руководства страны развивать демократию данный подход может стать альтернативой необдуманно стремительному и иной раз чреватому опасными “подводными камнями” переходу от жесткого авторитаризма ко всецело демократической системе, вполне типичному для многих демократических транзитов “третьей волны”» [7, с. 302].

Новейшая история России может быть примером того, как почти одномоментное введение выборности на всех уровнях – от производственных коллективов до президента – привело к серьезным негативным последствиям. Была явно переоценена степень готовности населения и политической элиты к демократической политической конкуренции. Но и раньше, в 1917 г., Россия столкнулась с негативными последствиями поспешной демократизации. Как отмечает Б.В. Межуев, «постепенная демократизация могла растянуться в России на целый век, однако одномоментное расширение избирательного права в 1917 г. привело к немедленному провалу всех институтов конкурентной демократии» [9, с. 10].

В этом отношении вполне разумным видится путь Китая, где политическая конкуренция допускается пока лишь на местном уровне и в виде конкуренции внутри КПК [1, с. 80].

Кроме внутренних социокультурных и институциональных предпосылок, для успешного внедрения демократической политической конкуренции важны и внешние условия. К ним можно отнести отсутствие военных угроз, дружеские отношения с соседними странами. В противном случае будет создаваться почва для возрождения мифа о единой воле народа, воплощением которой займется та или иная политическая сила. Будет повод для рассмотрения политической конкуренции как деструктивного процесса, подрывающего единство общества.

Факт обострения политической конкуренции в России налицо. Но насколько Россия готова к этому? Видимо, окончательный ответ будет дан не в этот общенациональный избирательный цикл. Выборы в ГД РФ в декабре 2011 г. состоялись; сохранилась преемственность власти и при выборах президента РФ в марте 2012 г. У страны еще есть 3-4 года, чтобы подготовиться к следующему избирательному циклу в плане улучшения социально-экономической ситуации, повышения компетентности электората и ответственности политических элит. В любом случае надо помнить, что политическая конкуренция есть лишь средство для формирования власти, что ее обострение будет оправдано лишь в том случае, если это приведет к повышению качества власти, улучшению политического управления.

Литература:

1. Бергер Я. Китайская модель развития // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 9. С. 73-81.
2. Вишневский Б.Л. Политическая конкуренция в России: хроника снижения // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. № 2. С. 290-298.
3. Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии // Политические исследования. 2008. № 5. С. 135-152.

4. Журавлев С. Инфляция рекордно низка // Эксперт Online. 10.01. 2012. URL: <http://expert.ru/2012/01/10/inflyatsiya-rekordno-nizka/?n=66995> (дата обращения: 25.10.2013).

5. Иноземцев В.Л. Введение // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М.: Изд-во «Европа», 2010. С. 3-10

6. Кара-Мурза С.Г. Государство переходного периода: исчезновение народа // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 1. С. 3-27.

7. Каротерс Т. О глобальной демократии и содействии в ее развитии // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М.: Изд-во «Европа», 2010. С. 297-310.

8. Кузнецова Е. Демократия в эру ограниченного суверенитета // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М.: Изд-во «Европа», 2010. С. 281-396.

9. Межуев Б.В. Перспективы политической модернизации России // Политические исследования. 2010. № 6. С. 6-22.

10. Панарин А.С. Введение в политологию. М.: Новая школа, 1994. 320 с.

11. Панарин А.С. Политология. Учебник. М.: «ПРОСПЕКТ», 1998. 408 с.

12. Панарин А.С. Философия политики. М.: Новая школа, 1996. 424 с.

13. Полтерович В.М., Попов В.В. Демократизация и экономический рост // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 13-27.

14. Послание Президента Федеральному Собранию. 22 декабря 2011 года. URL: <http://kremlin.ru/news/14088> (дата обращения: 20.10.2013).

15. Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин встретился с руководством фракции «Единая Россия» в Государственной Думе. 24.11.2011. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/17222/> (дата обращения: 20.10.2013).

16. Пшеворский А. Демократия и рынок.

Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2000. 320 с.

17. Романович Н.А. Социокультурный механизм формирования отношения к власти в российском обществе. Автореф. дис. ... доктора соц. наук. М., 2010. 42 с. URL: <http://www.vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/index.php?id54=6469&from54=4> (дата обращения: 20.10.2013).

18. Стенографический отчет о заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России. 22.01.2010. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/6693/> (дата обращения: 23.10.2013).

19. Урнов М. Ниспровергнуть авторитарное большинство: непростая задача // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М., 2010. С. 73-88.

20. Шилов В.Н. Межпартийная конкуренция в России: современные реалии и перспективы // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. № 1(96). Выпуск 17. С. 190-198.

21. Шилов В.Н. Социальное равенство как цель политики и современная Россия // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2010. № 13(84). Выпуск 15. С. 203-211.

22. Шилов В.Н., Рылкина А.П. Политическая конкуренция: термин, понятие, форма деятельности // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. № 13(108). Выпуск 19. С. 176-184.

23. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. 864с.

24. Konfliktrisiko in demokratischen Übergangssituationen // FES (Friedrich-Ebert-Stiftung) – INFO. № 1. 2010. S. 20-21.

25. Krell Chr., Mörschel T. Mehr Bildung, mehr Gleichheit, mehr Alternativen. Demokratie in Deutschland 2011 // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. № 5. 2011. S.25-29.

26. Rolle von Wahlkomisionen // FES-INFO. № 2. 2011. S. 69-70.

27. Schumpeter J. Capitalism, Socialism, and Democracy. 1942. 381pp.

References:

1. Berger Ya. Kitaiskaya model razvitiya // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [China's Model of Development // World Economy and International Relations]. № 9. 2009. pp. 73-81.

2. Vishnevsky B.L. Politicheskaya konkurentsia v Rossii: khronika snizheniya // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS [Political Competition in Russia: Chronicle of Decrease // Political Expertise: POLITEX]. № 2. 2007. pp. 290-298.

3. Gelman V.Ya. Politicheskie partii v Rossii: ot konkurentsii k ierarkhii // Politicheskie issledovaniya [Political Parties in Russia: from Competition to Hierarchy // Political Studies. № 5. 2008. pp. 135-152.

4. Zhuravlev S. Inflyatsiya rekordno nizka // Ekspert Online. 10.01.2012 [The Inflation is Record Low // Expert Online]. 10.01.2012. URL: <http://expert.ru/2012/01/10/inflyatsiya-rekordno-nizka/?n=66995> (accessed October 25, 2013).

5. Inozemtsev V.L. Vvedenie // Demokratiya i modernizatsiya: k diskussii o vyzovah XXI veka [Introduction // Democracy versus Modernization: Discussion on the XXI Century's Challenges]. Moscow: Publishing House "Europe" 2010. pp. 3-10.

6. Kara-Murza S.G. Gosudarstvo perekhodnogo perioda: ischeznoenie naroda // Sotsialno-gumanitarnye znaniya [The State of Transition Period: Disappearance of the Nation // Socio-Humanitarian Cognition]. № 1. 2006. pp. 3-27.

7. Carothers Th. O globalnoy demokratii i sodeistvii v ee razvitiu // Demokratiya i modernizatsiya: k diskussii o vyzovah XXI veka [On Global Democracy and Facilitation of its Development // Democracy versus Modernisation: Discussion on the XXI Century's Challenges]. Moscow: Publishing House "Europe", 2010. pp. 297-310.

8. Kuznetsova E. Demokratiya v eru ogranichennogo suvereniteta // Demokratiya i modernizatsiya: k diskussii o vyzovah XXI veka [Democracy in the Era of Limited Sovereignty // Democracy versus Modernisation: Discussion on the XXI Century's Challenges]. Moscow: Publishing House "Europe", 2010. pp. 281-396.

9. Mezhuev B.V. Perspektivy politicheskoy modernizatsii Rossii // Politicheskie issledovaniya [Prospects of Political Modernization in Russia // Political Studies]. № 6. 2010. pp. 6-22.

10. Panarin A.S. Vvedenie v politologiyu [Introduction to Politology]. Moscow: Novaya Shkola, 1994. 320 p.

11. Panarin A.S. Politologiya. Uchebnik [Politology. Textbook]. Moscow: "PROSPECT", 1998. 408 p.

12. Panarin A.S. Filosofiya politiki [Philosophy of Politics]. Moscow: Novaya Shkola, 1996. 424 p.

13. Polterovich V.M., Popov V.V. Demokratizatsiya i ekonomichesky rost // Obshchestvennye nauki i sovremennost [Democratization and Economic Growth // Social Sciences and Modernity]. № 2. 2007. pp. 13-27.

14. Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniyu. 22 dekabrya 2011 goda [Presidential Address to the Federal Assembly. December 22, 2011. URL: <http://kremlin.ru/news/14088> (accessed October 20, 2013).

15. Predsedatel Pravitelstva Rossiiskoy Federatsii V.V. Putin vstretilsya s rukovodstvom frakcii "Edinaya Rossiya" v Gosudarstvennoy Dume. 24.11.2011 [Russian Federation Premier Putin V.V. Met with Leaders of the United Russia Faction in the State Duma. November 24, 2011]. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/17222/> (accessed October 20, 2013).

16. Psheworsky A. Demokratiya i rynek. Politicheskie i ekonomicheskie reformy v Vostochnoy Evrope i Latinskoj Amerike. Per. s angl. [Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Tr. from English]. Moscow: ROSSPEN, 2000. 320 p.

17. Romanovich N.A. Sotsiokulturny mekhanizm formirovaniya otnosheniya k vlasti v rossiiskom obshchestve. Avtoref. diss. doktora sots. nauk [Sociocultural Mechanism of Attitude to Power in Russian Society Formation. Abstract of Doctoral Thesis in Social Sciences]. Moscow, 2010. 42 p. URL: <http://www.vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/index.php?id54=6469&from54=4> (accessed October 20, 2013).

18. Stenografichesky otchet o zasedanii Gosudarstvennogo soveta po voprosam razvitiya politicheskoy sistemy Rossii. 22.01.2010. [State Council Meeting on Development of Russia's Political System. 22.01.2010]. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/6693> (accessed October 23, 2013).

19. Urnov M. Nisprovergnut avtoritarnoe bolshinstvo: neprostaya zadacha // Demokratiya i modernizatsiya: k diskussii o vyzovah XXI veka [Defeating the Authoritarian Majority: an Uneasy Task // Democracy versus Modernisation: Discussion on the XXI Century's Challenges. Moscow, 2010. pp. 73-88.

20. Shilov V.N. Mezhpartiynaya konkurentsia v Rossii: sovremennye realii i perspektivy // Nauchnie vedomosti BelGU. Seriya "Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika." [Interparty Competition in Russia: Modern realities and Prospects // BelSU Scientific Bulletin. History. Political Science. Economics. Information Technologies]. № 1(96). Issue 17. 2011. pp. 190-198.

21. Shilov V.N. Sotsialnoe ravenstvo kak tsel politiki i sovremennaya Rossiya // Nauchnie vedomosti BelGU. Seriya "Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika." [Social Equality as the Purpose of the Policy and Modern Russia // BelSU Scientific Bulletin. History. Political Science. Economics. Information Technologies]. № 13(84). Issue 15. 2010. pp. 203-211.

22. Shilov V.N., Rylkina A.P. Politicheskaya konkurentsia: termin, ponyatie, forma deyatel'nosti // Nauchnie vedomosti BelGU. Seriya "Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika." [Political Competition: the Term,

the Concept, the Activity Form // BelSU Scientific Bulletin. History. Political science. Economics. Information technologies]. 2011. № 13(108). Issue 19. pp. 176-184.

23. Schumpeter J.A. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya [The Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow: Eksmo, 2007. 864 p.

24. Konfliktrisiko in demokratischen Übergangssituationen // FES (Friedrich-Ebert-Stiftung) – INFO. № 1. 2010. pp. 20-21.

25. Krell Chr., Mörschel T. Mehr Bildung, mehr Gleichheit, mehr Alternativen. Demokratie in Deutschland 2011 // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. № 5. 2011. pp. 25-29.

26. Rolle von Wahlkommissionen // FES-INFO. № 2. 2011. S. 69-70.

27. Schumpeter J. Capitalism, Socialism, and Democracy. 1942. 381 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шилов Владимир Николаевич
доктор философских наук, профессор

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

ул. Победы, 85, г. Белгород,
308015, Россия
Электронный адрес:
shilov@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Shilov Vladimir Nikolaevich
Doctor of Philosophy, Professor

Belgorod State National Research
University

85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: shilov@bsu.edu.ru

УДК 321.01

Капицын В. М.

Kapitsyn V. M.

**СЕМИОТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА****SEMIOTIC RESOURCES AND POLITICAL CULTURE****Аннотация**

Целями исследования, отраженного в данной статье, являются: во-первых, рассмотрение роли символов и символической политики в политическом процессе, место знаков и символов в политической культуре общества в зависимости от характера и степени ее зрелости; во-вторых, уточнение понимания места «soft power» в символической политике и политической культуре.

Методологически статья выполнена на основе междисциплинарности, с использованием теорий визуальной репрезентации, политической семиотики, культурной стигматизации.

Результатом исследовательской работы является разделение символических комплексов на позитивные и негативные. Комплексы, представляющие национальные интересы, закрепляют позитивную окраску символов своего народа и государства, союзных государств, и негативную – противостоящих сил. Позитивные символические комплексы выходят на высший уровень легитимации ценностей и норм конституций, официальных и неофициальных государственных и национальных символов.

Применение результатов исследования возможно при построении теоретико-методологических моделей использования семиотических ресурсов с учетом национально-исторических особенностей той или иной политической культуры.

К основным выводам относятся следующие положения. Знаки и символы – виды

Abstract

The objectives reported in the paper under study are: firstly, to examine the role of symbols and symbolic policy in the political process; signs and symbols in the political culture of society depending on the nature and degree of its maturity; secondly, to specify the place of “soft power” in symbolic policy and political culture.

Methodologically the paper presents the interdisciplinary basis, using theories of visual representation, political semiotics, and cultural stigmatization.

The output of the research is the division of symbolic complexes into positive and negative. The complexes representing national interests reinforce the positive colour of symbols of people and the state, allied nations, and negative ones reinforce the negative colour of symbols of the opposing forces. Positive character complexes are located on the highest level of legitimation – the values and norms of the Constitution, the official and unofficial state and national symbols.

The application of research output is possible in building theoretical and methodological models of semiotic resources based on national and historical features of political culture.

The main findings include the following: signs and symbols – the types of information, intermediaries between the knower and the object of knowledge – are concentrated in the symbolic complexes that are a political resource; they play an important role in the

информации, посредники между познающим и объектом познания – концентрируются в символических комплексах, являющихся ресурсом политики, занимают важное место в содержании и механизме политической культуры. «Мягкая сила» имеет знаково-символьное содержание и является инструментом символической политики. Объем понятия «мягкая сила» расширяется, но содержание понятия фиксируется на подвижном, но относительно определенном феномене, имеющем семиотические основания.

Ключевые слова: знаки и символы; политическая культура; символические ресурсы; символическая политика; символические комплексы; символы национальных интересов; «мягкая сила».

Роль символов и символической политики в политической процессе, место знаков и символов в политической культуре общества рассматриваются в зависимости от характера и степени ее зрелости. В дискурсе политической культуры видится целесообразным определить с пониманием места «soft power» в символической политике и политической культуре. Исследователи расширяют объем понятия, относя к инструментам «мягкой силы» не только язык, образование [18, с. 85], но и рекламу, миграцию, туризм, воссоединение семей. Нужно определиться с объемом и содержанием понятия и его коннотациями. Для настоящего времени это все более актуально. Обозначенный «визуальный поворот» общества переходит в стадию мультимедийного поворота [13, с. 146]. Благодаря символической политике, символы «мягкой силы» влияют на все сферы приватной и публичной жизни и становятся элементами общей и политической культуры. Представляется, что объем понятия «мягкая сила» действительно расширяется, тем более, если говорить о его инструментах. Но содержание понятия должно

content and mechanism of political culture. «Soft power» has a symbolic content and is a tool of symbolic policy. The scope of «soft power» is expanding, but the content of the notion is fixed on a mobile, but relatively specific phenomenon with semiotic base.

Keywords: signs and symbols; political culture; symbolic resources; the symbolic politics; symbolic complexes; symbols of national interests; «soft power».

фиксироваться хотя и на подвижном, но относительно определенном феномене, имеющем семиотические основания.

Знаки и символы – виды информации, посредники между познающим и объектом познания. Люди не взаимодействуют напрямую с объективной реальностью, а создают символы как искусственных посредников [см.: 12]. Причем символы, в отличие от знаков, не столько означают познаваемый объект, сколько кодируют знание о нем с помощью образов. В дискурсивном аспекте символы можно трактовать расширительно как принимаемые сообществом религиозные, морально-политические, идеологические святыни, идеи, идеалы, принципы, ценности [16, с. 30]. Вокруг этих символов всегда идут дебаты, функционирует политический и научный дискурс (элиты и общественности), а также обмен мнениями на уровне повседневности.

В когнитивном и дискурсивном плане символы – это вид более сложных знаков. Знаки чаще связаны со стереотипами, а символы означают выход за пределы тяготения стереотипов повседневности,

развиваются во многом благодаря метафорам, аллегориям, мифам, идеалам, представлениям о ценностях. К этому необходимо добавить механизм социальной и политической идентификации, поскольку для символизации необходимы когнитивные, оценочные, эмотивные стимулы, которые появляются, когда определенное число людей соотносит свои взгляды с терминальными, а не инструментальными ценностями. Это особенно важно для политических символов. «Мягкая сила» чаще всего применяется в политике. Типизация подобных обстоятельств требует анализа политической культуры и символической политики.

Знаки в политической культуре и символической политике. Знаки обслуживают, как правило, повседневную неполитическую жизнь («наивная семиотика»). Политическая культура своими корнями уходит в знаки повседневности (жизненных сфер), но сама функционирует, начиная с уровня политической жизни. Политическая жизнь – некое «буферное» образование – накапливает запросы и требования повседневности, адресованные государственной и партийной политике, отделяет повседневность от государственной и партийной политики, и в то же время соединяет государственную и партийную политику с повседневностью. Это и «поле» «проводки» сигналов от «высокой» политики (от политических элит) к повседневности. Выход государства на повседневность всегда опосредован политическими символами и осуществляется через политическую жизнь. Без политических символов собственно политика может низводиться до уровня административного управления.

Таким образом, политическая жизнь – область, где происходит дискурсивный перевод знаков повседневности в символы политической культуры общества. И основной силой, осуществляющей такой перевод, становится общественность. Конечно, процесс перевода знаков в символы испытывает, в той или иной степени, влияние

государственной политики и воздействие политических элит. Более того, государственная власть нередко инициирует формирование символов для политической жизни. Тем не менее, это не означает отрыва «буфера» от повседневности и полного замыкания его на государственной политике. Для политической жизни как «буферного» образования остро необходимы: а) опора на повседневность (референты); б) активность общественности, переводящей знаки в символы; в) влияние государственной и партийной политики. Другими словами, обеспечивается взаимодействие общественности как с повседневными знаками, так и сигналами политических элит и государственной политики.

Знаки повседневности могут получать усиление, например, в торговой рекламе, что переводит их в разряд символов, которые не перемещаются в политическую жизнь, т. е. не приобретают политического характера¹. Примером знаков повседневности могут служить те, что описывал Т. Веблен. Он назвал их «символами нормальной жизни»: «Сторонники определения нормальной жизни, как у всех, и их оппоненты при описании того, что такое нормальная жизнь, пользуются примерно одинаковым набором потребительских расходов – символов» [4, с. 173]. Речь у него идет о трех-четырех знаках – общих для многих людей потребительских расходах, приобретающих статус социально-экономического символа. Но такой символ мог перейти из социально-экономического в политический символ, если, например, возникала реальная угроза потери данного набора расходов. Так было в России в 2002 г. после принятия известного федерального закона № 122 («о монетизации льгот»), который резко изменил

¹ Хотя это утверждение весьма относительно, поскольку даже торговая реклама, а тем более социальная, отражает особенности политической культуры и идеологии [5, с. 340]. Тем не менее, как отмечает историк Е. Твердюкова, даже в 30-е годы торговая реклама в СССР обрела коммерческий характер [16, с. 151-154].

структуру расходов пенсионеров, условия получения льгот по инвалидности для лиц с ограниченной жизнедеятельностью. Пожилые люди вышли перекрывать проспекты в Москве, на митинги в ряде городов с требованиями отмены закона.

Политические символы как особый тип знаков возникают для обслуживания жизни политической, а также собственно государственной и партийной политики. Усиление (возвышение) знака до уровня символа идет в идеологическом и моральном плане (по высоте идеала, выраженно-го образом духоподъемности идеи и цели) за счет применения метафор, интерпретации исторической памяти, политизации мифов. Происходит междисциплинарная интеграция, например, специфических лингвистических терминов в методологию визуальных исследований: «визуальный оксюморон» (сочетание противоречивых понятий), в котором выделяются два принципиально разных подхода: логический и интуитивный, первый из которых наиболее подвержен влиянию традиционности [5, с. 68]. Символы возникают в результате дискурсного и визуального усиления восприятия знаков повседневности (предметов и фактов практического опыта) за счет выстраивания интерпретации смыслов (идей) и образов. Например, противопоставления образов воплощений «добра» и «зла» («героев и злодеев»), «богатства» и «бедности», представителей «центра» и «окраин», «столицы» и «периферии». Происходит идентификация позиций людей с такими образами и смыслами. Так, например, региональные знаки благополучия в России связывают с Москвой и Санкт-Петербургом [14, с. 41], а также еще некоторыми городами (регионами) – Белгородом, Ханты-Мансийском. Эти знаки также стали социально-экономическими символами, но при последующем росте социальной дифференциации регионов они могут перерасти в политический символ. Нечто подобное было в СССР в 1989–1991 гг., когда многие регионы начали требовать лучше-

го снабжения продуктами и товарами, как в Москве, а шахтеры организовали забастовки, принявшие впоследствии политический антиправительственный характер. Наблюдалось даже блокирование поставок продовольствия из регионов в Москву.

В семиозе (семиозисе) используются эффекты воображения, поражающие сознание, включая воздействие света, звука, композиции. Это известно из анализа пропаганды, который сделал, например, Г.Д. Лассуэл. Семиоз (семиозис) напоминает процесс воздействия образов на сознание и подсознание человека, его чувства и представления во время чтения книги, просмотра театрального спектакля, кинофильма или контента программ Интернета. В свое время Б. Рассел сетовал, что чтение «открыло» сознание человека для влияния разных сил, как добрых, так и пагубных. Кинематограф, телевидение и электронные технологии «открыли» сознание и подсознание людей еще «шире», сделали его еще более не защищенным по отношению к рекламе и политической пропаганде, что ставит перед политической культурой и политической наукой все более сложные задачи.

Все это способствует формированию семиотических ресурсов политики. Семиотические ресурсы политики придают смыслы актам присвоения, распределения и перераспределения материальных и нематериальных ресурсов. Отмечая значение семиотических ресурсов, Л.Е. Бляхер констатировал, что «сами по себе перераспределение и захват (освоение) суть не более чем технические средства», необходимые, «чтобы подчинить все общество единой ценности (трансценции), земным модусом которой и выступает власть» [2, с. 21].

Homo symbolicum реализуется в культуре общества, homo politicum выражается через политическую культуру, соединяющую символы и идентичности, способствующие как социальной дифференциации,

так и социальной консолидации. Зрелая политическая культура как знаково-символьное образование формируется в политической жизни, помогающей более или менее удовлетворительно согласовывать все более необозримые и непредвиденные в своем разнообразии, а потому, как отметил Н. Луман, «контингентные» (трудно предсказуемые) ожидания и настроения. Часть разнородных стремлений участников политической жизни, благодаря зрелой политической культуре, соединяется в «пазлы» через представление идеалов, мифов, терминальных ценностей, включаясь частично в представления об общих, в том числе национальных, интересах. Политическая культура «фильтрует» знаки, пытается отсекают от политики часть знаков и символов, за которыми стоят деструктивный опыт, нереализуемые, слишком радикальные ожидания и стремления отдельных групп или слоев. Зрелая политическая культура выстраивает определенные иерархии ценностей и соответствующих символов, например, стараясь десимволизировать потребительские представления людей в современном обществе. Особенно важно, чтобы политизируемый потенциал радикальных и других дезориентирующих знаков ослаблялся, оставлялся в «лоне» повседневности или блокировался в «буфере» политической жизни под влиянием государственной и партийной политики, получая четкую политическую маркировку как опасный (нежелательный).

Политические символы, вращаясь в «буфере», могут деполитизироваться, и тогда перестают влиять на сознание людей, что требует обновления политической символики, оживляющей политическую культуру. Слабость политических символов в таком «буфере» может обуславливаться, например, политической цензурой, аномией, апатией граждан. А это ведет к переходу политики «на кухню», в анекдоты, а значит, к постепенной

делегитимации власти. Какое-то время это не сказывается на функционировании государственной власти, но в определенные моменты быстро политизирующиеся символы выносятся из повседневности («из кухонь») на улицы и площади. Тогда политическая жизнь «переполняется» символами, которые политизируются, что означает «перегрев» «буфера», ведущий к политизации обычных тем повседневности и лавинообразному росту политических требований к государственной власти. Политическая культура призвана не допускать подобных состояний политической жизни и государственной политики, а если уж такое свершилось, то помочь достижению стабилизации.

Политическая культура показывает роль различных символов в обеспечении легитимации и политического влияния государственной власти. Политический семиозис призван приобщать граждан к участию в делах, обретающих общий смысл (общественных и государственных делах). Таким образом, семиозис включается в механизмы связи общих (национальных) интересов с различными партикулярными интересами. От этой связи зависит, поможет ли символьная подсистема общества согласовывать необозримые и непредвиденные, т. е. контингентные ожидания разных слоев, создавать и поддерживать некий относительно предсказуемый эмерджентный порядок. При этом необходимо редуцировать разнообразие и комплексность символов внешнего мира (системы), чтобы упрощать восприятие общих дел и общих интересов.

Чем успешнее политическая культура использует семиозис, тем эффективнее может применяться «мягкая сила» в имя национальных интересов. Символы национальных интересов показывают один из центральных модусов политической культуры, который задает «рамки» степени разнообразия партикулярных (индивидуальных и групповых) политических интере-

сов. От этого зависит широта и наполнение «буфера» («накопителя»), называемого «политическая жизнь», как посредника между повседневностью и официальной политикой. Широта «буфера» регулируется с помощью символов в тех «рамках», которые способствуют позитивному функционированию государственной и партийной политики. Нежелательные варианты: – а) стагнация («оскудение») политической жизни в силу обесценения символов (обесмысливания деятельности, являющейся референтом символов), гражданская апатия; б) переполнение «буфера» символами, политизирующими повседневные дела, а далее – флуктуации, беспорядки, бунты, революции. Во всех вариантах характер применения «мягкой силы» зависит от политической культуры, толкования символов национальных интересов.

Символы национальных интересов – социальные конструкты, способствующие усилению системной консолидации за счет выстраивания некоторых символьных и идентификационных векторов. Они ориентируют значительное число соотечественников на принятие национально-государственных ценностей в качестве общих, мотивирующих разные социальные группы на поддержание внутренней и внешней безопасности, признание за пределами повседневности приоритета национальных интересов по отношению к партикулярным, а также инонациональным ценностям других государств. «Мягкая сила» с ее символами может серьезно снижать напряженность (поляризованность, конфликтность) политической культуры, что позитивно сказывается на внутренней и внешней политике.

Для применения «мягкой силы» крайне важна инфраструктура символьной политики государства. Это – часть культурной политики и политики идентичности, в которой символы «мягкой власти» занимают особое место. Ф. Бродель, рассматривая основные задачи государства, наряду

с монополизацией потенциала насилия и контролем над экономической жизнью выделяет также участие в духовной жизни, необходимость «извлечь дополнительную силу из могущественных религиозных ценностей, делая между ними выбор или же уступая им» [3, с. 521-522].

В зависимости от того, как относятся люди, партии, движения к символам национальных интересов, мы можем говорить о консолидирующем потенциале «мягкой силы» в политической культуре. Если этого нет, то мы имеем дело с некой совокупностью разнообразных партикулярных субкультур, в которой космополитические и частные (групповые, корпоративные, партийные, индивидуальные) знаки и символы подавляют символы национальных интересов. У многих еще остаются перед глазами наглядные картины развала СССР и Федеративной Югославии, «полураспада» Российской Федерации в 1990-е гг. О.А. Кармадонов проследил дискурсно-символическое обесценение символов труда по мере партикуляризации значительных сегментов общественной жизни в СССР второй половины 1980-х гг., когда не удалось подготовить постепенное изменение политической культуры. Ослабление символов прежних консолидирующих ценностей не сопровождалось дискурсно-символическим воспроизводством других символов и ценностей в качестве консолидирующей основы. А это означало подрыв основ государственного строя, приведший к развалу политической системы, а затем и экономики [11, с. 3-13].

Разнообразие потребностей и интересов у людей – вполне нормальный процесс, совершающийся, как правило, по мере удовлетворения базовых потребностей (А. Маслоу). В таком процессе постепенно на передний план выдвигаются социально-функциональные и политические потребности: относительная свобода принятия решений, идентификации с определенными кругами, свобода гово-

рить то, что считаешь нужным, включаться в работу общественных объединений, интересоваться политикой, участвовать в ней и т. д. Все это многообразие потребностей и действий ограничивается только наличием свободного времени, материальными возможностями каждого, здоровьем, силой воли, способностью организовать время и пространство (формирование качественного времени и пространства) [7]. И здесь вопрос уже касается не только режима и стиля использования свободы, соотношения политической культуры общества и субкультур отдельных групп, но и возможностей применения «мягкой силы».

Символьная политика объединяет идеи и ценности в идеологии и мировоззрении, выступающие как «платформа» для легитимации национальных интересов. Символьная политика способствует связи знаков и символов разных уровней в политической культуре, выстраивая их иерархию, восходящую, в конечном счете, к концепции национальной памяти, истории, что формирует основу применения «мягкой силы». Артикуляция такой концепции помогает выстраивать иерархию знаков в консолидирующих символьных комплексах для дистанцирования или сближения национальных и универсальных (космополитических) символов. И здесь роль «мягкой силы» очень велика [10, с. 70-79].

Политическая культура как консолидирующая сила общества. Политическая культура общества как не-институциональное символьное образование не исключает партикулярных символов, идентичностей, кодирующих частные интересы. Но, так или иначе, она имплицитно предполагает включение символов «мягкой силы» в символьную политику и направленность их на консолидацию общества, их интегрирующую роль, помогающую легитимации национальных интересов.

Тем самым политическая культура способствует: а) формированию общих принципов и норм; б) конструированию национальной или национально-государст-

венной идентичности, артикулирующей в ментальности определенные культурные и политические символы; в) гласному и целенаправленному дискурсу «общественного договора», социальных компромиссов на основе сочетания общественных и партикулярных (индивидуальных, корпоративных, этнических, региональных) интересов; г) конструированию и закреплению в политической жизни символов национальных интересов, артикуляции их приоритета, выделения в них сегментов, способных соединять определенные составляющие партикулярных интересов, объединяя, таким образом, места, регионы, народы, социальные группы, этносы в нацию или империю.

Можно, следуя за немецким политологом А. Дёрнером, сказать и о том, что символы в зрелой политической культуре противостоят отвлечению, симуляции, псевдо- и эрзац-политике, а политико-символический акт является незаменимым способом политического управления [19, с. 20]. В этом плане политическая культура опирается на «мягкую силу» как знаково-символьную подсистему в политической системе общества, которая активно влияет на политическую жизнь и способствует «обратной связи». Так подключаются к политической культуре знаково-символьные подсистемы (государственный язык, искусство (особенно музыка и кинематограф), наука, спорт, мораль, религия, геральдика, СМИ и т. д.).

Политическая культура влияет на воспроизводство знаков и символов, интерпретацию универсальных, национальных и локальных знаков (символов), что стимулирует ожидания солидарности, повышающие престиж государства и значение консолидации, международную и внутривнутриполитическую идентификационную состоятельность государства. В периоды последовательного отторжения прежних символьных комплексов политическая культура должна, сохраняя часть прежних политических символов, конструировать и новые символы. С помощью символов политическая культура

выстраивает «мостики» преемственности, исторической памяти.

В 2000-е гг. в государственной политике России произошло изменение подходов к преемственности символов. В 1996 г. на выборах Президента России политическая технология президентской кампании Б.Н. Ельцина строилась на том, что все символы советского прошлого и ностальгия по нему выступали как негативный знак, стигма социального поражения и стремления к реваншу. Страх перед этим реваншем стимулировал голосование за Б.Н. Ельцина. А в 2000-е гг. государственная политика способствовала возвращению в политическую жизнь символов советского прошлого с изменением знака «минус» на «плюс». Эти символы перестали быть неким компенсаторным прибежищем только той части общества, которая не встретила в социальную и экономическую реальность 1990-х гг. [9]. Наоборот, в них стали усматривать даже ресурс постсоветской политической культуры.

Исследователей привлекает проблема консолидации. Каким образом знаки, гетерогенные и партикулярные, означающие статусы отдельных людей и групп с их достижительной направленностью (личный «успех», «карьера», обладание вещами), ситуационным или инструментально обусловленным игнорированием совместных действий (в общих интересах), совмещаются с солидаризирующими знаками и символами общих интересов, вплоть до того, что люди идентифицируются с национальными (государственными) интересами? Почему и как знаки, став символами, в том числе политическими, включаются в символьные комплексы национальных интересов, соединяются с национальной идеей, встраиваются в определенную иерархию (символьную «пирамиду»), воспринимаемую позитивно большинством данной нации (народа)?

Отметим, что символизация национальных интересов осуществляется, прежде всего, с помощью символьных комплексов.

Как возникают символьные комплексы? М. Эдельман обращает внимание на «сгущающие символы» («знаки-конденсаты») в политической коммуникации, возбуждающие массовые эмоции и объединяющие их в одно символическое событие [см. 15]. Д.Н. Замятин пишет о «борьбе образов» («войне образов»), когда образы, дополняемые новыми социокультурными «репрезентациями» и творческими актами, могут «разбегаться» и одновременно «собираться», сосредотачиваться в ментальные «знаково-символические сгустки» («прото-ядра») [8, с. 10].

Символьные комплексы, помогающие придавать «духоподъемную силу» национальным интересам, складываются как многоуровневые. Так, их «нижние» уровни (знаки и символы повседневности) формируются как латентная часть, «снимаемая» символами национальных интересов, и могут не улавливаться визуально (текстуально, аудиально) в самом символьном комплексе. На этом уровне идет процесс воспроизводства и восприятия знаков повседневной жизни, в частности, партикулярных и групповых статусных знаков, и выработки объединяющих ценностей. Это заметно относительно знаков, ставших сферными неполитическими символами, которые утверждают ценностные коды в основных жизненных сферах. Затем идет уровень системы национальных символов-добродетелей, знаменующий или востребующий ценности данного народа, подготавливающие апелляцию к символам национальных интересов. Таков, например, скульптурный ансамбль в Великом Новгороде – памятник 1000-летия российской государственности, возводящий знаки повседневности на уровень государственной политики. Государственные гербы, возвышенные скульптурные ансамбли, флаги, гимны, преамбулы конституций включают знаки повседневности – горы, реки, растения, животных, снопы и колосья пшеницы, серп, молот, машины, образы простых тружеников, воинов, матери, отца и т. д. Все это подчиняется логике

действия «мягкой силы».

Символьные комплексы различаются как позитивные и негативные. Комплексы, представляющие национальные интересы, закрепляют позитивную окраску символов своего народа и государства, союзных государств, и негативную – противостоящих сил. Позитивные символьные комплексы выходят на высший уровень легитимации – ценностей и норм конституций, официальных и неофициальных национальных символов, государственных символов (герб, гимн, флаг, столица, конституция). Исследователи говорят также о над-конституционных символах-ценностях. А. Аузан относит к таковым «общественный договор» с его неформальными правилами (ценностями): в США – индивидуальная свобода, частная собственность и конкуренция; у англичан – ещё и традиция; у немцев – «порядок» (*Ordnung*) [1]. У греков, сербов, русских (и ряда православных народов России) таковы ценности православия (у греков – образ Троицы в Преамбуле Конституции); у ирландцев, поляков, итальянцев, испанцев, бразильцев – католицизм (у ирландцев – образ Христа в Преамбуле Конституции; у бразильцев – скульптура Христа на высоком холме у Рио-де-Жанейро); у иранцев – шиитские святыни, у саудовцев – суннитские.

Иллюстрацией сочетания символов разных уровней как проявления «мягкой силы» можно считать включение символов высших ценностей в символьный комплекс, например, мемориала Победы на Поклонной горе в Москве. В него входит Монумент – стела, стилизующая штык русской винтовки. Длина стелы 141,8 метров (по одному дециметру на каждый день Великой Отечественной войны). На высоте 104 метров закреплена скульптурная группа – богиня Ника и два амура, трубящие победу. У подножия стелы – Георгий Победоносец, поражающий змея – символ победы добра над

злом. Монумент обрамляется полукружьем пантеона.

Перспективы исследования семиотических ресурсов политики и политической культуры. Конструирование позитивных символьных комплексов нацеливает на траекторию позитивного развития общества на основе национальной консолидации. Знаково-символьная архитектура «мягкой силы» как семиотического ресурса предполагает изучение исторической политики («политики памяти») и политики идентичности как составляющих символьной политики. По-прежнему политика памяти остается сильным ресурсом символьной политики России, в том числе и подспорьем политической модернизации. И. Калинин, характеризуя символьную политику 2000-х гг., отметил: «Единство истории обеспечивается органической общностью крови, связывающей предков и потомков. А успех модернизации, преодолевающей советское прошлое, оказывается производным от вписанных в это же самое прошлое побед. Модернизация обречена на победу, потому что ее субъектами являются «наследники победителей». <...> Нынешняя власть пытается (и не без успеха) перехватить травматическую энергию утраты у тех, кто хотел бы сделать ее источником протестных настроений и хотя бы частичного возвращения советского проекта» [9].

В 1990-е гг. символы мирного и ратного труда в России отступили куда-то в глубины подсознания или ностальгирующей памяти, оттесненные хроникой накопления капитала и кровавых разборок из-за денег и другого имущества. В 2000-е гг. положение дел начало несколько меняться: позитивные знаки повседневности возрождались в политической жизни, расширяя «поле» применения символов «мягкой силы». Это – основа идентификационно-семиотического подхода при изучении политической культуры и конструировании консолидирующих символьных комплексов. Но в 2010-

е гг. стало проясняться, что традиционное конструирование символов «мягкой силы» будет эффективно только при восстановлении доверия к символам власти и соответствующим символьным персонам. Российское общество с надеждой и нетерпением ждало системной борьбы с коррупцией чиновников. Последняя принижала все символы национальных интересов, что грозило низвести российскую политическую культуру до уровня слабо связанных и противодействующих субкультур, соединяемых периодически только политикой памяти и «образом врага».

Следует отметить значение символов «мягкой силы» для разработки концепта «зрелой политической культуры». Посылки к такому концепту следующие. Это, прежде всего, зрелая политическая культура, которая стремится к опциональности в применении «мягкой силы», характеризующейся способностью выдвижения альтернатив в интерпретации символов, но одновременно при решении спорных вопросов, преодолении разногласий – сохранения опорных национальных символьных комплексов как основы консолидации общества. Это – зрелость политической культуры, которая проявляется в регулировании активности политической жизни, устранения состояний ее «переполненности» или, наоборот, «опустошенности» относительно политизированных символов, а также разобщенности и «враждебности» этих символов. Такое регулирование в применении «мягкой силы» зависит от наличия достаточного количества позитивных символьных комплексов, которые обеспечивают соединение множества знаков наподобие неких «пазлов», выражающих как партикулярные, так и национальные интересы, выстраивающиеся в необходимой иерархии. Зрелые политические культуры обладают определенной силой воздействия «мягкой силы» («сильные» политические культуры), но могут быть «ослаблены» ввиду ослабления символов национальных интересов. Символы

«мягкой силы» в политической культуре позволяют завоевывать сознание и подсознание людей, живущих в других, менее «зрелых» или ослабленных (более «слабых») политических культурах, если в последних разрушены опорные позитивные символьные комплексы. «Слабые» политические культуры характеризуются «растворением» своих позитивных символьных комплексов, утерей привлекательности «мягкой силы», в том числе, по мере заимствования значительного числа более привлекательных символов из других («сильных») культур. Наконец следует отметить, что значение концепта «зрелой политической культуры» возрастает по мере того, как все более актуализируются «войны за идентичность» (Ал. Громыко), когда «сильные» культуры получают возможность забирать необходимые ресурсы у «слабых» культур за счет применения «мягкой силы».

Политика в постсоветской России накопила определенные семиотические ресурсы, реформировав их в 2000-е годы за счет оптимизации символов советского прошлого в новом событийном контексте, в том числе за счет развертывания «мягкой силы» на международной арене. В 2013 г. элементы «мягкой силы» России проявились в успешной работе G-20, особенно в отношении регулирования кризиса международных отношений вокруг сирийского вопроса. Более зрелой стала деятельность по разъяснению ценностей и целей российской политики за рубежом. В стране прошла грандиозная эстафета олимпийского огня, посетившая множество регионов России. Это проявление «мягкой силы» направлено на консолидацию российского общества, чтобы придать новые импульсы формированию российской национальной идентичности. В свою очередь, проведение Олимпиады в Сочи, успех наших олимпийцев и параолимпийцев мог бы породить новые символы «мягкой силы», способные ослабить негативные тренды в развитии экономики и международных отношений и

усилить семиотические ресурсы консолидации российского общества.

Литература:

1. Аузан А.А. Национальные ценности и конституционный строй // Лекция. Polit. Ru. 6 декабря 2007. URL: <http://polit.ru/article/2007/12/06/auzan/> (дата обращения 20.12.2013).

2. Бляхер Л.Е. Архаические механизмы легитимации власти в России, или очерки об истоках ностальгического сознания // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2008. № 3(50). С. 7–29.

3. Бродель Ф. Материальная организация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Том 2. Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. 632 с.

4. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 110 с.

5. Волкова О.А. Труд в социально-экономической политике государства: делтиологический подход // Информационные войны. 2009. № 2. С. 64–71.

6. Глитерник Э.М. Реклама в России XVIII – первой половины XX века: опыт иллюстрированных очерков. СПб.: Аврора, 2007. 231 с.

7. Долгин А. Перепроизводство свободы как причина кризиса. Лекция // Polit. Ru. 17 декабря 2008. URL: <http://polit.ru/article/2008/12/17/dolgin/> (дата обращения 20.12.2013).

8. Замятин Д.Н. Геоспациализм: онтологическая динамика пространственных образов // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 3–11.

9. Калинин И. Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2010. № 74. С. 5–14.

10. Капицын В.М. Космополитизм как компонент «мягкой силы» и глобального управления // Обозреватель–Observer. 2009. Т. 237. № 10. С. 70–79.

11. Кармадонов О.А. Социальная стратификация в дискурсивно-символическом

аспекте // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 3–13.

12. Кассирер Э. Опыт о человеке // Кассирер Э. Избранное. М.: Гардарика, 1998. С. 37–66.

13. Колодий Н.А., Колодий В.В. Визуальный поворот и его влияние на социальное познание // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316. № 6. С. 146–152.

14. Красильникова М. Культура бедности. Постсоветский комментарий к Веблену // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. Январь–март. № 1 (107). С. 11–26.

15. Поцелуев С.П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. Выпуск 1. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 24–38.

16. Розов Н.С. Специфика «русской власти», ее ментальные структуры, ритуальные практики и институты // Политические исследования. 2011. № 1. С. 29–41.

17. Твердюкова Е. «Ты, брат не скучай, пей всегда грузинский чай». Советская торговая реклама второй половины 30-х годов // Родина. Российский исторический журнал. 2012. № 12. С. 151–154.

18. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО. 2012. № 4. С. 85–93.

19. Dörner A. Politische Mythos und symbolische Politik. Reinbeck bei Gamburg: Rowohlt, 1996. 243 s.

References:

1. Auzan A.A. Natsionalnye tsennosti i konstitutsionny stroy // Lekciya. Polit. Ru. 6 dekabrya 2007 [National Values and Constitutional System // Lecture. Polit. Ru. December 6, 2007]. URL: <http://polit.ru/article/2007/12/06/auzan> (accessed December 20, 2013).

2. Blyakher L.E. Arkhaicheskiemekhanizmy legitimatsii vlasti v Rossii, ili ocherki ob istokah

nostalgicheskogo soznaniya // Politia. Analiz. Khronika. Prognoz [The Archaic Mechanisms of Legitimizing Power in Russia, Or the Outline of the Nostalgic Conscious Origins // Politia. Analysis. Chronicle. Forecast]. № 3(50). 2008. pp. 7-29.

3. Braudel F. Materialnaya organizatsiya, ekonomika i kapitalizm XV-XVIII vv. Tom 2. Igy obmena [Material Organization, Economy and Capitalism in XV–XVIII Centuries. Volume 2. Exchange Games]. Moscow: Progress, 1988. 632 p.

4. Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa [The Theory of the Leisure Class]. Moscow: Progress, 1984. 110 p.

5. Volkova O.A. Trud v sotsialno-ekonomicheskoy politike gosudarstva: deltiologicheskii podkhod // Informatsionnye voyny [Labor in the Social and Economic State Policy: The Deltiologic Approach // Information Warsъ. № 2. 2009. pp. 64–71.

6. Gliternik E.M. Reklama v Rossii XVIII – pervoi poloviny XX veka: opyt illustrirovannykh ocherkov [Advertising in Russia in the XVIII – First Part of the XX Centuries: Illustrated Essays]. St.-Petersburg.: Aurora, 2007. 231 p.

7. Dolgin A. Pereproizvodstvo svobody kak prichina krizisa. Lekciya // Polit.Ru/ 17 dekabrya 2008 [Freedom Overproduction as a Crisis Original Cause. Lecture // Polit. Ru. December 17, 2008]. URL: <http://polit.ru/article/2008/12/17/dolgin/> (accessed December 20, 2013).

8. Zamyatin D.N. Geospatsiolizm: ontologicheskaya dinamika prostranstvennykh obrazov // Sotsiologicheskie issledovaniya [Geospacialism: Ontological Dynamics of Spatial Images // Sociological Studies]. № 2. 2012. pp. 3–11.

9. Kalinin I. Nostalgicheskaya modernizatsiya: sovetskoye proshloye kak istoricheskiy gorizont // Neprikosnovenniy zapas. Debaty o politike i kulture [Nostalgic Modernization: The Soviet Past as a Historical Horizon // The Emergency Ration. Debates on Politics and Culture]. № 74. 2010. pp. 5–14.

10. Kapitsyn V.M. Kosmopolitizm kak component “myagkoy sily” i globalnogo

upravleniya // Obozrevatel-Observers [Cosmopolitanism as a Component of “Soft Power” and Global Administration // Obozrevatel-Observers]. Vol. 237. № 10. 2009. pp. 70–79.

11. Karmadonov O.A. Sotsialnaya stratifikatsiya v diskursivno-simvolicheskom aspekte// Sotsiologicheskie issledovaniya [Social Stratification in its Discursive-Symbolic Aspect // Sociological Studies]. № 6. 2010. pp. 3-13.

12. Cassirer E. Opyt o cheloveke // Cassirer E. Izbrannoe [An Essay on Man // Selected Works]. Moscow: Gardarika, 1998. pp. 37-66.

13. Kolody N.A., Kolody V.V. Vizualny povorot i ego vliyanie na sotsialnoye poznanie// Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta [Visual Turn and its Influence on Social Perception // The Bulletin of Tomsk Polytechnic University]. Vol. 316. № 6. 2010. pp. 146-152.

14. Krasilnikova M. Kultura bednosti. Postsovetskiy commentary k Veblenu // Vestnik obshestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii [Culture of Poverty. Post-Soviet Comments on Veblen // The Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions. № 1 (107). January-March. 2011. pp. 11-26.

15. Potseluyev S.P. “Simvolicheskaya politika”: k istorii kontsepta// Simvolicheskaya politika. Konstruirovaniye predstavleniy o proshlom kak vlastny resurs. Vypusk 1 [“Symbolic Policy”: History of the Concept // Symbolic Policy. Framing the Notions of Past as a Source of Power Issue 1]. Moscow: INION RAN, 2012. pp. 24-38.

16. Rozov N.S. Spetsifika “russkoy vlasti”, ee mentalnye struktury, ritualnye praktiki i instituty// Politicheskie issledovaniya [The Specific Nature of “Russian State Power”, Its Mental Structures, Ritual Practices, and Institutions // Political Studies]. № 1. 2011. pp. 29-41.

17. Tverdyukova E. “Ti, Brat, Ne Skuchay, Pey Vsegda Gruzinsky Chay”. Sovetskaya trgovaya reklama vtoroy poloviny 30-h godov

// Rodina. Rossiisky istorichesky zhurnal [Don't Get Bored, Bro, And Drink Georgian Tea. Soviet Trade Advertising of the Second Half of the Thirties // Rodina. Russian Historical Magazine]. № 12. 2012. pp. 151-154.

18. Torkunov A.V. Obrazovanie kak instrument "myagkoi sily" vo vneshney politike Rossii// Vestnik MGIMO [Education as a Soft Power Instrument of Russia's Foreign Policy // Vestnik of MGIMO-University]. № 4. 2012. pp. 85-93.

19. Dörner A. Politische Mythos und symbolische Politik. Reinbeck bei Gamburg: Rowohlt, 1996. 243 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ**Капицын****Владимир Михайлович***доктор политических наук,
профессор*

Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, Москва,
119991, Российская Федерация

Электронный адрес:
kapizin@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR**Kapitsyn****Vladimir Mikhailovich***Doctor of Political Sciences, Professor*

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow,
119991, Russia

E-mail: kapizin@yandex.ru

УДК 82.01/091

Липич В. В.

Lipich V. V.

**А. С. ПУШКИН-РОМАНТИК И ПРОБЛЕМА
ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ****A. S. PUSHKIN AS A ROMANTIC POET.
THE PROBLEM OF NATIONAL IDENTITY DEVELOPMENT****Аннотация**

Целью статьи является обоснование тезиса, что процесс пробуждения национального самосознания народа нашел отражение в творчестве русского романтизма, который активно присутствовал и утверждался в европейском историко-литературном контексте, осмысливая себя в нем, глубоко усваивая его художественный и теоретический опыт, будучи при этом как глубоко национальным, так и глубоко интернациональным явлением.

Методологически статья выполнена в форме философско-литературоведческого анализа эволюционного пути русского романтизма, места и значения А.С. Пушкина в процессе переосмысления поэтами-романтиками функций литературы и ее роли в формировании национального самосознания народа.

Результатом исследовательской работы является экспликация в творчестве русских поэтов-романтиков диалектики «своего» и «чужого», а также роли А.С. Пушкина в процессе формирования русского национального самосознания XIX столетия.

Применение результатов исследования возможно при построении теоретико-методологических моделей формирования национального самосознания.

К основным выводам относятся следующие положения: процесс пробуждения национальной самобытности и эволюция русской общественной мысли в эпоху романтизма не был путем националистической самоизоляции; Пушкин создавал

Abstract

The goal of the article is to substantiate the standpoint that the process of awakening of national self-awareness is reflected in the Russian romanticism which developed and gained a foothold in the European historical and literary context, conceiving itself, fully internalizing its artistic and theoretical experience, being a phenomenon both national and international.

Methodologically the article is presented in the form of philosophical and literary analysis of the evolutionary path of Russian romanticism, the role of Pushkin A.S. and romantic poets in the process of re-thinking of literature functions and its role in shaping the people's national identity. The output of the research is the explication of dialectics of «insider» and «outsider» in the works of Russian romantic poets and the role of Pushkin A.S. in the development of Russian national identity of the XIX century.

The results of the study can be used in the construction of theoretical and methodological models of national identity development.

The main conclusions are the following: the awakening of national self-awareness and the evolution of Russian social thinking in the era of romanticism had no nationalistic isolation; Pushkin created the Russian version of Romanticism different from Western European, but not extending beyond the Romantic movement; it is open to the individual consciousness of the national historical experience and is regarded by

русский вариант романтизма, отличного от западноевропейского, но не выходящего за пределы романтического направления как такового; именно разомкнутость сознания личности в область национально-исторического опыта и расценивается Пушкиным как оплот и гарантия ее «самостояния».

Ключевые слова: романтизм; культура; личность; взаимодействие; этнокультурная идентичность; национальный характер; традиция; язык; народность; самосознание.

Отечественные писатели и поэты эпохи романтизма, обращаясь к истокам национальной культуры, глубоким русским традициям и фольклору, выдвинули свою концепцию народности, понимая под нею преимущественно национальную самобытность – внимание ко всему национальному (национальной истории, национальному быту, национальному характеру, национальному фольклору, национальным обычаям, национальному языку и т. п.). Суть этой концепции заключается в следующем: каждая нация выражает в истории человечества определенную идею. Народ – это национально целостное и социально недифференцированное единство, замкнутое в самом себе. В глазах романтиков «национальное» и «народное» выступают не столько как исторически сложившиеся категории, сколько как нечто неизменное, метафизическое, данное изначально и навсегда (традиции, образ жизни, быт, характер, фольклор, нравы, язык). Склад национального характера, с их точки зрения, обусловлен прежде всего национальным духом. Как справедливо заметил в самом конце XIX века американский литератор Джеймс Рассел Лоуэлл, «без национального самосознания мы бы никогда не имели литературы» [19, с. 223].

В свое время Гердер выдвинул идею национального как индивидуального, оригинального, которую затем настойчиво

Pushkin as a stronghold and guarantee of its impregnable belief.

Key words: Romanticism; culture; personality; interaction; ethnic and cultural identity; national character; tradition; language; nationality; consciousness.

пропагандировали романтики. Разделяя идущую от Гердера идею об изменемости эстетических взглядов и вкусов, об их зависимости от внешних обстоятельств, теоретики романтизма решительно выступили против теории подражания античным и всяким другим образцам, имевшей хождение при классицизме, отстаивали положение о национальной самобытности литературы и искусства. Эта теория пользовалась особой популярностью в русских романтических кругах. С большой энергией ее защищали поэты-декабристы. «Все образцовые дарования, – писал Бестужев-Марлинский, – носят на себе отпечаток не только народа, но века и места, где жили они, следовательно, подражать им рабски в других обстоятельствах – невозможно и неуместно» [2, с. 551]. Страстно боролся за самобытное творчество Кюхельбекер: «Будем благодарны Жуковскому, что он освободил нас из-под ига французской словесности <...> но не позволим ни ему, ни кому другому <...> наложить на нас оковы немецкого и английского владычества» [11, с. 40].

Подобные позиции разделял и Н. Полевой. Он также видел в ориентированности на изображение национальной жизни наиболее характерную черту романтического искусства. «Сущность романтизма, – писал «Московский телеграф», – состоит именно в том, что <...> уничтожая всякую подра-

жительность исключительно образцу, он требует развития самобытного, народного, чтобы тот или другой народ самобытно ввести в историю человечества, развивая его народные стихии» [12, с. 566].

Продолжительный и обстоятельный процесс познания народами самих себя трансформировался в Новой истории в познание себя через призму других, способствовал формированию целостных представлений о мире. Их первым, концептуально завершенным отражением, была выдвинутая И.В. Гете в 20-е гг. XIX века идея мировой литературы.

Безусловно, в национальном мышлении, литературной жизни каждого народа постоянно участвует и фонд зарубежных ценностей, как современных, так и созданных в прошлом. Без участия этого компонента, при всей самобытности и определяющей роли собственно национальных процессов, система культурной и литературной жизни остается неполной.

Диалектика национального характера обнаруживается и в самой логике развития русского романтического мышления. Первые этапы его развития (Жуковский, Батюшков) – своего рода «период накопления» энергии художественной мысли, а романтизм 1820-х–1830-х гг. («гражданская экзальтация» декабристского романтизма и особенно «неистовая» работа рефлектирующей, философской мысли Лермонтова) обнаруживает способность русского народа в критические моменты истории «идти до крайних следствий» (Герцен) и в области художественного мышления. «Русский романтизм, – подчеркивал Ап. Григорьев, – так отличается от иностранных романтизмов, что он всякую мысль, как бы она ни была дика или смешна, доводит до самых крайних граней, и притом на деле» [4, с. 58].

Эволюционное развитие общества протекает так, что каждая национальная литература, видимо, отбирает из мирового литературного процесса то, что вызывается острыми потребностями общественной

мысли, соответствует состоянию социальных отношений и объективно способствует их развитию, то, что оказывается существенным для собственно литературной ситуации в стране. Но «ни одна великая национальная литература, – убедительно констатирует В. Жирмунский, – не развивалась вне живого и творческого взаимодействия с литературами других народов, и те, кто думает возвысить свою литературу, утверждая, будто она выросла исключительно на местной национальной почве, тем самым обрекает ее даже не на “блестящую изоляцию”, а на провинциальную узость и “самообслуживание”» [7, с. 71].

Бесспорная справедливость этих слов очевидна, так как только сравнение позволяет выявить общие и специфические закономерности развития литературных явлений, дает возможность представить весь историко-литературный процесс как в отдельных индивидуальных и национальных проявлениях, так и цельной системой, в совокупности его слагаемых.

На этой основе и рождалось то увлечение национальным этнографизмом вообще и устным национальным творчеством в частности, которое было столь характерным для романтиков, видевших в фольклоре творческое проявление безыскусственного гения народа. Без этой обращенности к народному творчеству, подготовленной еще предромантическими тенденциями в русской литературе конца XVIII и начала XIX вв. («Душенька» Богдановича, «Илья Муромец» Карамзина, «Бахариана» Хераскова, «Бова» Радищева и т. п.), мы не поймем своеобразия русского романтизма. Если английские романтики, например, потянулись к народным песням, старинным шотландским балладам, к истории, быту и нравам Ирландии и Шотландии – вплоть до средневековья и времен викингов, то в России романтики обратились к историческим преданиям о древнем Киеве, Новгороде и Пскове, к национальному фольклору народов Украины, Кавказа, Крыма, Молдавии, к русским народным сказкам,

былинам, песням, даже обрядам и суевериям.

Европейский и русские романтики, таким образом, уже пытались исторически осмыслить и объяснить человеческую личность характером национальной культуры. И в этом смысле романтизм уже прорывается навстречу реалистическому обоснованию человеческой личности и национальной культуры объективно-историческими факторами. Правда, это были всего лишь попытки – не более.

Процесс пробуждения национальной самобытности и путь русской общественной мысли к вершинам философского, политического и эстетического самосознания в эпоху романтизма отнюдь не был путем националистической самоизоляции. Становление национально-самобытной русской литературы, столь активизировавшееся после Отечественной войны 1812 г., шло иным – более сложным и диалектическим – путем. Русский романтизм был глубоко национальным и столь же глубоко интернациональным явлением. Возникший на конкретно-исторической почве российской действительности первых десятилетий XIX в., он формировался и развивался не на узеньких проселках провинциально-националистического «захолустья», а на большой и широкой дороге общеевропейского и мирового искусства. «Мы по праву наследники всей Европы» [1, с. 96], – подчеркивал Белинский. Национальная самобытность отнюдь не исключала опоры на творческий опыт других наций. В противном случае это выглядело бы националистическим сектантством. Традиции – это «определенное смысловое пространство», сложный комплекс национальной, религиозной и общечеловеческой культурной памяти. Справедливо замечание Г.И. Мальцева о том, что эта память «не всегда выступает на уровне сознания, являясь достоянием подсознательного и бессознательного» [10, с. 68-69]. Поэтическое слово «хранит и несет» память о мировых художественных канонах, эстетических

образцах, органично связано с комплексом национальных представлений о мире и человеке. Оно обновляется, соединяя эти традиции в новое эстетическое единство, и прежде всего, является самовыражением поэта, обнажает его мирозерцание, его этику, его понимание законов прекрасного.

Духовная культура России к началу XIX века уже активно взаимодействовала с духовной культурой других народов. Русский романтизм тоже не замкнулся в рамках только своего национального мира. Напротив, он развивался в теснейшем взаимодействии с западноевропейским романтизмом. Свободно и непринужденно входит в опыт русского романтизма все то, что волновало и тревожило Европу конца XVIII – начала XIX вв. и что было накоплено к тому времени мировой литературой. Не теряя своей национально-исторической самобытности, русский романтизм был самыми прочнейшими узами связан с развитием общеевропейского романтизма – немецкого, английского, французского, польского и т.д.

В известном смысле, некоторые писатели Запада представляли собою явление не только общеевропейское, но и, так сказать, общерусское, ибо они были активными и непосредственными «участниками» русского литературно-романтического движения. Без них, без учета их влияния вряд ли возможно полно и правильно понять все своеобразие исторической судьбы и национальной специфики русского романтизма.

Уже в раннем, романтическом периоде творчества Пушкин оказывается в русле важнейших философских, культурологических и эстетических исканий своей эпохи. Взгляды Пушкина на русскую литературу XVIII в. формировались под воздействием двух прямо противоположных тенденций: с одной стороны, он воспитывался в обстановке преклонения перед Ломоносовым, Херасковым, Державиным, Дмитриевым, царившей в Лицее, с другой – поэт живо реагировал на проникновение в лицейскую

среду новых литературных веяний, испытывая непосредственное влияние творчества таких ведущих поэтов начала XIX в., как Жуковский, Батюшков, Вяземский, Давыдов. При этом и «старое», и «новое» гармонично уживались в сознании лицеистов. Поэтому вполне закономерно, что поэтическое самосознание юноши Пушкина впервые проявляется в рамках дидактического послания «К другу стихотворцу» (1814), ибо юный поэт еще только постигает законы нормативной поэтики.

Синкретический характер пушкинской поэтической системы обусловлен эпохой пересекающихся литературных направлений. Благодаря ситуации «культурного перелома» сумма новых художественных тенденций естественным образом координировалась с исторически противостоящими поэтическими направлениями. Говоря более точно, поэзия Пушкина возникает в условиях особой литературной ситуации, в рамках которой мы находим сосуществование разнообразных элементов, и устоявшихся в сознании писателей, и тех, которые только подлежат кристаллизации и установлению.

Творческая эволюция Пушкина стала выражением основных эстетических традиций времени. Опираясь на принцип гегелевской триады, И.В. Киреевский в статье «Нечто о характере поэзии Пушкина» так определил три момента в творческом самоопределении поэта: период «школы итальянско-французской», следование образцам и овладение поэтической формой, словом («творец-поэт»); с «Кавказского пленника» начинается второй период пушкинской поэзии, который можно назвать отголоском лиры Байрона («поэт-философ»); «Цыганы», «Евгений Онегин», «Борис Годунов» открывают этап самобытного творчества, «периода поэзии русско-пушкинской» (некий синтез тех начал, что определяли сущность предшествующих периодов) [9, с. 31-32, 38]. Пушкин, оставаясь в рамках романтического мироощущения, переосмысливал – в категориях романтиз-

ма – многие чисто романтические темы, образы, жанровые принципы, создавал русский вариант романтизма, отличного от западноевропейского, но не выходящего за пределы романтического направления как такового.

Если XVIII век был периодом тематического подключения российской словесности к мировой поэзии, когда точность перевода или подражания значения не имели, а потому зачастую вовсе не воспринималась стилистика иноязычного текста (соотношение сатир Кантемира, Буало и Горация – наиболее явное тому свидетельство), то поэзия XIX в. начинается там, где «свое» и «чужое» поняты как проблема. Это осознание заключает в себе двуединый процесс: с одной стороны, чужая, иноязычная литература воспринимается как наилучшим способом оформленное, устоявшееся явление, усвоив которое, можно проявить и расширить национальные языковые возможности; с другой – эта же литература (или литературы) осознается как несоответствующая собственной национальной традиции и направлению ее движения, а, следовательно – требует преодоления. Кроме того, каждая национальная литература, обладая презумпцией значительности и самостоятельности, по-своему говорит то, чего и как никогда не скажет другая литература.

Только после этого периода усвоения литература начинает резко противопоставлять себя тому, что ею же было воспринято со стороны. Она начинает мыслить себя как некий субстрат, остающийся от столкновения с иноязычными культурами. Характерно замечание Ап. Григорьева, содержащееся в статье 1859 г. «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина»: «Пушкин – представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что остается нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим, с другими мирами» [5, с. 10]. Отечественным и зарубежным литературоведением неоднократно обсуждалась проблема различных «западных

влияний» в творчестве А.С. Пушкина. Как справедливо отмечал В.М. Жирмунский, – «Пушкин как русский национальный поэт является в то же время активным участником литературной жизни Запада; его творческий путь связан одновременно и с общеевропейским и русским литературным развитием» [6, с. 359].

Оставаясь истинно русским, Пушкин (которого Н. Гнедич недаром сравнил с Протеем) действительно обладал удивительной способностью проникновения в глубины инонационального сознания, в глубины инонациональных культур, выявляя в них общечеловеческие ценности – художественные и этические. Образы Библии и Корана, шедевры античности и Возрождения, древних народных сказаний и книг, современных ему авторов, волновали ум и воображение поэта, творчески переосмыслились им. Решая собственные задачи по преодолению «ничтожества литературы русской» и поднимая ее сразу на европейский уровень, давая мощный импульс и надежные ориентиры для движения вперед, Пушкин, помимо опыта отечественной словесности (проанализировав исторические причины ее тогдашнего отставания), должен был освоить иные национальные стихии – французскую, немецкую, английскую, итальянскую, испанскую... [см. 13, с. 68-103; 3, с. 4-17; с. 43-64; 15, с. 66-82; 18, с. 328-335; 16, с. 76-138]. Вместе с тем, мы можем констатировать, что и кантианство, и шеллингианство, и байронизм Пушкина – это не решающие, не определяющие влияния, это лишь определенные вехи в истории его личной и поэтической жизни.

Творческая эволюция и жизненное мироотношение и мироощущение Пушкина являются яркой иллюстрацией того обстоятельства, что русский романтизм во многих аспектах и отношениях был, если так можно выразиться, «открытой системой», то есть активно присутствовал и утверждался в европейском историко-литературном контексте, осмысливал себя в нем, очень чутко реагировал и определенным

образом откликался на происходившие в нем изменения, глубоко усваивая его художественный и теоретический опыт. И продвигаясь к реализму, Пушкин отнюдь не отказывался от романтизма как широкого и мощного историко-культурологического явления эпохи, открытий и завоеваний романтической эстетики; поэт, скорее, стремился преодолеть односторонность романтизма, облаченную в форму байронизма.

Национально-исторические истоки пушкинского романтизма определили и своеобразие его философской основы: Пушкину оказались гораздо ближе просветительские философские традиции (правда, переосмысленные и переработанные), нежели идеализм Фихте, Канта, Шеллинга. Пушкин, с одной стороны, говорит, что «ненавидит и презирает» немецкую метафизику – потому что она толкает на путь отвлеченного философствования и отвращает от исследования непрерывно движущегося конкретного бытия, а с другой – поэт сознает глубину мысли, свойственную немецкой идеалистической философии, и скрытые в ней возможности теоретического познания.

Романтизм сыграл чрезвычайно большую роль в формировании пушкинской эстетической мысли. Эстетика Пушкина не изложена ни в каком специальном сочинении поэта. Она не рядится в одежду «технических» философских и эстетических терминов. Она не выступает от лица какой-либо известной философской системы. Развиваясь в литературной и критической среде, захваченной влиянием шеллингианства, Пушкин был далек от распространенной в 20-е и 30-е гг. моды на метафизический лексикон, на щеголянье философскими терминами, за которыми не стояло действительно продуманное философское содержание. Однако, избегая философского оформления своих эстетических понятий, Пушкин поступал так вовсе не потому, что пренебрегал теоретическими основами эстетики. Пушкин

сторонился легкомысленных и необоснованных притязаний на философичность. Именно в этом смысле он оправдывал перед А.А. Дельвигом свое отношение к московским шеллингианцам из редакции «Московского Вестника». «Ты пеняешь мне, – писал Пушкин, – за “Московский Вестник” и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать? Собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а чорт свое. Я говорю: господа, охота вам из пустого в порожнее переливать – все это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями, но мы...» [14, с. 320].

Пушкин-романтик, оказавшийся в русле важнейших идейных и эстетических исканий своей эпохи, по справедливому утверждению Д.М. Урнова, стремится уяснить себе итоги европейской мысли. Хотя Пушкин «не принял ни духа немецкой философии, ни точек зрения ее, однако его ум стал работать в направлении тех же вопросов, которые философия от Шеллинга до Шлегеля ставила» [17, с. 9]. При этом реалистическая сущность эстетики зрелого Пушкина часто непосредственно выростала из его романтических исканий.

В конце 1820-х годов А.С. Пушкин приходит к чрезвычайно важным для него формулировкам одного из самых глубоких своих убеждений, на которое он опирался в своем противостоянии неприемлемой действительности: пушкинская мысль о «самостоянии человека» была напрямую связана с представлением поэта о духовно завоеванной суверенности личности, способной опереться на самое себя, на силу своего духа и воли. Больше того, именно разомкнутость сознания личности в область национально-исторического опыта и расценивается Пушкиным как оплот и гарантия ее «самостояния».

Многомерный характер художественной системы А.С. Пушкина, обусловленный эпохой пересекающихся философско-литературных школ и направлений, и особая роль поэта в процессе формиро-

вания национального самосознания XIX столетия посредством художественного слова требуют обстоятельного и конкретного анализа составных элементов данного синкретизма.

Литература:

1. Белинский В.Г. Избранные философские сочинения. М.: ГИХЛ, 1943. 642 с.
2. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1958. 1076 с.
3. Бэлза И.Ф. Универсализм Пушкина // Творчество А.С. Пушкина. Материалы советско-американского симпозиума в Москве. М.: АН СССР, ИМЛИ им. А.М. Горького, 1985. С. 68-103.
4. Григорьев А. Воспоминания. Л.: Наука, 1980. 792 с.
5. Григорьев А. Собрание сочинений. Вып. 6. М., 1915. 89 с.
6. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Л.: Наука, 1978. 424 с.
7. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л.: Наука, 1979. 495 с.
8. Кибальник С.А. Художественная философия Пушкина. СПб.: ИРЛИ, 1999. 200 с.
9. Киреевский И.В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. 384 с.
10. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л.: Наука, 1986. 165 с.
11. Мнемозина. Ч. II. М., 1824.
12. Московский телеграф. Ч. 37. М., 1831.
13. Палиевский П.В. Русские классики. М.: Художественная литература, 1987. 387 с.
14. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 19 т. Т. XIII. М.: Воскресение, 1994–1997 (репринт 1949).
15. Сквозников В.Д. Пушкин. Историческая мысль поэта. М.: Наследие, 1999. 232 с.
16. Смирнов А.А. Романтическая лирика А.С. Пушкина как художественная целостность. М., 2007. 309 с.
17. Урнов Д.М. Пушкин и Шекспир. Авто-

реф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966. 25 с.

18. Эйдельман Н.Я. Статьи о Пушкине. М.: Новое литературное обозрение. 2000. 457 с.

19. Lowell J.R. Our literature (1889). Prose works. Vol. VI. Boston, 1896. 132 p.

References:

1. Belinsky V.G. Izbrannie filosofskie sochineniya [Selected Philosophical Works]. Moscow: GИHL, 1943. 642 p.

2. Bestuzhev-Marlinsky A.A. Sochineniia [Works]: In 2 vols. V. 2. Moscow: Goslitizdat, 1958. 1076 p.

3. Belza I.F. Universalizm Pushkina // Tvorchestvo A.S. Pushkina. Matirialy sovetsko-amerikanskigo simpoziuma v Moskve [Universalism of Pushkin // Creative Work of A.S. Pushkin. Proceedings of Soviet-American Symposium in Moscow]. Moscow: The USSR Academy of Sciences, The Institute of World Literature named by A. M. Gorky, 1985. pp. 68-103.

4. Grigoriev A. Vospominaniia [Reminiscences]. Leningrad: Nauka, 1980. 792 p.

5. Grigoriev Ap. Sobranie sochineniy [Collected Works]. Iss. 6. Moscow, 1915. 89 p.

6. Zhirmunsky V.M. Bairon i Pushkin [Byron and Pushkin]. Leningrad: Nauka, 1978. 424 p.

7. Zhirmunsky V.M. Sravnitel'noye literaturovedenie. Vostoki Zapad [Comparative Literature. East and West]. Leningrad: Nauka, 1979. 495 p.

8. Kibal'nik S.A. Khudozhestvennaya Filosofiiia Pushkina [The Artistic Philosophy of Pushkin]. St.-Petersburg: IRLI, 1999. 200 p.

9. Kireevsky I.V. Izbrannie stat'i [Selected Articles]. Moscow: Sovremennik, 1984. 384 p.

10. Maltsev G.I. Traditziionnie formuli russkoy narodnoy neobryadovoy liriki [Traditional Formula of Russian Folk Non-ritual Lyrics]. L.: Nauka, 1986. 165 p.

11. Mnemozina. V. II. Moscow, 1824.

12. Moscow Telegraph. V. 37. Moscow, 1831.

13. Palievsky P.V. Russkie klassiki [Russian Classics]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1987. 387 p.

14. Pushkin A.S. Polnoye sobranie sochineniy [The Complete Works]: In 19 v. V. XIII. Moscow: Voskresenie, 1994-1997 (Reprint 1949).

15. Skvoznikov V.D. Pushkin. Istoricheskaya misl' poeta [Pushkin: The Poet's Historical Thought]. Moscow: Naslediye, 1999. 232 p.

16. Smirnov A.A. Romanticheskaya lirika A.S. Pushkina kak khudozhestvennoe tseloie [Romantic Lyrics by Pushkin A.S. as an Artistic Integrity]. Moscow, 2007. 309 p.

17. Urnov D.M. Pushkin i Shekspir [Pushkin and Shakespeare]. Moscow, 1966. 25 p.

18. Eidel'man N.Ya. Stat'i o Pushkine [Articles on Pushkin]. Moscow: New Literary Observer (NLO). 2000. 457 p.

19. Lowell J.R. Our Literature (1889). Prose works. Vol. VI. Boston, 1896. 132 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Липич Василий Васильевич

*доктор филологических наук,
профессор*

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

ул. Победы, 85, г. Белгород,
308015, Россия

Электронный адрес:
lipich_v@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Lipich Vasily Vasilievich

Doctor of Philology, Professor

Belgorod National Research University
85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: lipich_v@bsu.edu.ru

УДК 398.8:7.031.2

Жиров М. С., Алексеева О. И.

Zhiron M. S., Alekseeva O. I.

СОВРЕМЕННЫЙ РЕНЕССАНС РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**THE MODERN RENAISSANCE OF RUSSIAN NATIONAL SONG:
THE CULTURAL ANALYSIS****Аннотация**

Статья нацелена на обоснование тезиса, что русская народная песня выступает вневременным явлением народной художественной культуры, интегрирующей в себе многовековой духовный и практический опыт народа, его мировоззрение, систему ценностей, нормы и образцы жизнедеятельности.

Методологически статья выполнена в форме междисциплинарного исследования, опирающегося в основном на этнокультурные и социально-стратификационные концептуализации.

Результатом исследовательской работы является утверждение о том, что русская народная песня, не теряя своей архаической природы, есть явление историчное. В ней отражается не только прошлое в его наиболее устойчивых свойствах, но и современность, что ставит русскую народную песню в ряд вневременных феноменальных явлений народной художественной культуры.

Применение результатов исследования видится наиболее эффективным в процессе профессионального образования в сфере культуры и искусства, среди специалистов и практиков социально-культурной деятельности, в проектах и программах социокультурного развития регионов.

К основным выводам относятся следующие положения: русская народная песня в контексте современной цивилизации играет доминантную роль в преобразовании

Abstract

The paper under study dwells on the thesis that Russian folk song is a timeless phenomenon of folk art and culture, integrating a centuries-old spiritual and practical experience of people, their worldview, system of values, norms and patterns of life.

The methodological work of the researchers was done within the framework of the interdisciplinary analysis that describes historical, cultural and social stratification character of Russian folk songs.

The result of the research demonstrates that Russian folk songs, retaining their archaic nature, live in an actual historicity. They reflect not only the past in its most stable properties, but also modernity, which undoubtedly puts Russian folk songs in a series of timeless extraordinary phenomena of folk culture.

The output can be applied by students and lecturers of educational institutions specializing in culture and art, experts and practitioners of social and cultural activities, projects and programs of regional socio-cultural development.

Among the main conclusions are: in the context of modern civilization Russian folk songs play a dominant role in the transformation of socio-cultural space in the following aspects: a source of knowledge of human existence, people, and ethnic group throughout the history of their existence; a unique method of forming a national identity;

социокультурного пространства в аспектах: источника познания бытия человека, народа, этноса на протяжении всей истории их существования; уникального способа формирования национального самосознания; художественно-эстетического феномена, органично соединившего несколько видов народного искусства, социокультурный универсализм которого поистине не ограничен; многофункционального коммуникативного средства.

Ключевые слова: народная песня; музыкальный фольклор; народная традиция; духовные ценности; этнокультурная среда; социокультурный концепт; возрождение; народная художественная культура.

Осознание российским обществом своего самобытного культурно-исторического пути, формирование чувства укорененности в своем «почвенном» социокультурном пространстве, потребность в идентификации своей судьбы с судьбой народа, его богатейшими национальными традициями актуализируют этнический Ренессанс русской народной песни, интегрирующей в себе многовековой духовный и практический опыт народа, его мировоззрение, систему ценностей, нормы и образцы жизнедеятельности.

В научных изысканиях современных исследователей рефреном проходит мысль о потребности человека вернуть утраченное народное искусство (Е.В. Алексеев); о всеядности, плюралистичности культуры, где непринужденно соседствуют архаическая мифологема с постиндустриальной фабулой (И.П. Панкратов); о резервах народных традиций, не до конца выявленных и способных «возродиться в новой социокультурной ситуации» (В.М. Гацак); о формировании духовно-нравственной личности средствами традиционной народной песни (М.С. Жиров).

Опыт XX – начала XXI вв. воочию убедил, что русское народное песенное твор-

an artistic and aesthetic phenomenon, organically combined several kinds of folk art; multifunctional communicative means.

Keywords: folk song; folk music; folk tradition; spiritual values; ethnocultural environment; socio-cultural concept; rebirth; folk art.

чество обладает повышенной «валентностью», которая обоснована его жизненной силой и способностью к саморазвитию, постоянному «пропитыванию» современностью и потенциальной готовностью осовремениться. Феномен народной песни как вид искусства сохраняется и поддерживается в народном быту многих российских территорий, связанный с художественными интересами народа живой традицией, активной социокультурной практикой, что исторически predetermined, заложено в самой ее природе.

По меткому замечанию А.А. Григорьева, «у народа все современное лишается в песне своего современного характера и получает общий эпический, коренной, старый» [2, с. 34], благодаря чему новое как бы покоряется традиции и получает в фольклоре «права гражданства». Согласно тезису критика, «старое не умирает, оно живет и продолжается в новом» [2, с. 34]. Однако устойчивое, традиционное понимание народной песни без поправки на время противоречит ее реальной жизни и в случае механического следования ему приводит к парадоксальным выводам. К примеру, отдельные исследователи до сих пор отстаивают тезис о том, что фольклор

(песенный, в первую очередь) существует, пока жива устная передача творчества. Безусловно, устная природа бытования русской народной песни в аспекте современной цивилизации переживает определенную трансформацию. Согласно авторским исследованиям, в настоящее время «в Белгородской области функционирует порядка 80 аутентичных коллективов, которых по праву можно считать создателями, хранителями и носителями традиционной песни в самом широком контексте этих понятий» [5, с. 120]. В репертуаре таких мастеров разножанровые песни конкретного «локуса», и процесс рождения новых песенных вариантов осуществляется на основе коллективного творческого процесса, где каждый исполнитель – творческая личность, имеющая «профессиональный» статус в плане исполнительского мастерства, знания традиции. Однако это не исключает возможности фиксации ими текстов, образцов подлинных народных песен, которые они осуществляют по просьбе ученых (фольклористов, лингвистов, этнографов) и собирателей, таким образом транслируя письменные и звуковые источники последующим поколениям. Более того, в условиях бурного развития средств массовой коммуникации процесс освоения и развития песенного фольклора посредством его технической фиксации, на наш взгляд, весьма продуктивен.

Зафиксированная в аудио-, видеозаписи народная песня всегда может быть включена в процесс ее «воспроизводства» как традиции, восприятия «целостности» песни как этнокультурного концепта. Фиксация образцов песенного фольклора, их сбор, хранение, изучение творческого процесса и описание (вплоть до тонкостей технологического порядка), по нашему мнению, – один из главных механизмов возрождения народной песни, ее освоения и популяризации, возвращения в жизнь, в практику миллионов людей. Актуальна мысль, высказанная В.Г. Белинским полтора столетия назад: «Народные

песни принадлежат к вечно живущим и движущим явлениям. Каждая эпоха произносит о них свое суждение, и как бы ни верно поняла она их, но всегда ставит следующей за ней эпохе сказать что-нибудь новое и более верное, и ни одна и никогда не выскажет всего» [1, с. 125-145].

Многие годы россияне жили в уверенности, что нельзя повернуть «колесо истории» вспять, что движется она семимильными шагами только вперед. А если и обращались к истории и фольклору, то с оглядкой на пресловутую «патриархальность», ярлык которой навешивался как один из самых тяжелых идеологических грехов. Действительно, только сейчас общество начинает понемногу осознавать, что без таких постоянных возрождений прошлого в настоящем немислимо и само будущее. Разделяя суждения современных исследователей, следует признать, что все мировые культуры проходили через свои эпохи Возрождений, а «колесо истории» всегда поворачивалось вспять – к отринутому или забытому наследию своего народа. Осознание этой истины позволяет утверждать, что «именно потребность в изучении народного искусства стимулировала необходимость развертывания культурологических исследований, которая будет окончательно осознана в XXI веке» [7, с. 22].

В свое время В.Г. Белинский, пророчески предвидя динамику этого процесса, с гордостью писал: «Наша народная или непосредственная поэзия не уступает в богатстве ни одному народу в мире и только ждет трудолюбивых деятелей, которые собрали бы ее сокровища, хранящиеся в памяти народа. Не говоря уже о песнях, – один сборник народных рождений, известных под именем «Древних стихотворений, собранных Киршею Даниловым», есть живое свидетельство обильной творческой производительности, которою наделена народная фантазия» [1, с. 267-274]. Многочисленные записи народных

песен, осуществлённые на территории Белгородской области, зафиксированные в фундаментальных трудах В.М. Щурова, А.В. Рудневой, работах М.С. Жирова, И.Н. Карачарова, О.Я. Жировой, О.И. Алексеевой и др. исследователей – убедительное тому подтверждение. В настоящее время все больше и чаще раздаются голоса в пользу народной песни, раскрытия ее аксиологического потенциала в новых, прежде неизвестных формах, «как новаторстве, как исполнительской импровизации на традиционной основе, как переосмыслении, переинтонировании традиционных произведений и т. д.» [6, с. 137]. Жизнеспособность песенной традиции ученый И.И. Земцовский видит в ее способности к саморазвитию, потенциальной готовности к восприятию и переосмыслению уже существующего, накопленного.

Как показывает жизнь, народное песенное творчество неуправляемо извне и почти непредсказуемо по характеру своего течения. И даже идеологический режим многих десятилетий, несмотря на свою изощренность, не смог управлять многими процессами культуры. А в отношении фольклора он оказался вообще бессильным. Закрыв подлинному фольклору дорогу к гласности, он, тем не менее, не смог помешать появлению новых интересных его образцов. И это, по мнению ученых, не только следствие непредсказуемости общественных процессов, но и результат специфического воздействия внутренних законов, которые по-своему способны определять взаимоотношения фольклора, как творчества насквозь традиционного, с меняющейся действительностью (А.С. Каргин).

В этой связи на повестку дня встают проблемы теории авторства как инициирующего момента, концепции коллективности и по-настоящему им противостоящей концепции бессознательности и безличности фольклорного творчества, в принципе отрицающей идею сочинения перво-

начального текста (В.Я. Пропп). Развивая эту концепцию, «можно говорить о процессах самоорганизации и самовоспроизводства фольклора, о действии в нем различных операционных механизмов, иные из которых – разные формы трансформации, семантические перекодировки и другие – уже вполне определенно выделены и описаны в науке» [6, с. 137]. Более того, заслуживает внимания и тезис Б.Н. Путилова о том, что «духовное начало, присущее человеческой природе, обладает такой степенью самостоятельности и такой творческой энергией, что способно помимо воли людей, как бы вне их сознания, творить, навязывая им результаты этого творчества» [8, с. 9]. Загадки фольклорного творчества часто лежат внутри него, в его природе, механизме, особенностях функционирования.

Акцентируя внимание на устойчивости традиции, мы отмечаем, что смена исторических этапов, общественно-экономических формаций никогда не сопровождалась столь же решительной сменой песенного фольклора: он как бы задерживается, запаздывает, надолго сохраняя в новых условиях старые. Так и сегодня наиболее архаичные народные песни, зафиксированные нами в ходе фольклорно-этнографических экспедиций в последнее десятилетие в разных локусах России, «отличаются глубиной формы и полнотой поэтического содержания, выдержанностью фольклорного стиля, характерными диалектными особенностями» [4, с. 32].

Более того, анализ образцов Белгородского песенного фольклора позволяет утверждать, что отдельные их варианты по многим компонентам полностью совпадают с песенными образцами в сборнике 1791 г. Способность к выживанию в подобных условиях подтверждает открытую испанским фольклористом Р.М. Пидалем закономерность о скрытых (латентных) способах развития и существования народной культуры, благодаря чему

происходит процесс формирования новой этнокультурной среды, в духовной практике которой идут активные поиски места русской народной песни в ней. В этом кроется историческая закономерность ее развития. Без этого не может быть ее нормального функционирования, которое обеспечивается постоянным обновлением, видоизменением, приспособлением и т. п. Обновление касается и эстетической, и прагматической сущности русской народной песни, и ее основополагающих, характерных черт и свойств. Иными словами, с изменением панорамы бытования русской народной песни меняется ее социально-культурный контекст, механизмы включения в жизнедеятельность общества.

Развивая эту мысль, обращаем внимание на две закономерные тенденции в развитии русской народной песни: отмирание старых форм и жанров и самовозрождение путем создания новых. Жизнеспособность песенного фольклора объясняется, в первую очередь, его повышенной «валентностью», т. е. способностью привлечь внимание людей не столько благодаря своим собственно художественным достоинствам, сколько потому, что песня близко затрагивает их внехудожественные интересы. Таким образом, устойчивость народной песни придает ей гораздо большую жизненную силу, чем способность к инновациям. Хотя, безусловно, собственно развитие традиции осуществляется прежде всего благодаря инновациям (И.И. Земцовский). Эта позиция ученого подтверждается данными нашего анализа, согласно которым область современного фольклора включает в себя, наряду с новообразованиями, ту подлинно живую часть песенного фольклорного наследия, которая, будучи обновленной, тем не менее, связана с наиболее устойчивыми элементами народной жизни (календарные праздники, свадебная обрядовость).

Бытует мнение, что невозможно возродить к жизни то, что безвозвратно утеряно,

как невозможно повернуть время вспять. И с этим трудно не согласиться, ибо речь не идет о слепом копировании оригинала, так как «...любые попытки возрождения народной культуры, народных традиций без восстановления исторической среды их бытования обречены на провал. Вне данной среды любая традиция будет существовать в виде экзотики, которую можно посмотреть, послушать, но не воспринимать как часть собственного национального самоощущения» [5, с. 81].

Проблема видится в необходимости проникновения в контекст народной песни, глубокого знания ее жанровой природы, драматургии, форм бытования, механизмов передачи из поколения в поколение на основе традиционных методов: «из уст в уста», «от старших – к младшим», «от учителя – к ученику», «от отцов и дедов – к детям и внукам». Как показала многолетняя этнографическая работа, именно «такие формы освоения традиционной народной песни наиболее эффективны, так как способствуют духовно-нравственному воспитанию личности, формированию ее экологической и эстетической культуры, гармонизации интеллектуального и эмоционального развития, совершенствованию исполнительского мастерства. Более того, многосторонние творческие контакты с носителями песенных фольклорных традиций дают возможность “проживать” русскую народную песню, как говорится, “изнутри”, в наиболее приближенном к оригиналу варианте, что способствует этнографической достоверности полученных знаний, умений, понятий и представлений обо всех сторонах жизни народа» [3, с. 126].

Понимание этого процесса определяет пути, помогающие поддержать и возродить наиболее естественные формы трансляции народной песни в рамках бытового песнетворчества аутентичных коллективов, включающих мастеров народного пения одного певческого «локуса» (хутора,

деревни, села, станицы) или одной семьи как основных проводников и хранителей русской народной песни, создание при них детских ансамблей-спутников, что чрезвычайно актуализирует социально-нравственный аспект проблематики. Речь идет о становлении и развитии духовных связей между людьми преклонного возраста (народные исполнители), молодежью и детьми, делая их нужными друг другу, формируя те структуры освоения народной песни, в которых первые – хранители духовного наследия – реализуют себя в качестве учителей. Близкая нам позиция о смысле и передаче содержания народной песни от учителя к ученику изложена В.С. Семенцовым в статье о традиционной культуре Древней Индии: «Обучение в ведийской Индии, как всегда и везде, состояло в передаче учителем ученику определенной массы информации, фиксированной в текстах <...>. Тем не менее священный текст, при всем безграничном к нему уважении, играл в обучении скорее подчиненную, инструментальную роль; главной же целью было воспроизводство не текста, но личности учителя – новое, духовное рождение от него ученика. Именно это – живая личность учителя как духовного существа – и было тем содержанием, которое при помощи священного текста передавалось от поколения к поколению. <...> В тех случаях, когда эта передача личности имеет место, культура воспроизводится, в противном случае – нет» [9, с. 8].

Таким образом, добиваться все более глубокого признания русской народной песни и ее духовных ценностей – значит заботиться о творческих и социальных приоритетах неформализованных, естественных структур семьи, сродства, ровесничества, соседства, товарищества, возвращая, пестуя в душах россиян мировоззренческие, эстетические и этнические грани этого феномена. Это и есть реальность нашего времени, стимулиру-

ющего возрождение духовных и материальных ценностей традиционной песенной культуры.

Возникнув как потребность жизнеустройства и жизнедеятельности (физической, духовной, психологической, социальной), русская народная песня не утратила своей доминантной сущности «формирования человеческого в человеке» (М.С. Жиров), а в связи с ростом национального самосознания все чаще воспринимается как ценностный социокультурный концепт, в котором человек с одной стороны определяет систему координат, с другой, свое место и роль в этой системе.

Следовательно, русская народная песня не может не претендовать на универсализм и на самостоятельные оценки по отношению ко всем явлениям жизни общества и государства. Наиболее ярко это проявляется сегодня в жанре частушки, которую П.А. Флоренский справедливо поставил в ряд шедевров мировой поэзии малых форм. Живой, почти разговорный язык частушки в единстве с выразительными средствами старинной русской песни позволяет своевременно откликаться на все события, происходящие в современном социуме. Будучи формой выражения общественного мнения, народная песня выступает символом и показателем уровня демократичности государства. Не случайно отдельные жанры народной песни, и в первую очередь частушка, долгое время преследовались и запрещались как несовместимые с советской действительностью, прежде всего, за остроту поднимаемых в них проблем социально-общественного характера.

С изменением идеологической ситуации, с постепенным разрушением тоталитарной государственности интерес к фольклорной песне возрастает как в научной сфере, так и в общественном сознании. В связи с этим возникает необходимость осмыслить тенденции это-

го процесса, понять его логику, смысл в контексте взаимоотношений с обществом, государством, социокультурным институтом, конкретной личностью. В этой перспективе актуализируется методология осмысления русской народной песни в русле продуктивного междисциплинарного сотрудничества смежных наук: истории, филологии, искусствознания, фольклористики, культурологии, социальной психологии, педагогики. На наш взгляд, социокультурный и этнопедагогический аспекты познания народной песни в реалиях современности оказываются особенно значимыми с позиций:

– совокупности духовных и материальных ценностей, воплощенных в ее «целостности»;

– «свода» практических и духовных знаний, навыков, умений, норм и образцов бытия человека, народа, этноса в круговороте времен года и жизненного цикла;

– художественно-эстетического феномена, органично соединившего воедино несколько видов народного искусства (музыкальный, хореографический, обрядовый фольклор, устное поэтическое и декоративно-прикладное творчество, игра и т. д.), каждый из которых может выступить предметом отдельного анализа в силу своей социокультурной значимости;

– уникального способа формирования национального самосознания, русской ментальности (трудолюбие, добродетели, благочестие, соборность, любовь к ближнему, семье, роду, земле, отечеству и т. д.);

– универсального инструмента передачи этнокультурной информации, базовых национальных и общечеловеческих ценностей и идеалов, формирующих физическое и духовное бытие человека из поколения в поколение посредством трансляции их в современный социум;

– созидательной, интегрирующей силы, способной обеспечить взаимопонимание

и согласие мирового сообщества в общих чувствах мира, добра, красоты, уважения человеческого достоинства в рамках творческого сотрудничества и культурных контактов.

Сегодня важно явить миру богатейшие духовные потенции русской народной песни, где сконцентрирован вековой исторический, социальный, этнический, эстетический, житейский опыт, национальный дух и душа разных слоев общества, слившихся в единое понятие «русский народ». А это и есть то концептуальное, что составляет тему, идею, главное духовное и душевное содержание народной песни, которой всегда есть что сказать и что передать народам мира.

Таким образом, речь идет о вполне очевидной духовной и практической значимости русской народной песни в аспекте современной цивилизации, что обуславливает и актуализирует ее доминантную роль в преобразовании социокультурного пространства в качестве:

– источника познания бытия человека, народа, этноса на протяжении всей истории их существования, со всеми вехами жизни, ступенями мышления, уровнями эмоциональных ощущений;

– уникального способа формирования национального самосознания, русской ментальности, базовых общечеловеческих и национальных ценностей и идеалов, их трансляции в современный социум;

– художественно-эстетического феномена, органично соединяющего несколько видов народного искусства, социокультурный универсализм которого поистине не ограничен;

– многофункционального коммуникативного средства, способного в рамках творческого сотрудничества и культурных контактов обеспечить взаимопонимание мирового сообщества в общих чувствах добра, справедливости, красоты, уваже-

ния человеческого достоинства, в решении глобальных проблем человечества: экологических, геополитических, нравственных, этических, религиозных.

Следует признать, что в настоящее время оценка роли государства и общества в развитии русской народной песни требует учета многих факторов: социально-экономических, культурологических, информационных. Русская народная песня все более втягивается в сферу государственных интересов, в результате чего вытесняется за пределы естественных форм культурного процесса, меняя свои существенные характеристики на уровне смыслового содержания и функционирования, включаясь в сферу коммерческого искусства. В результате этого многие новоявленные фольклорные коллективы и отдельные исполнители представляют серьезную разрушительную силу для самой русской народной песни. Вместе с тем, несмотря на значительные масштабы потерь и вопреки нынешним сложным социокультурным реалиям, мы отмечаем удивительную сохранность подлинной русской народной песни.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что русская народная песня развивается в рамках стилевых и функциональных традиций, которые в известном смысле канонизируют ее, формируя эстетическую «устойчивость» и художественную специфику. Однако традиционность, «канонизацию» в ней нельзя понимать как статику, хотя это и напрашивается как бы само собой, если исходить из архаической природы народной песни. Тем не менее, восприятие и понимание традиционности, на наш взгляд, всегда конкретно-исторично. В ней отражается не только прошлое в его наиболее устойчивых свойствах, но и современность, что, несомненно, ставит русскую народную песню в ряд вневременных феноменальных явлений народной художественной культуры.

Литература:

1. Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4. Статьи, рецензии и заметки, март 1841 – март 1842. М.: Художественная литература, 1979. 654 с.

2. Григорьев А.А. Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны // Григорьев А.А. Эстетика и критика. М., 1980. С. 312-358.

3. Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины: учеб. пособие. Белгород, 2000. 267 с.

4. Жиров М.С. Региональная система сохранения и развития традиций народной художественной культуры: учеб. пособие. Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. 310 с.

5. Жиров М.С., Алексеева О.И. Русская народная песня: история и современность: монография / Белгор. гос. ин-т культуры и искусств. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. 164 с.

6. Земцовский И.И. О творческой природе фольклора // Стилевые тенденции советской музыки 1960-1970 годов. М., 1979. С. 137–147.

7. Каргин А.С. Народное художественное творчество: структура, формы, свойства. М.: Музыка, 1990. 144 с.

8. Радищев А.Н. Избранные сочинения. М.: Гослитиздат, 1952. 711 с.

9. Семенцов В.С. Проблема трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бхагавадгиты // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1988. С. 8-12.

References:

1. Belinsky V.G. Sbranie sochineni: v 9 tomah. T 4. Stat'i, retsenzii i zametki, mart 1841 – mart 1842 [Selected Works: in 9 v. V. 4. Articles, Reviews and Letters, March 1841 – March 1842. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1979. 654 p.

2. Grigoriev A.A. Russkie narodnye pesni s ih poeticheskoy i muzikalnoy storony //

Grigoriev A.A. Estetika i kritika [Russian Folk Songs From Their Poetic and Musical Side // Aesthetics and Critics]. Moscow, 1980. pp. 312-358.

3. Zhiron M.S. Narodnaya khudozhestvennaya kultura Belgorodchiny: ucheb. posobie [Folk Arts Culture of Belgorod Region: Learning Guide]. Belgorod, 2000. 267 p.

4. Zhiron M.S. Regionalnaya sistema sokhraneniya i razvitiya traditsiy narodnoy khudozhestvennoy kultury: ucheb. posobie [Regional System of Keeping and Developing Folk Art Culture Traditions: Learning Guide]. Belgorod: Publishing House of BelSU, 2003. 310 p.

5. Zhiron M.S., Alekseeva O.I. Russkaya narodnaya pesnya: istoriya i sovremennost. Monografiya [Russian Folk Song: History and Contemporaneity. Monograph]. Belgorod: Publishing House of BelSU, 2007. 164 p.

6. Zemtsovsky I.I. O tvorcheskoy prirode folklore // Stilevye tendencii sovetskoy muziki 1960-1970 godov [About the Creative Nature of Folklore // Style Tendencies of 1960's-1970's Soviet Music]. Moscow, 1979. pp. 137-147.

7. Kargin A.S. Narodnoe khudozhestvennoye tvorchestvo: struktura, formy, svoystva [Folk Arts: Structure, Forms, Characteristics]. Moscow: Muzyka, 1990. 144 p.

8. Radishchev A.N. Izbrannye sochineniya [Selected Works]. Moscow: Goslitizdat, 1952. 711 p.

9. Sementsov V.S. Problema translyatsii tradicionnoy kulturi na primere sudby Bhagavadgity // Vostok – Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii [Problem of Translation of Traditional Culture: the Life of Bhagavadgita // East – West. Analyses. Translations. Publications]. Moscow: Nauka, 1988. pp. 8-12.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Жиров Михаил Семёнович

доктор педагогических наук,
профессор

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

ул. Победы, 85, г. Белгород,
308015, Россия

Электронный адрес:
zhiron@bsu.edu.ru

Алексеева Ольга Ивановна

кандидат философских наук,
доцент

Белгородский государственный
институт искусств и культуры

ул. Королёва, 7, г. Белгород,
308033, Россия

Электронный адрес:
alex-amritam@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Zhiron Mikhail Semenovich

Doctor of Education, Professor
Belgorod National Research University
85, Pobedy St., Belgorod, 308015,
Russia

E-mail: zhiron@bsu.edu.ru

Alekseeva Olga Ivanovna

PhD in Philosophy, Associate Professor
Belgorod State Institute of Arts
and Culture

7, Koroleva St., Belgorod,
308033, Russia

E-mail: alex-amritam@mail.ru

Липич Т.И.

Lipich T. I.

**ДИАЛОГ
КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР
DIALOGUE
AS A FORM OF INTERACTION BETWEEN CULTURES****Аннотация**

Целью статьи является обоснование тезиса, что национальная самоидентификация народа возможна только во взаимодействии культур, для чего жизненно необходим межкультурный диалог, в котором различные этнические единицы выступали бы в качестве самоценных, равноправных партнеров.

Методологически статья выполнена как сущностный анализ концепта «диалог» и связанных с ним понятий «общение», «коммуникация» на основе сравнительно-исторического исследования концепций и дефиниций диалога в истории зарубежной и русской философской мысли.

Результатом исследовательской работы является экспликация смысла и значения диалогических отношений между культурами, при том что диалог культур трактуется и как наиболее яркая форма общения культур, и как результат взаимного их влияния, как форма одновременного бытия и общения людей прошлых, настоящих и будущих культур.

Применение результатов исследования возможно при построении теоретико-методологических моделей диалогического взаимодействия различных культур.

К основным выводам относятся следующие положения: познание своей культуры, самих себя возможно только через познание других культур, через диалог культур; литература и философия как формы национального самосознания возника-

Abstract

The goal of the paper is to substantiate the standpoint that the national identity is possible only in the interaction between cultures based on the intercultural dialogue, where various ethnic units would act as inherently valued and equal partners.

Methodologically the article analyses the concept «dialogue» and related concepts «interaction» and «communication» on the basis of the historical and comparative study of concepts and definitions of a dialogue in the history of foreign and Russian philosophical thinking.

The output of the research is the explication of the meaning and importance of dialogue relations between cultures, taking into account the fact that the dialogue of cultures is treated both as the most prominent form of communication between cultures, and as a result of their mutual influence, as a form of simultaneous existence and communication between people, the past, present and future of cultures.

The results of the study may be used in building of theoretical and methodological models of dialogue interaction between different cultures.

The main conclusions are the following: the understanding of your own culture and yourselves is possible only through understanding of other cultures, through the dialogue of cultures; literature and philosophy as a form of national identity arise when people start to feel the need for

ют тогда, когда народ начинает ощущать потребность в осознании самого себя, своего места в мире, когда совершаются радикальные изменения в мышлении, способствующие развитию разнообразных сфер общества; прямые и косвенные литературно-философские диалогические отношения как внутри страны, так и между странами, способствуют духовному единению и консолидации нации.

Ключевые слова: диалог; культура; общение; коммуникация; взаимодействие; взаимовлияние; этнокультурная идентичность.

В современных условиях приобретает особое значение такая научно-исследовательская проблема как диалог. Развивающийся мир характеризуется все большими процессами глобализации, в соответствии с этим, усиливаются и процессы, противоположные им. К сожалению, это не свидетельствует о том, что человечество научилось жить если и не в согласии, то хотя бы в режиме диалога.

В связи с этим, возникает необходимость обратиться к истокам диалога, его пониманию в философии и культурологии. Эти науки накопили достаточно большой опыт в понимании данного феномена.

Изучением и анализом специфики диалога, диалогового мышления в истории философии занимались представители различных школ и направлений, например, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, К. Леви-Строс, Н.С. Трубецкой, Л.Н. Гумилев рассматривали диалог в системе диалога культур. Сегодня это становится как никогда актуальным, так как диалог в области гуманитарного знания, культуры в целом, раздвигает границы общения между народами, государствами. Возрастает необходимость лучшего познания собственной национальной культуры, осознанию и пониманию самоидентификации.

Основоположником научной теории диалога в западной философской мысли

awareness of themselves, their place in the world, when radical changes in the thinking take place contributing to the development of various sectors of society; direct and indirect literary and philosophical dialogue relationships both within the country and between different countries promote spiritual unity and consolidation of the nation.

Key words: dialogue; culture; communication; act of communicating; interaction; interference; ethnocultural identity.

был М. Бубер. В своей книге «Я и Ты» он поднимает очень важные вопросы диалога человека и Бога, человека и человека, выделяет роль языка, посредством которого осуществляется диалог. Эти идеи развивает русский философ М.М. Бахтин: «Диалогические отношения <...> – это почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение <...>. Где начинается сознание, там <...> начинается и диалог» [1, с. 71].

Ряд исследователей рассматривают проблему диалога через анализ понятия «другого» и его встречи с «я» (Г.-Г. Гадамер, Р. Барт, Э. Левинас, А.И. Введенский, И.И. Лапшин и др.). Наличие «я» и «другого» – необходимое условие диалога, который предполагает активное взаимодействие равноправных субъектов. Если это условие не выполняется, то говорить о полноценном диалоге нельзя, а можно констатировать взаимовлияние, которое характеризуется воздействием на другого, предполагая изменение поведения, мыслей и т. д. В основе этого лежит принцип подражания, внушения.

В настоящее время многие прежние подходы к проблеме диалога претерпевают изменения и требуют более глубокого исследования. Все более актуальными, на

наш взгляд, в этом направлении являются идеи «универсального диалога» М.С. Кагана, «диалога культурных миров» Г.С. Померанца, «полилога культур», как формы диалога множества культур О.Н. Астафьевой. Представленная в последние десятилетия диалогическая тематика должна быть осмыслена в рамках широкого культурного контекста эпохи, которая характеризуется развитием толерантных поведенческих установок, межконфессиональным, межкультурным диалогом.

Диалог – это универсальный, всеохватывающий способ существования культуры и человека в культуре [см.: 5]. В XIX веке славянофилы предложили идею о том, чтобы понять язык другой культуры, человек должен понимать и ценить историю и культуру своего собственного народа. Исходя из такой установки, многие современные философы конкретные проблемы общения, диалога и коммуникации связывают с межкультурным диалогом народов, стран, цивилизаций. В свое время И.Г. Гердер выделял взаимодействие культур как способ сохранения культурного многообразия и отмечал, что познание своей культуры, самих себя возможно через познание других культур, поскольку «ни один народ не достиг культуры сам по себе» [4, с. 477]. Спектр трактований понятия диалога культур весьма широк. В XX веке идеи диалога вошли в ткань философского мышления и получили все большее распространение: от этических и эстетических проблем у М. Бубера и М. Бахтина до анализа человеческого бытия как «диалогической жизни», «диалогичности» В. Библера и анализа внутреннего диалога, изучения диалогической природы человеческой речи.

Стремление исследователей рассмотреть диалог культур требует необходимого уточнения таких понятий, как «культура», «общение», «диалог», «коммуникация», «взаимодействие», «взаимовлияние». При огромном количестве разнообразных смысловых наполнений, дающихся понятию культуры, подходов к ее изуче-

нию, нам близка позиция В.С. Библера, который определяет культуру как форму одновременного бытия и общения людей прошлых, настоящих и будущих культур. Следовательно, культура – это общение. Анализ этой категории посвятили свои работы К. Ясперс, М.С. Каган, М.М. Бахтин и др. Например, М.М. Бахтин в своих работах утверждал, что культура – это форма общения людей разных культур. Она есть там, где есть как минимум две культуры, а самосознание культуры есть форма ее бытия на грани с иной культурой. На этом основании культура рассматривается как механизм самодетерминации индивида. Общение, по Ясперсу, – это отношения, возникающие «между двумя индивидами, которые связываются друг с другом, но должны сохранять свои различия, которые идут друг другу навстречу из уединенности, но знают об этой уединенности лишь постольку, поскольку они вступают в общение» [цит. по: 9, с. 324–327]. «Общение» и «коммуникация» – различны по своей сути. Если общение имеет практический, материальный и духовный, информационный характер, то коммуникация – это чисто информационный процесс, однонаправленный, от отправителя к получателю, отношение субъекта к другому человеку как к объекту. В общении стороны ищут точки соприкосновения, некие общие позиции, в результате борьба мнений переходит в диалог. В этом случае субъект относится к другому как к субъекту.

Диалог культур предстает и как наиболее яркая форма общения культур, и как результат взаимного общения культур. Общение в рамках субъектно-объектных отношений можно назвать взаимодействием, которое характеризуется как всеобщая форма связи явлений, осуществляющаяся в их взаимном изменении. Некоторые исследователи выделяют партнерское взаимодействие-диалог, когда не происходит навязывание, а осуществляется взаимодействие двух и более культур [10]. Культура по своей сути диалогична. Человечество

с момента своего зарождения существует в рамках диалога. В.М. Межуев отмечает, что диалог возможен между людьми, которые находятся на одном уровне цивилизационного развития и связаны, кроме всего, некоей системой ценностей [см.: 8]. Культура, общение культур есть общение индивидов как личностей, поэтому здесь важно признание самоценности всех сторон, участвующих в диалоге. В диалоге культур каждая культура реализует себя как отдельная, самобытная, неисчерпаемая в своей неповторимости культура [3, с. 299]. Возможность диалога можно отметить только тогда, когда субъект начинает осознавать и выделять свою индивидуальность, свою самоидентификацию через связь с другими, через свою обусловленность другими. Рассматривая диалог как единственно возможную форму события людей, Бахтин справедливо утверждал: «Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты – с ними можно только диалогически общаться. Думать о них – значит говорить с ними» [цит. по: 3, с. 146-147]. Диалог, по Бахтину, не есть просто общение, разговор, речевая деятельность – диалог есть взаимное самопознание и самоутверждение. Диалог понимается как единственно возможная форма со-бытия, существования «Мы» в «Они» и «Я» в «Другом».

Процесс общения личностей в диалоге происходит благодаря некоторой составляющей общения – тексту. М.М. Бахтин в «Эстетике словесного творчества» писал, что человека можно изучать только через тексты, созданные или создаваемые им. Текст, по Бахтину, может быть представлен в разных формах: как живая речь человека; как речь, запечатленная на бумаге или любом другом носителе (плоскости); как любая знаковая система (иконографическая, непосредственно вещная, деятельностная и т. д.). Причем в любой из этих форм текст может быть понят как форма общения культур. Каждый текст опирается на предшествующие и последующие ему тексты, созданные авторами, имею-

щими свое миропонимание, свою картину или образ мира, и в этой своей ипостаси текст несет смысл прошлых и последующих культур, он всегда на грани, он всегда диалогичен, так как всегда направлен к Другому.

В свое время М.М. Бахтин сконцентрировал и конкретизировал культурный диалог в понятии «полифонизм». Причем, говоря о полифонизме, М.М. Бахтин отмечал также его диалогичность: «Он строится не как целое одного сознания, объектно принявшего в себя другие сознания, но как целое взаимодействие нескольких сознаний, из которых ни одно не стало до конца объектом другого» [1, с. 20-21]. Полифония как организующий принцип бахтинской интерпретации – это слово, ключевым коннотативным значением которого выступает понимание многоплановости, многомирности, многоголосия, а здесь, в таком случае, мы уже имеем дело с определенным образом организованным диалогом – полифоническим диалогом.

Идеи диалогизма в культурно-семиотическом аспекте в 60-80-е гг. XX века развивались представителями тартуско-московской культурологической школы (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Е.М. Мелетинский и другие). Ю.М. Лотман указывал на следующее семиотическое свойство диалога: диалог возможен лишь тогда, когда его участники одновременно различны и имеют в своей структуре семиотический образ контрагента. «Поскольку транслируемый текст и полученный на него ответ должны образовывать, с некоторой третьей точкой зрения, единый текст, а при этом каждый из них, со своей точки зрения, не только представляет отдельный текст, но имеет тенденцию быть текстом на другом языке, транслируемый текст должен, упреждая ответ, содержать в себе элементы перехода на чужой язык. Иначе диалог невозможен» [7, с. 19]. Таким образом, для того чтобы общаться с другой культурой, культура должна интериоризировать ее образ внутри своего мира.

Лотман Ю.М., говоря о проблеме диалога культур и межкультурного диалога, указывает на то, что в широкой исторической перспективе взаимодействие культур всегда диалогично. Чертами всякого культурного диалога являются: во-первых, попеременная активность передающего и принимающего, во-вторых, выработка общего языка общения. Этот процесс делится на этапы: сначала наблюдается односторонний поток текстов, которые откладываются в памяти принимающего, причем память на этом этапе фиксирует также тексты на чужом, непонятном языке; а следующим этапом является овладение чужим языком и свободное им пользование, усвоение правил порождения чужих текстов и воссоздание по этим правилам аналогичных им новых.

Мы солидарны с мыслью В.С. Библера о том, что культура способна жить и развиваться (как культура) только на грани культур, в одновременности, в диалоге с другими целостными, замкнутыми «на себя», на выход за свои пределы, культурами. Он отмечал, что каждая культура есть некий «двуликий Янус», в том смысле, что ее лицо столь же напряженно обращено к иной культуре, к своему бытию в иных мирах, сколь и внутрь, вглубь себя, в стремлении изменить и дополнить свое бытие. Общение в культуре, то есть бытие в культуре – это всегда (в потенции, в замысле) общение между различными культурами, даже если мы живем в одной и той же культуре. А диалог лишь тогда диалог (в смысле культуры диалога и диалога культур), когда он может осуществляться как бесконечное развертывание и формирование все новых смыслов каждого – вступающего в диалог – феномена культуры, образа культуры, произведений культур.

Безусловно, европейские культуры существуют в едином пространстве европейской цивилизации и культуры. В каждой национальной культуре находится то, что объединяет и отличает их. В такой ситуации возможен диалог. По нашему мнению,

диалог – это универсальный процесс взаимодействия субъектов межкультурной коммуникации, направленный на развитие этого процесса, а так же на саморазвитие. Анализируя русскую культуру, ее становление, необходимо отметить, что основой для развития диалоговых отношений является как пространство внутри России, так и взаимоотношения русской культуры с национальными культурами других стран. С этой целью мы воспользуемся типологией диалога культур, предложенной О.В. Ковальчук [см.: 6]: вертикально-исторический (культурно-временной) диалог; вертикально-диахронный (культурно-диахронный) диалог – межкультурная коммуникация; горизонтально-исторический диалог – разворачивался во времени собственной культурно-исторической традиции как «разговор» со своим прошлым; горизонтально-пространственный (внутрикультурный или системный) диалог – диалог культур и субкультур, существующих в едином этнокультурном и цивилизационном пространстве и времени.

Проблематика диалогизма в русской литературной и философско-культурологической традиции рождалась в пространстве осмысления собственной этнокультурной идентичности. Обращение именно к русской традиции диалогического мышления обусловлено следующими моментами: диалогичность была свойственна и писателям, и литературным критикам, и философски ориентированным мыслителям. В начале XIX века в России происходит формирование русского национального языка, русской литературы, зачатков русской философской мысли. Эти процессы развивались в диалоге с французской, английской, но в большей степени – с немецкой культурой.

У России и Германии всегда были непростые отношения, которые характеризовались и противоречиями, и конфликтами, но вместе с тем у России были тесные и своеобразные отношения с Германией: в духовном, культурном отношении между русскими и немцами можно проследить

родство, которого нет между другими народами. Ряд исследователей, анализирующих эту проблему, приходят к выводу, что русские и немцы относятся к тем народам, которые можно назвать метафизическими народами. Они в большей степени, чем другие народы, были потрясены тем новым, что было привнесено веком Просвещения и Французской революцией, но в начале XIX века идеология Просвещения оказалась скомпрометированной в самой Европе в результате террора Французской революции и наполеоновских войн. Россия обращает свои взоры на Германию, чьи философские идеи становятся созвучными русскому умонастроению: Фихте, Шеллинг, Гегель становятся весьма популярными в русском образованном обществе.

Точкой пересечения диалогических отношений между философско-литературной общественной жизнью России и Германии становится романтизм как особый тип творческого мировосприятия. Кант и Фихте, Шеллинг и романтики впервые осознают активность человеческой чувственной и мыслительной деятельности, культурной практики, которая и выступает как глубинная идеальная форма культурного диалогизма. Русские мыслители, своеобразно переработав идеи немецкого романтизма, сформулировали свое видение и понимание основных целей и задач, стоящих перед русской общественной мыслью, важнейшей из которых является осознание собственной идентичности.

Таким образом, литература и философия как формы национального самосознания возникают тогда, когда народ начинает ощущать потребность в осознании самого себя, своего места в мире, когда совершаются радикальные изменения в мышлении, способствующие развитию разнообразных сфер общества. На основании этого можно утверждать, что прямые и косвенные литературно-философские диалогические отношения как внутри страны, так и между странами, способствуют духовному единению и консолидации нации.

Литература:

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Изд-во Художественная литература, 1972. 317 с.
2. Библер В.С. Культура. Диалог культур. Опыт определения // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31-42.
3. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в XXI век. М.: Политиздат, 1990. 413 с.
4. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 477 с.
5. Каган М.С. Философия культуры. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. 416 с.
6. Ковальчук О.В. Цивилизационные модели диалога светской и религиозной культуры. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2004. 24 с.
7. Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992. 1440 с.
8. Межуев В.М. Диалог между цивилизациями как философская проблема // Вестник МГУКИ. 2004. № 1. С. 287–290.
9. Современная буржуазная философия. М.: Высшая школа, 1978. 340 с.
10. Уразметов Т.З. Культура, история, диалог: соотношение понятий // Проблемы теории и истории культуры: исследования и материалы. Оренбург, 2005. С. 43-51.

References:

1. Bakhtin M.M. *Problemi poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1972. 317 p.
2. Bibler V.S. *Kultura. Dialog kultur. Opit opredeleniya // Voprosi filosofii* [Culture. Dialogue of Cultures. Definition Experience // Issues of Philosophy]. № 6. 1989. pp. 31-42.
3. Bibler V.S. *Ot naukoucheniya k logike kulturi. Dva filosofskikh vvedeniya v XXI vek* [From Epistemology to the Logic of

- Culture. Two Philosophic Introductions to the XXI century]. Moscow: Politizdat, 1990. 413 p.
4. Gerder I.G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas Towards a Philosophy of the History of Man]. Moscow: Nauka, 1977. 477 p.
  5. Kagan M.S. *Filosofia kulturi* [Philosophy of Culture]. St.-Petersburg: Publishing House "Petropolis", 1996. 416 p.
  6. Kovalchuk O.V. *Tzivilizatsionnie modeli dialoga svetskoy i religioznoy kulturi. Avtoref. kand. filosof. nauk* [Civilizational Dialogue Model of Secular and Religious Culture. Abstract of PhD Thesis in Philosophy]. Belgorod State University. Belgorod, 2004. 24 p.
  7. Lotman Yu.M. *Stat'i po semiotike i tipologii kulturi // Izbrannie statii v trekh tomakh* [Articles on Semiotics and Typology of Culture // Selected Articles in three volumes]. Vol. 1. Tallinn, 1992. 1440 p.
  8. Mezhev V.M. *Dialog mezhdu tsivilizatsiyami kak filosofskaya problema // Vestnik MGUKI* [Civilization Dialogue as a Philosophical Problem // The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts]. № 1. 2004. pp. 287-290.
  9. *Sovremennaya burzhuanaya filosofiya* [Modern Bourgeois Philosophy]. Moscow: Nauka, 1978. 340 p.
  10. Urazmetov T.Z. *Kultura, istoriya, dialog: sootnosheniye poniatiy // Problemi teorii i istorii kulturi: issledovaniya i materialy* [Culture, History, Dialogue: Correlation of the Concepts // Problems of Cultural Theory and History: Studies and Matters]. Orenburg, 2005. pp. 43-51.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Липич Тамара Ивановна
доктор философских наук,
доцент

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

ул. Победы, 85, г. Белгород,
308015, Россия

Электронный адрес:
lipich@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Lipich Tamara Ivanovna

Doctor of Philosophy, Associated
Professor

Belgorod National Research University
85, Pobedy St., Belgorod, 308015,
Russia

E-mail: lipich@bsu.edu.ru

УДК 167.3

Пеньков В.Е.

Penkov V. E.

**ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ И ПРОБЛЕМА
НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ****TRANSCENDENCE AND THE PROBLEM
OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE****Аннотация**

Целью статьи является обоснование подхода к описанию человека как органической части Космоса на основе понятия трансцендентного.

Статья имеет методологический характер и выполнена в форме анализа и обобщения различных научных подходов к изучению феномена трансцендентного.

В статье выявляются теоретико-методологические аспекты изучения трансцендентного, дан анализ современных научных теорий, пытающихся это сделать. Показано, что они не соответствуют критериям научности, однако сами эти критерии требуют определенного пересмотра в связи с изменяющимся объектом современных научных исследований.

Полученные результаты исследования могут быть применены для построения методологических процедур дальнейшего научного поиска путей создания моделей человека и Космоса.

Основные выводы: (1) сознание человека, способного выходить на уровень трансцендентного, на сегодняшний день не может изучаться на строго научных основаниях, поскольку не решены проблемы его происхождения и возможностей дальнейшего развития; (2) попытки включить сознание человека в современную физическую картину мира к настоящему времени не увенчались успехом; (3) в настоящее время идет формирование нового идеала научности, а с ним и кри-

Abstract

The purpose of the paper is to study approaches to the description of man as an organic part of the universe in terms of the notion of the transcendent.

The paper is methodological in nature and presents the analysis and synthesis of various scientific approaches to the study of the transcendent as a phenomenon.

The paper identifies the theoretical and methodological aspects of the study of the transcendent. The author proves that they do not comply with the criteria of scientific character, although the criteria themselves require a certain revision due to the changing object of research of modern studies.

The obtained outputs of the study can be used in building methodological procedures of further research to find ways of creating models of man and Universe.

Key findings: (1) today, the mind of man capable of reaching the level of transcendence cannot be studied on scientific grounds only, because the problem of its origin and the opportunities for further development have not been decided yet; (2) attempts to include human consciousness in the modern physical worldview have not been successful so far; (3) today, the new ideal of science is being formed leading to formation of criteria of scientific rationality aimed at solving the problems of mankind.

териев научной рациональности, которые должны быть направлены на решение проблем, стоящих перед человечеством.

Ключевые слова: трансцендентное; мироздание; гносеология; человек.

Человек является особым объектом с точки зрения научного изучения. Как отмечает Р.К. Стерледев, изучение человека возможно с двояких позиций. С позиции первого подхода человек рассматривается как целое, как относительно автономное от природы образование, функционирующее по своим собственным специфическим социальным законам. С другой точки зрения человек изучается как часть более сложного целого. Причем «в последнее время наметилось понимание того факта, что рассмотрение человека как части некоего целого является более глубоким и фундаментальным, чем изучение человека с позиций первого подхода, то есть как целого» [15, с. 3]. При этом взаимосвязь человека с более сложным целым можно рассматривать через понятие трансцендентного, которое представляет собой то, что находится за границами сознания и познания и может быть представлено в нескольких аспектах.

Во-первых, на уровне экзистенциального бытия, поскольку каждый человек в своей жизни опирается на некие априорные установки, достаточно часто в жизни сталкивается с интуицией, когда нет необходимости логически анализировать ту или иную жизненную ситуацию. Как отмечает И.М. Лаврухина, «проблема трансцендентного является одной из основных философских метафизических проблем, в рамках которой ставится вопрос о некоторой находящейся за пределами материального мира имматериальной реальности. Актуальной проблему трансцендентного делают, прежде всего, наши экзистенциальные потребности» [11, с. 3]. Наиболее ярко это проявляется в творческой деятельности, когда человек

Key words: transcendent; universe; epistemology; man.

создает что-либо принципиально новое. При этом достаточно часто люди, находящиеся в состоянии вдохновения, говорят, что как бы «подключаются» к какому-то источнику, из которого черпают материал для творчества, или же погружаются в свой особый виртуальный мир. Как отмечает Н.П. Бехтерева, «мозг впитывает информацию, обрабатывает ее и принимает решения – это так. Но иногда человек получает готовую формулировку как бы из ниоткуда» [2].

Во-вторых, в постижении природы человеческого сознания, происхождение которого по сей день остается нерешенным вопросом, существует множество различных концепций, в которых сознанию приписывается нечто запредельное, нематериальное, божественное. Еще Кант указывал на то, что человек – это существо принципиально самотрансцендентное. Пытаясь найти отличие себя как сущего от других сущих, человек неизбежно будет подниматься над своим бытием. Сознанию вообще присуща эта способность трансцендировать себя за любые границы, а разуму – стремление представить то, что лежит за пределами наличного опыта. Самотрансцендирование в логически завершенной форме как раз и порождает проблему запредельной сферы. Как отмечает С.Н. Жаров, «трудности в осмыслении феномена личности по-своему выявляют смысл связанной с ней трансценденции. Если бы личность легко поддавалась рациональной реконструкции, то человек мог бы стать послушным материалом социального проектирования, элементом порядка, в котором все гармонично лишь потому, что нет ничего

личного» [7, с. 11]. Именно личное делает человека уникальным по своей природе, что вызывает огромные сложности его описания и постижения строго научными методами. Опять же существует множество концепций, рассматривающих сознание человека как часть чего-то более общего, начиная от коллективного бессознательного К.Г. Юнга, и кончая информационным полем Земли.

В-третьих, идея трансцендентного связана с научным познанием человека как одним из видов творческой деятельности, в которой ученый, выдвигая какую-либо новую гипотезу, отнюдь не руководствуется логикой и старыми данными. Достаточно часто революционные научные идеи как раз противоречат установившимся научным догмам. «Одной из форм духовного освоения трансцендентного, – пишет С.Н. Жаров, – является вера, которая не тождественна вере религиозной. В вере трансцендентное выступает в качестве предельной цели, к которой человек устремлен не только мыслью, а всем своим существованием. Нерелигиозная вера играет важную роль в научном творчестве. Еще не открытая принципиально новая истина “лежит по ту сторону” наличной рациональности и влечет к себе лишь тех, кто верит в ее возможность» [7, с. 11]. Другими словами, принципиально новые открытия в науке делаются благодаря «выходу за наличный опыт». Ученый должен мысленно выйти за пределы той научной реальности, в которой он находится, осознать что-то новое, а уж потом искать научные доказательства. Опять же, прослеживается идея поиска чего-то более общего, в котором развивается человек.

В рамках нашего исследования каждый из этих аспектов приобретает специфический смысл, поскольку в различных философских течениях человек и его сознание рассматривается либо в рамках эволюционизма, либо в рамках креационизма, и само познание эволюционных

процессов не может быть основано только на экспериментальных данных, так или иначе в этот процесс вмешиваются мировоззренческие установки ученого. К тому же рассмотрение человека как части более общей системы заставляет ученых искать законы развития этой системы и рассматривать эволюцию человека как частный случай.

До недавнего времени проблема трансцендентного, как считает С.Н. Жаров, являлась прерогативой религиозных подходов, однако в последние годы в рамках феноменологии и экзистенциальной философии проблемы трансцендентного все в большей степени носят нерелигиозный характер. «В связи с этим возникает ряд новых проблем. Является ли трансцендентное измерением только человеческого бытия, или же оно должно быть понято в более широком онтологическом смысле? Может ли трансцендентное быть выражено рациональной мыслью, а если да, то каким образом? Является ли проблема трансцендентного значимой для современной философии науки?» [7, с. 5]. В этих словах четко просматривается мысль, что рассматриваемая проблема находится на границе между наукой и религией. В последние годы появился ряд исследований, которые рассматривают возможности изучения трансцендентного в различных ракурсах. Рассмотрим наиболее значимые из них.

Общие философские перспективы исследования трансцендентного выделяет С.Н. Жаров. Первая связана с духовным опытом европейской культуры, находящим свое выражение в неоплатонизме, христианском богословии, многообразных мистических традициях. Вторая перспектива связана с восточной мистикой. Здесь наиболее исследованы индо-буддийская, даосская и суфийская традиции. Третья перспектива связана с соотношением трансцендентного и трансцендентального в контексте вопросов, поставленных философией Канта. Четвертая перспектива

связана с философской линией, идущей от философии жизни к феноменологии Э. Гуссерля и М. Хайдеггера и далее к экзистенциальной психологии, к трансперсональной психологии и проблемам философской антропологии [7, с. 5-6].

Первые две перспективы напрямую связаны с креационизмом, поскольку речь идет о религиозных учениях. Как отмечает Т.Г. Человенко, «религиозный опыт может быть не только предметом феноменологического осмысления, но имплицитно служить тем начальным фоном, из которого возможность феноменологии как таковой может быть осознана» [18, с. 264]. Другими словами, изначальные, в том числе и религиозные, установки человека так или иначе влияют на его научное познание. Это особенно наглядно проявляется в так называемых феноменологических научных теориях, которые в последнее время претендуют на изучение трансцендентного в человеке. Вместе с тем «прямое обращение к религиозному опыту, – пишет Т.Г. Человенко, – не принимается как “доказательное” и “убедительное” со стороны научного сообщества, оно традиционно опирается на данные науки и научного метода в классическом их понимании. Поэтому для дальнейшего изучения религиозного феномена этот метод должен быть критически осмыслен» [18, с. 264]. Это касается не только религиозного, но и вообще трансцендентного опыта. Другими словами, для изучения трансцендентного необходимо выработать новые научные методологии, которые будут учитывать субъективный фактор человека.

Третья перспектива восходит к работе И. Канта «Критика чистого разума», в которой он впервые различил понятия трансцендентного и трансцендентального. «Основоположения, – писал И. Кант, – применение которых целиком остается в пределах возможного опыта, мы будем называть имманентными, а те основоположения, которые должны выходить за эти пределы, мы будем называть транс-

цендентными» [9]. Таким образом, под трансцендентным И. Кант понимает противоположное имманентному. Далее: «Я называю трансцендентальным всякое познание, занимающееся не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов, поскольку это познание должно быть возможным a priori. Система таких понятий называлась бы трансцендентальной философией» [9]. То есть, трансцендентальное Кант рассматривает как противоположность эмпирическому. В настоящее время эта проблема по-прежнему остается актуальной. Так, Р.К. Стерледев отмечает, что XX век дал человечеству такие гипотезы, которые для своего объяснения и проверки требуют введения нового гносеологического инструментария, требующего коррекции содержания понятий «имманентное» и «трансцендентное». «Если рассматривать имманентно-трансцендентную сферу как единое целое, то в качестве ее элементов можно выделить два субстратных элемента – имманентное и трансцендентное, и четыре типа отношений: имманентное–имманентное, имманентное–трансцендентное, трансцендентное–имманентное и трансцендентное–трансцендентное. Имманентное может быть предметным или не предметным, существовать в мире и в человеке. Трансцендентное, которое выступает как гипотетическое теоретическое образование, в свою очередь может быть рассмотрено как предметное трансцендентное и не предметное трансцендентное, как трансцендентное, находящееся в человеке и как трансцендентное, находящееся в мире» [15, с. 16].

Четвертая перспектива связана с философскими воззрениями Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Как отмечает Т.Г. Человенко, «Гуссерль усматривал функцию философии в том, чтобы раскрыть не мир науки, но “жизненный мир” – как основу всего “объективного познания”, данную до всякой науки». При этом Гуссерль говорит о кризисе объективизма, возможность

преодоления которого он «усматривает в том, чтобы верованиям, “очевидностям” обыденного опыта придать большее значение для познания, чем истинным наукам» [18, с. 239]. По мнению Э. Гуссерля, самопознание духа может осуществляться «в форме универсально ответственной науки, развивающейся в новом модусе научности, где находят себе место все мыслимые вопросы – о бытии, о нормах, о так называемой экзистенции» [6, с. 115]. Здесь прослеживается мысль, что наука должна обратиться к человеку и выработать такие нормы научности, которые позволили бы включить в число объектов исследования экзистенциальное пространство личности. Одним из вариантов реализации этой мысли является проведенная Гуссерлем «феноменологическая редукция», в результате которой «мир становится “трансцендентальным” и потому коррелятивным сознанию» [8]. То есть феноменологическая редукция позволяет более глубоко понять окружающий мир, постигая его через сознание.

Еще дальше идет М. Хайдеггер. Как отмечает Ч.Э. Алиева, он развивает свое собственное понимание феноменологии исходя из учения о бытии, рассматривает феноменологию как метод онтологии, учения Бытия о бытии. Хайдеггер говорит о феноменологии человеческого бытия. «Бытие существует только в человеческом понимании бытия. Человек должен понять истинный смысл своего собственного бытия и одновременно Бытия как такового. Феноменология Хайдеггера является герменевтической в том смысле, что она заключается в интерпретации, концептуальном раскрытии человеческого понимания бытия. Бытие есть бытие в мире, оно – не трансцендентальное эго вне мира. Концепция человеческого бытия как бытия в мире представляет попытку преодолеть субъект–объектную дихотомию» [1]. М. Хайдеггер пишет по этому поводу: «Трансценденция бытия присутствия особенная, поскольку в ней

лежит возможность и необходимость радикальнейшей индивидуации» [17]. Таким образом, он пытается включить человека в окружающий мир через его понимание экзистенциального бытия, то есть рассматривает человека как интегративную часть Космоса. Это коррелирует как с античной и восточной философией, так и с некоторыми современными концепциями, которые рассматривают сознание человека как составляющую часть информационного поля Вселенной. Наиболее показательной в этом отношении является холотропная модель сознания, разработанная в рамках трансперсональной психологии С. Грофом в середине XX века.

Как считает С. Гроф, у человека существует так называемый, «трансперсональный уровень, выходящий далеко за пределы обычных ограничений нашего тела и эго. Этот уровень представляет собой прямую связь между индивидуальной психикой, юнговским коллективным бессознательным и Вселенной в целом» [5]. В холотропной модели сознания человек имеет бесконечное поле сознания, которое соизмеримо со всей целостностью бытия; сознание опосредуется мозгом, но не зарождается в нем; память может существовать без биофизического материального субстрата; психика включает в себя весь опыт эволюции Вселенной и в каждом человеке есть все. Как отмечает И.А. Герасимова, «модель Грофа прямо связана с мистическими учениями Востока и Запада. В материалистических моделях и в модели “расширяющегося сознания” понятие сознания употребляется в разных смыслах. В классике можно говорить о внешнем сознании, а в холотропной модели о внешне-физическом и внутренне-психическом сознаниях (глубинном, непроявленном, которое при определенных условиях может проявиться)» [3]. Здесь напрямую видна связь с трансцендентным, лежащим за пределами обычного человеческого сознания. Как замечает Р.К. Стерледев, человек живет в пределах

определенного материального мира, но не в пределах всей материи как целого. И за его пределами «могут существовать и другие типы материальной реальности, с которыми человек не может взаимодействовать в силу того, что он замкнут в своей реальности, а “его” реальность и “соседняя” реальность могут не взаимодействовать или слабо взаимодействовать между собой. Эта онтологическая данность и включенный в нее человек образуют онтологическую основу имманентного. Человек состоит из элементов этой онтологической данности, в силу чего она дается ему в его ощущениях или показаниях приборов, с их помощью он расширяет свой круг познания. Также можно изучать только то, что находится в пределах сферы онтологической данности человека или имманентного. Все остальное богатство мира выступает для него как трансцендентное» [15, с. 17]. Холотропная модель сознания как раз и рассматривает человека, включенного в этот мир, постижение которого возможно только в особых состояниях сознания, когда человеку «раскрывается» вся суть бытия.

Данный вопрос требует более детального обсуждения. Самая главная проблема заключается в том, насколько холотропную модель сознания можно считать научно обоснованной и рассматривать феномены, происходящие во время сеансов холотропного дыхания как объективно существующие. Можно привести множество различных примеров, в том числе ретроспективный опыт автора как пациента и как инструктора «видения» людей в таких состояниях. В некоторой степени их можно сравнить с состоянием клинической смерти, в котором также возникают трансперсональные переживания [12, с. 176]. Существует мнение, что данные факты можно рассматривать как доказательство существования души вне тела, и жизни после смерти. Эта информация вошла даже в учебники. Так, А.А. Горелов в «Концепциях современного ес-

тествознания», описывая проблему бессознательного, отмечает: «На более глубоком уровне присутствуют переживания коллективного бессознательного; затем вспоминается процесс рождения и начинаются трансперсональные переживания, которые некоторые ученые склонны считать подтверждением и концепции перевоплощения. В пользу этого приводят видения, испытываемые людьми в состоянии клинической смерти, и эксперименты по взвешиванию умерших» [4, с. 289]. На наш взгляд, это слишком смелое заявление, которое, мягко говоря, не соответствует действительности, и можно привести массу других объяснений данного феномена.

Здесь мы вступаем на уровень проявления трансцендентного в научных исследованиях и проблемы интерпретации фактических данных. «Для некоторых областей науки трансцендентное, – пишет Р.К. Стерледев, – это сфера возможного и непознаваемого, но используемого в теоретических построениях (особенно в некоторых сферах естествознания и математики)» [15, с. 17]. Н.И. Татаркина замечает, что «мнение о том, что мировой абсолютный дух воплощается в духе индивидуальном, находит подтверждение в трудах ученых. Не учитывать эту данность со стороны ученых было бы заведомо обманывать самих себя, рассматривая реальность через кривые зеркала, созданные ими же самими с целью не утруждать себя поисками уникального, сакрального в человеке» [16, с. 19]. Однако данные подтверждения, как правило, не находят прямого экспериментального подтверждения и остаются на уровне научных гипотез.

С одной стороны, мы можем принять, что в природе существует нечто нам неизвестное. Более того, и холотропная модель сознания, и концепция перевоплощения легко могут быть интерпретированы в рамках информационного подхода. Но, как уже было отмечено, он разрабатывается только на уровне философской реф-

лекции и не имеет строгих эмпирических оснований. Поэтому данные феномены можно рассматривать как базу для диалога науки и религии, в частности, эволюционизма и креационизма. С одной стороны, их нельзя полностью игнорировать, с другой – нельзя рассматривать как научно обоснованные факты. При этом гносеологическим основанием диалога может выступать философско-методологический анализ механизмов порождения нового научного знания, «выступающего в роли наиболее общих методологических регулятивов научного исследования, а котором осмысливаются общие особенности объектов, исследуемых наукой, эксплицируются идеалы и нормы познания, принятые в науке на некотором этапе ее исторического развития, а также осуществляется перестройка таких идеалов и норм, с тем чтобы обеспечить освоение новых объектов» [19, с. 138].

Остановимся еще на одном аспекте трансцендентного, когда оно рассматривается в культурологическом контексте. Этот аспект наиболее полно нашел отражение в диссертационном исследовании И.М. Лаврухиной. Она отмечает, что «идея трансцендентного на определенных этапах развития культуры оказалась в фокусе разных форм познания: философии, религии и теологии, эзотерического знания, а сегодня и фундаментального естествознания» [11, с. 3]. В настоящее время в России это связано, в том числе, с политическими и социальными процессами. В советское время любая мысль о существовании чего-то за пределами изучаемой наукой реальности воспринималась как крамола. Несмотря на то, что наука вплотную подошла к изучению феномена человека, любые «нематериалистические» идеи уничтожались на корню. С развалом СССР ситуация резко изменилась, свобода слова дала возможность рассматривать различные концепции человека. Особенно велико число теорий, пытающихся описывать сознание человека как некую

объективную реальность, имеющую свои материальные носители. К сожалению, очень много публикаций в этом направлении далеки от научности, причем каждый автор пытается отстаивать свою теорию, не заботясь о ее научных доказательствах. Сегодня в огромном количестве подается мифологический, квазинаучный материал, что вызывает серьезную озабоченность Российской Академии Наук, при которой с 1998 г. функционирует Комиссия по борьбе с лженаукой.

С одной стороны, сегодня это крайне необходимо. Как отмечает В.П. Римский, «приходится признать, что в нынешнюю эпоху классический научный идеал находится под мощным натиском иррационализма всех видов, включая магию, ясновидение, гадание, ведьм и колдунов самых различных толков, а так же носителей “нетрадиционных методов целительства”, весьма успешно сосуществующих с медицинской наукой. На фоне всего этого складывается впечатление: вернулась темная ночь средневековья, а ведь еще в недавнем прошлом массовое общественное сознание в большинстве своем не принимало всерьез даже “прогнозов” астрологов» [14, с. 83-84]. Нельзя забывать однако, что на фоне борьбы со лженаукой можно уничтожить и плодотворную идею, особенно, когда речь идет о чем-то принципиально новом, в том числе трансцендентном.

С другой стороны, свобода слова породила массу псевдорелигиозных течений. «Волна новой религиозности и псевдорелигиозности, захлестнувшая современную Россию, – пишет В.П. Римский, – находит отражение в материалах религиозной и светской печати, аналитических исследованиях культовых авторитетных источников описываемых религиозных объединений» [14, с. 85-86]. Он выделяет четыре основных направления на этом вопросе: во-первых, деструктивные религиозные организации сатанистской ориентации, в основе которых лежат сатанистские куль-

ты и целый ряд оккультных сект; во-вторых, деструктивные религиозные организации и религиозные группы матрицы «Экология духа, оккультизм и язычество»; в-третьих: религиозные группы и деструктивные организации восточной ориентации; в-четвертых: деструктивные религиозные организации западной ориентации.

Таким образом, и в науке, и в религии сегодня существует соответственно множество квазинаучных и псевдорелигиозных концепций. А обострившаяся борьба эволюционистов и креационистов делает проблему поиска диалога между ними наиболее важной и значимой. Именно изучение трансцендентного, находящегося на переднем крае, может помочь решить эту проблему. «Помимо экзистенциальных потребностей актуальность проблемы трансцендентного задается особенностями самого познавательного процесса, – отмечает И.М. Лаврухина. – Понятие “трансцендентное” как предельное понятие, указывающее на границы имманентного мира, чрезвычайно важно для эпистемологической проблематики в целом. Для создания целостной картины мира и очерчивания ее границ требуются максимально общие понятия, такие как всеобщее, сущее, бытие, универсум. Но, дойдя до границ целого, человеческий разум стремится заглянуть в запредельное. Тогда формируется понятие трансцендентного и предполагается трансцендентная сфера. Если она рассматривается как первоначало, то проблема трансцендентного превращается в вопрос о природе и статусе Абсолюта-Первоосновы» [11, с. 4]. Наука, можно сказать, еще не нашла способов изучения данной реальности, но это не значит, что это стоит отбрасывать как лженаучное. Необходимо искать методы и способы постижения данного феномена, и возможно, не только научными методами. Еще раз сошлемся на И.М. Лаврухину. Отмечая философскую познавательную плодотворность исследований проблемы трансцендентного,

она подчеркивает, что «при определении природы трансцендентной сферы или познании «высших сущностей» вроде Абсолюта мы, во-первых, пытаемся уточнить смысл уже существующих понятий. Тогда становится возможным различие категорий бытия и сущего, трансцендентного и трансцендентального, смысла-сущности и существования. Во-вторых, появляются возможности интересных интерпретаций и даже создания новых категорий. Вертикаль трансцендентности позволяет по-новому взглянуть на соотношение понятий добра и зла, свободы и необходимости, долга и блага, ответственности и вины. В этом случае можно говорить уже и об опосредованной практической значимости проблемы трансцендентного» [11, с. 4]. Таким образом, постижение природы трансцендентного может быть значимым для существования и смысла жизни человека.

Данный ракурс нашел отражение в исследовании Д.Н. Разеева, который проводит линию взаимосвязи трансцендентного и телеологических аспектов. Причем здесь речь идет о цели, порожденной человеческим бытием, его смыслообразующими и ценностными функциями. «Понятия ценности и цели оказываются существенными и структурообразующими для современного типа научной рациональности, – отмечает Д.Н. Разеев, – а значит, их присутствие в философии и методологии науки должно стать полноправным: их следует вернуть из той вынужденной эмиграции, в которой они оказались еще в эпоху Нового времени. Однако это ни в коей мере не означает, что понятие цели и основанные на нем телеологические концепции необходимо восстановить в их первоизданном виде. Дело в том, что понятие цели должно вернуться в философию науки строго в границах научной рациональности, т. е. не просто как гносеологический, но как эпистемологический концепт» [13, с. 8-9]. Речь идет о том, что в связи с изучением природы трансцен-

дентного идет смена приоритетов научной рациональности. В первую очередь, наука должна решать какие-то задачи, а не просто изучать объективный мир.

Это нашло отражение в исследованиях А.В. Кезина, который замечает, что в настоящее время представления об идеале научного знания находятся в точке перехода от веками утвердившихся классических подходов к некоторому новому, еще не сложившемуся идеалу. Состояние перехода, по его мнению, выражается: в кризисе классических представлений об идеале научного знания во всех его формах и модификациях; выявлении, анализе и резкой критике его фундаментальных оснований; в выдвижении альтернатив основаниям классического идеала научности, в попытках выдвижения новых эталонов, реальных образцов научности. «В соответствии с этими тенденциями стандарты научности лишаются своей обособленной самооценности и во все большей степени рассматриваются как средство решения проблем, стоящих перед человечеством» [10, с. 461]. Человечество в науке выдвигается на первый план. Задача науки не столько в том, чтобы познать объективную истину, сколько в том, чтобы решить стоящие перед человечеством задачи.

В связи с этим меняется и критерий рациональности. «Проблему соотношения природы и разума можно назвать краеугольным камнем в понимании научной рациональности, – отмечает Д.Н. Разеев, – Трансцендентальный подход к телеологии представляет собой в этом смысле не имеющее аналогов в истории науки удивительное философское построение». И далее: «Трансцендентальное обоснование применимости телеологических принципов в науке является важным эвристическим решением, повлиявшим на становление исследований интерсубъективных оснований научного знания и на дальнейшее развитие философско-методологических исследований процесса научного познания в целом» [13, с. 10, 19].

Подобную мысль высказывает Т.Г. Человенко, отмечая, что «наука, артикулирующая внешний, естественный мир, сама нуждается в глубоком обосновании ее смыслообразующих положений изнутри того, что Гуссерль называл “чудесными телеологиями”, содержащимися в описаниях природы и в особенности природы человека» [18, с. 263].

Смысл всех вышеприведенных высказываний заключается в том, что наука должна повернуться лицом к человеку. И в то же время научное познание не может охватить весь спектр, присущий человеческому сознанию. Здесь опять возможен диалог научного и ненаучного познания.

Итак, в научном постижении трансцендентного можно выделить следующие аспекты:

- разработку данной проблемы следует вести как в религиозных, так и феноменологических аспектах;
- сознание человека, способного выходить на уровень трансцендентного, на сегодняшний день не может изучаться на строго научных основаниях, поскольку не решены проблемы его происхождения и возможностей дальнейшего развития;
- попытки включить сознание человека в современную физическую картину мира к настоящему времени не увенчались успехом;
- в связи с этим идет формирование нового идеала научности, а с ним и критериев научной рациональности, которые должны быть направлены на решение проблем, стоящих перед человечеством.

Литература:

1. Бехтерева Н.П. Лабиринты мозга // Аргументы и факты. Выпуск 1-2 от 9 января 2003.
2. Жаров С.Н. Трансцендентное в онтологических структурах философии и науки. Автореферат диссертации... д-ра филос. наук, Воронеж, 2007. 40 с.
3. Иллензеер Д.Н. Методологический

анализ современных физических теорий: претензии на описание сознания как объекта реальности // Научные ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право. 2009. № 8 (63), выпуск 8. С. 144-148.

4. Лаврухина И.М. Идея трансцендентного: концептуальные версии в культуре. Автореф. дис. ... докт. филос. наук. Ростов-н/Д., 2009. 42 с.

5. Мальцева Н.Н. Концепции взаимосвязи естественных и гуманитарных наук // Система ценностей современного общества. Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск, ЦРНС – Издательство СИБПРИНТ, 2009. С. 53-55.

6. Мальцева Н.Н. Причины появления мифов в науке // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. Материалы международной конференции «Современное образование. Проблемы и решения», Таиланд, 19-27 февраля 2014 г. № 1 (часть 2), 2014. С. 258-259.

7. Мальцева Н.Н. Философские проблемы глобализации в современной науке // Вестник Пермского университета. Серия «Философия. Психология. Социология». 2013. № 1 (13). С. 10-17.

8. Разеев Д.Н. Телеологический принцип в науке (трансцендентальный подход). Автореф. дис. ... докт. филос. наук. СПб., 2009. 32 с.

9. Римский В.П. Паранаука как культурный феномен // Наука и философия: классические, неклассические и постнеклассические парадигмы / под ред. проф. В.П. Римского. Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2008. С. 46-101.

10. Стерледев Р.К. Философский анализ конфликта естественнонаучных и эзотерических концепций XX-XXI вв. Автореф. дис. ... докт. филос. наук. Киров, 2009. 47 с.

11. Татаркина Н.И. Сущностные характеристики человеческого «Я» // Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития: Монография / Под

общей ред. проф. О.И. Кирикова. Книга 2. Воронеж: Воронежский госпедуниверситет, 2004. С. 13-22.

12. Человенко Т.Г. Философия Э. Гуссерля как источник феноменологических исследований в религиоведении // Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы / под ред. проф. В.П. Римского. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. С. 238-266.

References:

1. Bekhtereva N.P. Labirinty mozga // Argumenty i fakty [Labyrinths of the Brain // Arguments and Facts]. Issue 1-2, January 9, 2003.

2. Zharov S.N. Transcendentnoe v ontologicheskikh strukturah filosofii i nauki. Avtoreferat dissertatsii d-ra filios. nauk [The Transcendental in Ontological Structures of Philosophy and a Science. Abstract of Doctoral Thesis in Philosophy]. Voronezh, 2007. 40 p.

3. Illenzeer Д.Н. Metodologicheskii analiz sovremennih fizicheskikh teorii: prezentatsii na opisanie soznaniya kak ob'keta realnosti / Nauchnye vedomosti BelGU. Filosofiya. Sociologiya. Pravo [Methodological Analysis of Modern Physical Theories: Claims for Definition of Consciousness as an Object of Reality. // BelSU Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law]. № 8 (63), Issue 8, 2009. pp. 144-148.

4. Lavrukhina I.M. Ideya transcendentnogo: konceptualnye versii v kulture. Avtoreferat dissertatsii d-ra filios. nauk [The Idea of Transcendental: Conceptual Versions in the Culture // Abstract of Doctoral Thesis in Philosophy]. Rostov-on-Don., 2009. 42 p.

5. Maltseva N.N. Konceptii vzaimosvyazy estestvennyh i gumanitarnih nauk // Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva. Sbornik materialov VII Vserossiskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Concepts of Natural and Humanities Interdependance // The System of Values in the Contemporary Society. Proceedings of the VII Russian

Research and Practice Conference]. Novosibirsk, ZRNS – Publishing House SIBPRINT, 2009. pp. 53-55.

6. Maltseva N.N. Prichiny poyavleniya mifov v nauke // Mezhdunarodniy zhurnal prikladnih i fundamentalnih issledovaniy. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii “Sovremennoe obrazovanie. Problemi i resheniya” [Causes of Myths Appearing in Science // International Journal on Applied and Fundamental Research. Proceedings of Scientific Conference “Modern Education”]. № 1 (V. 2), 2014. pp. 258-259.

7. Maltseva N.N. Filosofskie problemi globalizatsii v sovremennoi nauke // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya “Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya.” [Philosophical Problems of Globalization in Modern Science // Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology]. № 1 (13). 2013. pp. 10-17.

8. Razeev D.N. Teleologicheskiy princip v nauke (transcendentalniy podkhod). Avtoref. diss. dokt. filosof. nauk [The Teleological Principle in Science (Transcendental Approach)]. St.-Petersburg, 2009. 32 p.

9. Rimsky V.P. Paranauka kak kulturniy fenomen // Nauka i filosofiya: klassicheskie, neklassicheskie i postneklassicheskie paradigmy / pod red. Prof. V.P. Rimskogo [Parascience as a Cultural Phenomenon // Science and Philosophy: Classical, Non-classical, and Post-non-classical Paradigms]. Belgorod: Publishing House “Politerra”, 2008. pp. 46-101.

10. Sterledev R.K. Filosofskiy analiz konflikta estestvennonauchnyh i ezotericheskikh kontseptsiy XX-XXI vv. Avtoref. diss. dokt. filosof. nauk [Philosophical Analysis of the Conflict of the Natural Scientific and Esoteric Concepts in the XX-XXI Centuries. Abstract of Doctoral Thesis in Philosophy]. Kirov, 2009. 47 p.

11. Tatarkina N.I. Sushchnostnye kharakteristiki chelovecheskogo “Ya” / Filosofiya, vera, dukhovnost: istoki, pozitsiya i tendentsii razvitiya: Monografiya / Pod

obshch. red. prof. O.I. Kirikova. Kniga 2 [Essential Characteristics of the Human Ego // Philosophy, Faith, Spirituality: Sources, Position, and Development Tendencies. Monograph] V. 2. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2004. pp. 13-22.

12. Chelovenko T.G. Filosofiya E. Gusserlya kak istochnik fenomenologicheskikh issledovaniy v religionovedenii // Filosofiya nauki: aktualnye istoriko-nauchnie i metodologicheskie problemi / pod red. Prof. V.P. Rimskogo [E. Husserl’s Philosophy as a Source of Phenomenological Research in Religious Studies // Philosophy of Science: Modern Historic-Scientific and Methodological Problems]. Belgorod: Publishing House of BelSU, 2007. pp. 238-266.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пеньков Виктор Евгеньевич

*кандидат педагогических наук,
доцент*

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

ул. Победы, 85, г. Белгород,
308015, Россия

Электронный адрес:
penkov@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Penkov Victor Evgenievich

PhD in Education, Associate Professor

Belgorod State National Research
University

85, Pobedy St., Belgorod,
308015, Russia

E-mail: penkov@bsu.edu.ru

УДК 398.8

Коноваленко С. П.

Konovalenko S. P.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННОГО ВОКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО СТИЛЯ И ЕГО АДАПТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПЕВЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ
(НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)****SOME ASPECTS OF TRADITIONAL VOCAL AND PERFORMING
STYLE AND ITS ADAPTATION TO MODERN SINGING PRACTICE
(THROUGH THE EXAMPLE OF BELGOROD REGION)****Аннотация**

Статья направлена на обоснование тезиса, что вокальное исполнительство в традиционном (фольклорном) стиле является эффективным способом миропонимания и познания человека самого себя.

Методологически статья выполнена в форме аксиологического комментария к рассуждениям Ю.М. Лотмана, А.К. Байбурина, О.А. Пашиной о музыкальном фольклоре как информационном парадоксе, сакрализованном звуковом языке, акустическом коде на основе сравнительного анализа народного традиционного пения, бытующего в селах Белгородской области и народно-певческого направления в современном вокальном исполнительстве.

Результатом исследовательской работы является план-представление ценностно-смысловых оснований адаптации народной песенной культуры в современной певческой практике.

Применение результатов работы возможно при осознании значимости собственного голоса как «инструмента» в исследовании «Я», влияющего и воздействующего на здоровье человека, его эмоциональное самочувствие, духовный мир; а также в познании звуковой сферы народной музыки посредством специализированного образования.

Abstract

The paper is focused on the feasibility of the thesis that vocal performance in a traditional (folk) style is an effective way of world apprehension and self-conception.

Methodologically the paper is presented in the form of axiological discussions to the reasoning of Lotman Y.M., Bayburin A.K., Pashina O.A. concerning folk music as information paradox, a sacral sound language, an acoustic code following the comparative analysis of traditional folk singing in Belgorod Region rural areas and modern vocal folk-singing.

The output of the research is a representation plan of axiological grounds of folk song culture adaptation in the modern singing practice.

The application of the output is possible in case of understanding of your own voice significance as a «tool» in the study of «Self», influencing and affecting the person's health, emotional well-being, and spiritual world; as well as in cognition of the sound sphere of folk music through specialized education.

The main conclusions are: singing (voice) affects the person through sound waves and vibrations; the sound produced by a person possesses an information resource; the «deeper» study and more effective sound knowledge of traditional folk music is, the stronger is the bond between generations

К основным выводам относятся следующие положения: пение (голос) воздействует на человека с помощью звуковых волн и вибраций; звук, производимый человеком, обладает информационным ресурсом; чем «глубже» изучение и эффективнее познание звуковой сферы традиционной народной музыки, тем сильнее связь поколений и сохранение в коллективной памяти духовных ценностей всего народа; народная песня как носитель миропонимания может быть эффективным средством адаптации человека в современном мире при условии отношения к ней не как к «легкому» жанру массовой культуры, способному лишь развлечь, а как к отражению в ней целостного духовно-религиозного мировоззрения русского народа.

Ключевые слова: фольклорное пение; этнический звук; сакрализованный звуковой язык; музыкальное мышление; диалектные и музыкально-стилевые особенности; музыкально-этнографические исследования; этнографические певцы; профессиональное пение.

В настоящее время фольклорное пение представляет особый интерес не только как репертуарный ресурс или средство воспитания эстетического вкуса, но и как способ миропонимания и познания человеком самого себя. По мнению Ю.М. Лотмана, едва ли не самый важный побудительный мотив все возрастающего интереса к фольклору – это информационный парадокс, заложенный в традиционном искусстве [7, с. 55]. Музыкальный язык является одним из наиболее абстрактных. Он обретает смысл и значение только в определенной культурной традиции, и для того, чтобы его понимать, человек должен обладать соответствующим слуховым опытом и знаниями.

Ученые пришли к выводу, что система звуковых средств со своими правилами

and the preservation of folk memory of spiritual values; folk song as a means of world perception may be an effective means of human adaptation to the modern world, provided treating it not as a «light» genre of popular culture capable of just entertaining, but as a reflection in it spiritual and religious mentality of Russian people.

Key words: folk singing; ethnic sound; sacral sound language; musical thinking; dialectal and musical style features; musical and ethnographic research; ethnographic singers; professional singing.

способна не только передать представления человека об устройстве мироздания, но и воздействовать на мир, служа залогом сохранения миропорядка. В ритуалах почти не используются обычные средства звукового общения. Их заменяют громкое пение, крик или шепот. По утверждению А.К. Байбурина, «использование в ритуале сакрализованных звуковых языков связано со стремлением достичь максимального взаимопонимания с партнером по диалогу – сверхъестественными силами» [2, с. 202]. К тому же, «акустический или звуковой код, включающий в себя природные звуки и звуки, производимые человеком, в том числе пение, в обряде служит способом достижения границы между мирами» [8, с. 44]. Звуку приписывается способность усиливать процессы, происходящие в природе. Этим диктуются запреты на пение, когда нужные процессы в природе еще не начались. Экспедиционные материалы неоднократно подтверждают эту мысль: народные исполнители с трудом соглашались петь песни календарной обрядовости уже прошедших праздников.

Поскольку народные певцы пользуются разговорной манерой пения, в процессе исполнительства голос-звук как бы отходит на второй план, уступая первенство смысловой интонации, интонирова-

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННОГО ВОКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО СТИЛЯ И ЕГО АДАПТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПЕВЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

нию слова. Этот принципиально важный момент народного пения существует в сфере особого музыкального мышления народных певцов («пою, как говорю») и, значит, не может достигаться механическим путем. «Мысль, выражающаяся в слове, дает сигнал к действию – к пению, в свою очередь выражающемуся в певческом звуке» [13, с. 102].

Как известно, народное пение опирается на звуковой строй общерусского языка. А средством донесения слов хорового произведения является дикция (комплекс, состоящий из собственной дикции певца, знания им правил орфоэпии и особенностей работы над музыкально-литературным текстом в коллективе). К.С. Станиславский говорил, что обычно «певец при пении мыслит не фразами, а словами, или даже слогами» [4, с. 70]. Почему так? Потому что слоги, а тем более слова, при пении гораздо дальше отстоят друг от друга, чем в речи. Поэтому здесь очень важен принцип «словесного действия», когда прежде чем петь или говорить (по Станиславскому), человек должен видеть внутренним взором то, о чем будет петь.

На наш взгляд, в комплексе стилевых категорий репертуар играет роль основного источника информации о системе логической организации их музыкально-звуковой ткани. Другими словами, в любом песенном жанре проявляются одновременно и национальная специфика, и жанровая характеристика музыкального стиля, выраженные в совокупности стилевых и стилистических черт, указывающие исполнителю на способы, приемы и манеру интонирования. «В исполнительской манере каждого народа, – замечает И.И. Земцовский, – есть нечто существенное, специфическое, не переводимое в иной исполнительский стиль. Больше того, манера пения является одним из самых устойчивых элементов народной традиции, а потому признаком не только образным, но и

этническим» [5, с. 13]. Эта характеристика выражается, прежде всего, через русскую (музыкальную) речь, особенности ее фонетики. Поскольку фольклор существует лишь в диалектах, то, естественно, художественный стиль в фольклоре конкретно проявляется всегда как местный песенный стиль, локально ограниченный определенными географическими рамками. Диалектная множественность русского песенного фольклора нередко становится предметом острых дискуссий среди практиков народного пения. Так, например, в Белгородской области можно выделить два основных говора, производных от украинского языка (*хохлячий* говор) и русского языка (*москалячий* говор), что связано с факторами бытования фольклорной традиции украинского и русского этноса в условиях этноконтрастного проживания.

Известно, что одной из актуальных проблем современной фольклористики является выявление стилей народной музыкальной культуры. Однако музыкальный стиль определяется не только характером и формами бытования, но манерой пения, диалектными особенностями, специфическими исполнительскими приемами. Поэтому важно определить локус исследования. На южнорусской территории – в условиях контакта двух мощнейших этнокультурных зон (украинской и русской) – эта проблема приобретает особую значимость. Взаимовлияния русской и украинской традиционных культур очевидны, что неоднократно отмечали в разные годы многие исследователи (Д.К. Зеленин, Л.Н. Чижикова, А.А. Потеня, Е.В. Гиппиус, Е.А. Дорохова, М.С. Жиров, О.Я. Жирова, В.Н. Осадчая, Г.В. Лукьянец, Н.А. Плотник, Г.Я. Сысоева, И.Н. Карачаров, О.И. Алексеева и др.). Следует отметить, что со стороны российских ученых явный приоритет был отдан изучению локальных традиций русских поселений на территории Белгородской области, расположенных на границе с Украиной.

Вполне обоснованный интерес, в связи с которым ведется целенаправленная фольклорно-исследовательская работа, проявили ученые фольклористы Харьковской государственной академии культуры и организации «Харьковский центр народного творчества, ГП»¹.

По справедливому мнению В.Н. Осадчей, традиционный музыкальный фольклор Белгородско-Харьковского пограничья сформировался под действием длительного взаимовлияния культур двух этнических групп, что обосновано рядом факторов, исторических, социально-политических, бытовых и т. д.; «историческая территория Слобожанщины связывает едиными культурными корнями и типами художественной деятельности Харьковщину и Белгородщину» [9, с. 51].

Для обоснования тезиса локусного исследования музыкально-стилевых особенностей традиции нами используется история заселения Белгородского края. В целом, выводы историков-краеведов Белгородчины сводятся к тому, что освоение и заселение края происходило как следствие вольной, правительственной, частично монастырской, позднее помещичьей колонизации. Этот участок – Белгородская оборонительная черта – решал важнейшую стратегическую задачу: перерезал западный участок Кальмиусской сакмы. Социальный и этнический состав населения данной территории пополнялся в течение нескольких веков: черкасы, беларусы, казачество (спасавшиеся от шляхетского гнета), отпрыски боярских родов, стрельцы, пушкар... Во второй половине XVII века на южных окраинах Московского государства сформировалась новая область – Слободская Украина (Слобожанщина). Ее основу составили земли «дикого поля», которые в XV–XVII веках осваивала Россия, а бытовым уклад – украинские традиции и обычаи. В работах исторической направ-

ленности обосновывается мысль о том, что с XVIII века здесь внезапно возникают многочисленные малороссийские слободы (В.П. Загоровский).

По данным первой ревизии населения Российской империи XVIII века, западные и центральные районы Белгородчины находились в составе Белгородской провинции Киевской губернии, а восточные – в составе Воронежской провинции Воронежской губернии. В переписной книге Белгородской провинции встречаются следующие категории населения: служилые люди – рейтары, казаки, станичники, драгуны, драгунских детей недоросли, стрельцы, однодворцы бобыли, однодворцы городской службы, пушкар, помещики, крестьяне помещиков, наемные работники, черкасы и поляки. Далее также интенсивно происходило заселение юго-востока Белгородской области украинцами. По данным ревизии населения 1731 г., подданных малороссиян в слободских полках Белгородской губернии было 70479 лиц мужского пола, в 1732 году – 85449 человек [10]. Действующими органами власти на территории края были как казацкие старшины, так и московские воеводы. В связи с этим, традиционные певческие культуры украинского и русского этноса на территории Белгородчины удобнее рассматривать как отдельно бытующие явления.

При изучении специфики приемов исполнения народных песен в русских поселениях нами выявлено, что одним из средств усиления напряжения при «течении» песни от начала к концу служит постепенное повышение абсолютной высоты звучания напева; согласно народной терминологии: «сперва надо спеть поглубше, а потом они вытягиваются», или «тонко расчинаешь, надо поглубе». Иногда одна короткая, но меткая и образная фраза исполнителя, точно найденное слово способны выразить характер и

¹ Государственное предприятие.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННОГО ВОКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО СТИЛЯ И ЕГО АДАПТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПЕВЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

темперамент целой песни: «Как цепами молотят». Неудачи в пении тут же оговариваются между собой: «Сперва зашнёшь нещаго, а потом тяня тебе. Да высоко не бубей!», или «Не ладится – заладится».

О красоте женского голоса, его тембральной насыщенности народные исполнители говорят следующее: «Хороший у Насти голос, басовитый. Голосы как даст, даст, как запрягёт!». В своеобразной музыкальной терминологии также отразились специфические особенности приемов исполнения: «глыбже» (то есть «мясистее», темброво насыщеннее в нижней певческой форманте); «шибче» (динамичнее или скорее по темпу); «порядней» (более выстроено, гармоничнее, устойчивее и сдержаннее). Красочность местного диалекта наиболее ярко выражена в песенных текстах и поговорках:

- «Тах-то, девочки (обращаясь друг к другу), сели – штоб не висели, надо сыграть песню, мы от скуки – на все руки: сам играю, сам пляшу, сам на стороны гляжу... У нас у Иловке первые же ш наряды» (Кузнецова Лидия Сергеевна, 1927 г.р.).

«У дуброве на плашине
На татарской на лошшине.
Там девушка траву жала,
Йна косою золотою,
Ручкею она облитю...»

(Протяжная песня села Казацкое Красногвардейского района Белгородской области. Запись сделана 24 июня 2013 г. Коноваленко С.П.)

Сапоги мои худыя,
Больше нету никаких.
Блохи прыгають по пузу,
Я посвистаю на них...

(Частушка села Казацкое Красногвардейского района Белгородской области. Запись сделана 24 июня 2013 года Коноваленко С.П.)

Эта богатая и живая система понятий – манера пения, исполнительские приемы, диалектные особенности, как мы полагаем, и

определяет законы русского традиционного песнетворчества, а также правила народного вокального исполнительства.

С вокальными особенностями народных исполнителей украинских поселений нам удалось познакомиться в ходе этнографических экспедиций в селе Гринёво Новооскольского района Белгородской области. Нам были представлены песни двух разновидностей, жанр которых народные исполнители определяют как «журни' и вэсэлэньки». О приемах ансамблевого пения исполнительницы рассуждают так: «Воны нэ кончають, а вы заво'дътэ, шоб пэрэрыва нэ було», или «Як-то растяжно, надо швыдче'нько». Голоса также распределяются народными исполнителями по функциям: «Воны басують, а я буду выво'дыть». Про свой говор местные жители говорят с усмешкой (увидев наше некоторое замешательство) – «тарабарский язык»: «Заходьте до нас, зуспиваем вам, воно ж суббота – не работа: помый, помаж, тай спаты ляж». Примером специфических диалектных особенностей могут служить тексты песен:

«Ой, люды, вороны,
Нэ пэрэходътэ дороги,
Становтэся к тыночку, -
Наша Маничка в виночку.....
Пусты тату в хату,
Тут нас нэ богато,
Четвэро, тай пятэро,
Да вси девъятэро.....»

(Свадебная песня села Гринёво Новооскольского района Белгородской области. Запись сделана 26 июня 2009 г. Коноваленко С.П.)

Или в песне, исполняющейся на «бэ'сэди»:

Ой, казала баба диду:
- Я в Амэрыку пойиду,
А з Амэрыци в Корэю,
А ты сыды дуралэю.
Дойихала до Кыева,
Вси сухарыкы пойила.

Дойихала до Грыбынок
И осталась бэз ботинок.
Дойихала до граныци
И осталась бэз спидныци.
Сюда-туда оглянулась
Дай до дому повэрнуласьь.
Прийизжае до дидуси,
А в дидуси есть бабуся.

Отличительная черта «хохляцкой» традиции – сохранность не только свадебного обряда, но и народного календаря. Например, на Святки в селе Гринёво водили «Мыланку»:
Наша Мыланка нэ сама ходэ –
Васыль водэ.
Ой, Васыльку сам собою,
Визьмы мэнэ за собою
А я ж тоби нэ заважу...

«Мыланку поводылы, на Новый год поквохталы, на Крещение – крест пысалы, на Купалу калыну ставым, ленточки вяжем, на кладбище холодкы робым (мужчинам – клён, женщинам – липу)» (Крыушичева Раиса Евсеньевна, 1928 г.р.).

Известный исследователь музыкального фольклора юга России Е.Э. Линева отмечала удивительную восприимчивость народных певцов, которые «никогда не злоупотребляют своей силой, поют классически просто, не затягивая и не ускоряя темпа без серьезного основания... В поле они поют громко и протяжно, вероятно, вследствие необъятности окружающего их пространства за прятками, в избе – вполголоса, легко и немного скорее» [6, с. 27]. Линева выделила два основных типа исполнителей, объединенных ею по общим стилевым признакам, коренящимся в мировоззрении и мироощущении этих певцов, в типах их художественного мышления. Она указывает на «строгий» и «вольный» стили исполнения, которые, по ее мнению, имеют равную ценность. «Первый прост, серьезен, выражает сдержанное чувство; второй – более экспансивен: чувство вырывается наружу в прихотливых переливах голоса, певец дает волю своей фантазии и, с умилением перед песней, точно лелеет ее и всячески

украшает» [6, с. 27]. Эту же мысль подтверждает известная воронежская частушечница М.Н. Мордасова: «Народное исполнение не терпит как излишней сухости, пресноты, так и чрезмерной чувствительности, разухабистости. Все должно быть "внутри, в душе"» [1, с. 98].

Спонтанный характер употребления выразительных средств и приемов пения для народных певцов является закономерным и естественным, тогда как у обучаемых народному пению освоение и передача выразительных средств происходит через преодоление некоторого психологического барьера, иногда путем механического копирования. Однако осмысленное, глубокое изучение ее качеств, понимание физиологической основы процесса пения, правильная организация певческого аппарата (особенно артикуляционного) помогут певцу вокально полноценно передавать характеристические свойства и особенности русского народного пения. Подход к народному пению как определенному певческому направлению в современном вокальном искусстве, имеющему свой исполнительский стиль, свою «интонационно-тембровую модель» (этнический звук), на наш взгляд, единственно возможный путь сохранения и развития народно-певческой культуры в условиях современной действительности.

Безусловно, ключевую роль в этом процессе должны играть этнографические и профессиональные певцы. Тем не менее, нельзя сбрасывать со счетов любителей народной музыки. Но считает ли современный человек музыку занятием, достойным приложения главных своих творческих сил, когда можно быть пассивным? Всем известно, что современные условия жизни не способствуют духовному здоровью людей: мы говорим о таких явлениях, как музыкальная наркомания и шизофония (это разорванное звучание, возникающее при помощи технических средств передачи музыки). Человек в наушниках, пытающийся заглушить рев машин, подвергает себя опасности и физической, и психологиче-

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННОГО ВОКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО СТИЛЯ И ЕГО АДАПТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПЕВЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

ской – распаду природных связей органов чувств, пространственному диссонансу, физическому дискомфорту. Не случайно шизофония имеет общий корень с шизофренией (то есть раздвоенным сознанием). Отстраняясь от всех, он замыкается в своём пространстве, в своей «коробочке» – «не слышу, не вижу, не думаю», и это входит в привычку.

В современном мире существует еще один термин – здоровьесберегающие образовательные технологии, в частности фольклорная арт-терапия. Посредством народно-певческого искусства происходит восстановление у человека жизненного тонуса и, помимо художественного развития, пение укрепляет здоровье человека. Известно, что у поющих людей лучше развита сердечная мышца. Колебанием голосовых связок и звуковых волн в момент пения осуществляется массаж всего организма, снимается подавленное душевное состояние и поднимается настроение. Особенно это заметно в бытовой, неформальной ситуации. Объединение поющих в ансамбле способствует сплочению людей, разумному проведению праздников, обрядов и отдыха в целом.

Поэтому на протяжении всей истории формирования человека воспроизведение голосом музыкальных интонаций являлось таким же необходимым органом, как естественная речь или другой орган, играющий определенную роль в жизнедеятельности человека. Народная песня – носитель миропонимания, духовных ценностей народа, эффективное средство воспитания детей. Изначально, с первых дней жизни, народная песня – материнский голос воздействует на ребенка. Голос убаюкивает, усыпляет, уберегает в колыбельной песне. Казалось бы, в голосе нет прямого воздействия, только косвенное, но в нем задействовано мощное энергетическое поле, посредством которого ребенок попадает в атмосферу люб-

ви и нежности.

Современный человек, испытывающий на себе негативное влияние технического прогресса, должен заботиться о своем психофизическом состоянии. Одним из средств его адаптации в современном мире является познание звуковой сферы народной музыки, понимание значимости собственного голоса в коллективном исполнительстве и творчестве, в том числе посредством специализированного образования.

К настоящему времени сложилась достаточно развитая многоуровневая народно-певческая образовательная система, где методики обучения профессиональному народному пению различны, приоритеты и акценты тоже. Бережное отношение к первоисточнику является основным принципом освоения народной песни. Причем способы обучения, освоения той или иной песни могут быть различны: разучивание нотных записей-расшифровок, печатной литературы, визуальные контакты с исполнителями, разучивание «с голоса», работа с аудио- и видеоматериалами.

Анализ современной певческой практики по освоению региональных певческих стилей показывает, что одним из самых уязвимых элементов хорового исполнительства является строй, то есть чистота интонирования в пении. Выстраивание вертикалей и горизонталей (гармонический и мелодический строй), динамический ансамбль, тембровый ансамбль, сбалансированный ансамбль, ритмический ансамбль, полифонический ансамбль, гармонический ансамбль, унисонный ансамбль, естественный ансамбль, искусственный ансамбль, ансамбль хора и солиста, ансамбль хора и оркестра, – все эти составные части могут быть объединены понятиями «строй» и «ансамбль», а работа над ними приближает нас к решению исполнительских задач.

Начиная практическую работу над ансамблем и строем в профессиональном

фольклорном коллективе, важно помнить теоретические сведения об этих составляющих вокальной работы. Так, ансамбль – в переводе с французского (*ensemble*) – вместе. Отсюда гармонический ансамбль – полное равновесие динамических соотношений певческих голосов при гармонической фактуре. Динамический ансамбль – уравновешенность по силе голосов внутри партии и согласованность громкости звучания партий в общем ансамбле. Естественный ансамбль – сочетание голосов, находящихся в одинаковых тесситурных условиях, то есть тесное соотношение голосов, присущее южнорусскому пению; а искусственный – голоса разной тесситуры. Кроме того, нужно помнить, что песни Белгородской области в основе своей предполагают относительное равновесие голосов – полифонический ансамбль, – особенно внутри строя одной партии при импровизационном ее изложении несколькими хористами.

В процессе занятий с фольклорным коллективом можно использовать различные методы работы:

1. метод «припевания» друг к другу;
2. работа «по руке» хормейстера и ферматы в определенных местах произведения;
3. работа «мини ансамблями» с постоянной сменой участников этих ансамблей.

Работу над партитурой следует начинать с определения жанра. Так, например, «Травушка, травушка» – это летняя карагодная песня села Афанасьевка Алексеевского района Белгородской области. Записана она была в 1964 г., нотирована в 1965 г. В.М. Щуровым от исполнителей в составе: Е.Т. Сапелкин (1917 г.р.), А.Н. Ходыкина (1925 г.р.), А.Ф. Веникова (1927 г.р.), А.П. Ходыкина (1927 г.р.), О.П. Роцупкина (1941 г.р.). В предисловии к нотному изданию В.М. Щуров пишет о жанровых особенностях песен, бытующих в селах региона, которые связаны с хореографией: «<...> в Усёрдском регионе можно услышать множество

хороводных песен с пляской, каждую из которых принято исполнять в строго определенное время года. Бытуют в местных селах весенние, троицкие, летние, зимние хороводные. Причем их напевы отличаются особыми ярко выраженными стилевыми жанровыми признаками. Обратим внимание на такие наиболее заметные свойства напевов местных хороводных песен, как подвижность темпа и активную моторность, определяемую последованием родственных по рисунку плясовых фигур. Интересно строение поэтического текста хороводных: в большинстве песен имеются припевные асемантические слова лёли, лёли, али лей, лёли, лёли, из-за чего в местной терминологии они получили название лёлюшек» [12, с. 4].

Далее участники ансамбля знакомятся с текстом, который изложен цепным стихом:

1. Травушка, травушка,
Зелёная муравушка.
Припев: Лей, лёли, лёли, лёли,
Ой, лёли, лёли, ой, лёли.

2. Зелёная муравушка,
Ой, горе мне, матушка.

Последующий текст исполняется также:

Гореванья великая,
Печаль неутолимая.
Родименький батюшка,
Сострой мне горенку,
Новую хоромушку,
Окошком на улицу.
Другим во чисто поле,
Третьим во синё море.
Как по синему морю
Три стружочка плавали
С красными товарами,
С молодыми боярами.
Там боярин Иванушка,
У него есть бояриня,
Бояриня Аннушка,
Аннушка да Ивановна.

Такой диалектный текст следует проговаривать на репетициях как коллективно, так и индивидуально. Это помогает в рабо-

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННОГО ВОКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО СТИЛЯ И ЕГО АДАПТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПЕВЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

те не только над говором, но и над дикцией, а также в выявлении разночтений в словах, что является одним из составляющих в работе над строем и ансамблем. Основное правило дикции в пении состоит в быстром и четком произнесении согласных и максимальной протяженности гласных звуков. Для более качественного произнесения звуков нужна полная свобода в движениях языка, губ, нижней челюсти и мягкого неба.

Важный момент в работе над строем в коллективе – единообразное воспроизведение гласных, то есть достижение звукового ансамбля хоровой партии и хора. В фольклорном пении применяется как близкий (не значит плоский), так и округлый звук. Округление гласных достигается через прикрытие звука, которое не следует путать с сомбриванием (затемнением). Прикрытие звука осуществляется за счет определенного положения надгортанника и влияет на задний уклад гласных, а сомбривание – на передний. Это необходимо для обеспечения тембральной ровности звучания хора и достижения хорошего унисона в партиях. При этом исполнение приобретает большую ровность, слитность и округлость звучания, а внимание хористов будет направлено на сохранение одинаковой установки артикуляционных органов. Наибольшую пестроту при пении дает гласная «А», обратим внимание на темные «У, О, Ы», светлые «Е, И».

Так как строй мы определяем как чистоту интонирования в пении, то работа над интонацией является главной. Вокальная интонация состоит из интонаций слова, его структуры, формы. Нота одной и той же высоты в разных словах и слогах звучит по-разному. Вокальная интонация отражает эмоциональную сущность певческого голоса. И колебания, метаморфозы вокального тона есть наиболее точное выражение смысла слова, его интонационной сути. По мнению В.Ф. Балашова, подлинное искусство пения то, в котором «слово, его смысл, интонация полностью слились с вокальной мелодией, с музыкальной интонацией и образовали

нечто новое – говорящую музыку и поющее слово <...>» [3, с. 98].

Следующий момент – вокально-музыкальный. Отчетливое проговаривание слов, без видимых изъяснов, но малоосмысленно, без технической отшлифовки и художественной выразительности не содействует, а наоборот, препятствует течению вокальных интонаций. Плавная текучесть голосоведения в пении часто приводит к однообразию музыкального материала. Для разнообразия звуковой и ритмической игры песни рекомендуется специально акцентировать концовки фраз, делая «подхлесты».

Ритмический ансамбль – это не только сочетание темпа, метра и ритма. Это еще и дикционная работа над согласными, огласовками в них и то, что мы называем ритмической вариативностью. На наш взгляд, этот вид ансамбля один из наиболее сложнодоступных для хористов. Моторность южнорусской пляски наложила яркий отпечаток на стилистику местных плясовых песен в виде активности их музыкального ритма. Здесь присутствуют дробные и пунктирные ритмические рисунки, жестко синкопированные фигуры. В народе такие песни «играют», но не поют. Так в народной терминологии подчеркивается особый игровой характер напевов, поддерживаемых энергичной пляской и служащих сопровождением к ней. Энергичное притопывание в процессе исполнения плясовой песни чередуется с простым мерным шагом. Одна половина песни исполняется под шаг, другая – с пересеком, (одни участники выбивают ритм, а кто-то – пересекает).

Следующим этапом достижения ансамбля и строя в коллективе является отработка цепного дыхания. Цепное дыхание – понятие хоровое и объясняется оно следующим образом: с целью обеспечения непрерывности звучания мелодии, согласные, стоящие на конце слова присоединяются в пении к последующему слогу, тем самым создаются условия для распевания. В дальнейшем физиологиче-

ское «сухое» понятие превращается в более творческое – в непрерывное дыхание хора как единого организма, умение чувствовать друг друга. Известный дирижер А.В. Свешников, обращаясь к хору, говорил: «Каждый из вас должен рассказывать содержание песни от первого лица, как о чем-то своем личном» [11, с. 63]. Отсюда вытекает работа над интонацией каждого хориста и всего хора, знанием текста и над художественным образом произведения, который воплощается через эмоциональную и выразительную подачу слова, естественность звуковедения, умение владеть дыханием – через то главное, что определяет сущность вокальных принципов народного исполнительства.

В дальнейшем, осваивая музыкальный материал, исполнители будут постепенно приобретать основы варьирования и импровизации и, что немаловажно, воспринимать и осознанно воспроизводить специфические черты стиля исследуемой традиции – местную манеру, особенности говора, исполнительские приемы.

Подводя итоги исследования по проблеме адаптации традиционного Белгородского вокально-исполнительского стиля в современной певческой практике, мы отмечаем, что народное пение доступно не только профессиональным или этнографическим певцам. Народная песня как носитель духовных ценностей должна осваиваться современным человеком, способна воздействовать на него. Звуковая сфера народной музыки может влиять на здоровье человека, его эмоциональное самочувствие, духовный мир. Профессиональный подход в изучении вокально-исполнительского стиля проявляется не только в знании диалекта, точном копировании местной манеры, но и в попытке понять особенности народного мышления, коллективного сознания, сакрализованности звукового языка народной музыки.

Литература:

1. Алексеев Э.В. Фольклор в контексте современной культуры: рассуждения о судьбах народной песни. М.: Сов. композитор, 1988. 237 с.
2. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семиотический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
3. Балашов В.Ф. Поэтическое слово и вокальная интонация // Работа в хоре. М.: Профиздат, 1977. С. 19.
4. Виноградов К.П. Работа с хором. Методика. Опыт. М.: Профиздат, 1972. 206 с.
5. Земцовский И. Народная музыка и современность // Современность и фольклор. М.: Музыка, 1977. С. 49-50.
6. Линёва Е.Э. Великорусские песни в народной гармонизации. Вып. 1. СПб., 1904. 27 с.
7. Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 12-149.
8. Народное музыкальное творчество / Отв. ред. О.А. Пашина. СПб.: Композитор, 2009. 568 с.
9. Осадчая В.Н. Социализация музыкального фольклора в культурно-образовательном пространстве // Музыкальный фольклор в контексте современных социокультурных процессов: III Всероссийские (с международным участием) научно-творческие «Маничкины чтения» (Белгород, 27-28 ноября, 2009 г.). Белгород: БГИКИ, 2009. С. 28
10. РГАДА, ф. 248, оп. 17, кн. 1106, л. 238-242.
11. Свешников А.В. Сборник статей / Сост. В. Подольская, общая ред. К. Птицы. М., 1970. С. 69.
12. Щуров В.М. Песни Усёрдской стороны. М.: Композитор, 1995. 360 с.
13. Энгель Ю.Д. Глазами современника. Избранные статьи о русской музыке (1898-1918) / Сост., ред., комм. и вступ. ст. И. Кунина. М.: Советский композитор, 1971. 524 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННОГО ВОКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО СТИЛЯ И ЕГО АДАПТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПЕВЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**References:**

1. Alekseev E.V. Folklor v kontekste sovremennoy kultury: rassuzhdeniya o sudbah narodnoy pesni [Folklore in the Context of Contemporary Culture: Arguments about the Fate of Folk Songs]. Moscow: Sov. Composer, 1988. 237 p.

2. Baiburin A.K. Ritual v tradicionnoy kulture. Strukturno-semiotichesky analiz vostochno-slavyanskikh obryadov [Ritual in traditional culture. Structural and Semiotic Analysis of East Rites]. St. Petersburg.: Nauka, 1993. 240 p.

3. Balashov V.F. Poeticheskoe slovo i vokalnaya intonatsiya // Rabota v khore [Poetic Word and Vocal Intonation // Working in the Choir]. M.: Profizdat, 1977. p. 19.

4. Vinogradov K.P. Rabota s khorom. Metodika. Opyt [Work with the choir. Methods. Experience]. M.: Profizdat, 1972. 206 p.

5. Zemtsovsky I. Narodnaya muzika i sovremennost // Sovremennost i folklor [Folk Music and Modernity // Modernity and Folklore]. M.: Music, 1977. pp. 49-50.

6. Lineva E.E. Velikorusskie pesni v narodnoy garmonizatsii. Vyp. 1 [Great Russian Folk Songs Harmonization]. St. Petersburg.: Vol. 1, 1904. 27 p.

7. Lotman Yu.M. Kultura i vzryv // Lotman Yu. M. Semiosfera [Culture and Explosion. Semiosphere]. St. Petersburg, 2000. pp. 12-149.

8. Narodnoe muzikalnoe tvorchestvo / Otv. red. Pashina O.A. [Folk Music: a Tutorial. Ed. O.A. Pashina]. St. Petersburg.: Composer, 2009. 568 p.

9. Osadchaya V.N. Sotsializatsiya muzikalnogofolkloravkulturno-obrazovatelnom prostranstve // Muzykalny folklor v kontekste sovremennykh sociokulturnykh processov: III Vserossiyskie (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-tvorcheskie "Manichkiny chteniya" (Belgorod, 27-28 noyabrya, 2009 g. [Socialization of Folk Music in Cultural and Educational Space // Folk Music in the Context of Contemporary Sociocultural Processes: III

All-Russian (with International Participation) Scientific and Creative «Manichkiny Reading» (Belgorod, November, 27-28, 2009)]. Belgorod: BGIKI 2009. p. 28.

10. RGADA, f. 248, op. 17, Vol. 1106. pp. 238-242.

11. Sveshnikov A.V. Sbornik statey / Sost. Podolskaya V., obsh. red. Ptitsa K. [Collected Papers. Ed. Podolskaya B., Ptitsa K.]. M., 1970. 69 p.

12. Shchurov V.M. Pesni Userdskoy storony [Songs of Userdskaya Land]. M.: Composer, 1995. 360 p.

13. Engel J.D. Glazami sovremennika. Izbrannye stat'i o russkoy muzike (1898-1918) / Sost., red., komm. i vstup. st. Kunina I. [Contemporary Look. Selected Articles about Russian Music (1898-1918). Ed. Kunin I.]. Moscow: Soviet Composer, 1971. 524 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ**Коноваленко****Светлана Петровна***кандидат философских наук, доцент*

Белгородский государственный
институт искусств и культуры
ул. Королёва, 7, г. Белгород,
308033, Россия

Электронный адрес: knarhor7@mail.
ru; rudich-s2014@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR**Konovalenko Svetlana Petrovna***PhD in Philosophy, Associate Professor*

Belgorod State Institute of Arts
and Culture

7 Koroleva St., Belgorod, 308033, Russia

E-mail: knarhor7@mail.ru;
rudich-s2014@mail.ru

АРХИВ

ARCHIVE

ИОАНН МАЛАЛА. ХРОНОГРАФИЯ

Книга XIII

Перевод Н. Н. Болгова

JOANNIS MALALAE. CHRONOGRAPHIA

Book XIII

Translated by N. N. Bolgov

«Хронография» Иоанна Малалы, антиохийского монаха-чтеца VI в., является одним из наиболее активно изучаемых в мировой науке ранневизантийских исторических сочинений. Помимо многочисленных отдельных статей, за последние два десятилетия выходили коллективные монографии в Австралии (Э. Джеффриз) и Франции (Ж. Бокам), комментированный английский перевод. Однако в отечественной науке, несмотря на длительную историю бытования сочинения в древнерусской литературе, достойных исследований, как и современного научного издания перевода, нет. Исключение – лишь небольшая монография Л.А. Самуткиной (2001). Сложность и многослойность текста создают немало проблем, но в то же время являются благодатным полем для исследователя. Стабильного текста сочинения нет, в древнерусской версии есть места, отсутствующие в греческих рукописях. Древнерусский текст был издан в конце XIX в. На сегодняшний день из книг «Хронографии», посвященных византийской истории, переведены лишь XVIII (почти полностью; А.А. Чекалова), и отдельные места из кн. XIV-XVII (Л.А. Самуткина). В целом произведение распадается на две половины: книги I-XII рассказывают о библейской и античной (греко-римской) истории до принятия христианства. Книги XIII-XVIII образуют

Joannis Malalae Chronographia, an Antioch monk and gospelseller of the sixth century, is one of the most actively studied early Byzantine historical writings in the global science. In addition to numerous individual articles in the past two decades there have been published multi-author books in Australia (E. Jeffreys) and France (J. Bocam), and the annotated English translation. However, domestic science, despite the long history of existence in ancient Russian literature, has no works worthy of study, as well as there is no modern scientific translation. A small monograph by Samutkina L.A. (2001) is the only exception. The complexity and multi-layered structure of the text cause a lot of problems, but at the same time it is a beneficial field for researchers. There is no consistent text of the given work, certain parts in ancient Russian versions cannot be found in Greek manuscripts. The Old Russian text was published in the end of the nineteenth century. Today, only one translation of Chronographia Book XVIII dedicated to Byzantine history is available (almost complete translation was done by Chekalova A.A.), and some parts of Books XIV-XVII were translated by Samutkina L.A. In general, the work is split into two halves: Books I-XII talk about the Bible and ancient (Graeco-Roman) history before the adoption of Christianity. Books XIII-XVIII

«византийский логос», повествуя о событиях от Константина до Юстиниана включительно.

Перевод выполнен по изданию: Joannis Malalae Chronographia / Rec. L. Dindorf. Bonn, 1831 с учетом: The Chronicle of John Malalas. Melbourn, 1986.

Время императора Константина ¹

1. [Р. 316]² После правления Максима Лициния сам божественный и правоверный Константин Великий, сын Констанция Хлора, воцарился за восемь дней до календ августа во время консульства Севера и Максимиана³. Его правление длилось 32 года. Он был высокий, румяный, великодушный, миролюбивый и любезный Богу.

2. Во времена его правления большая война шла на Западе. Более того, божественный Константин вышел против варваров, но потерпел поражение и был окружен ими. В своем бедственном положении, когда он был на грани сна, он молился о том, чтобы спастись от них. Охваченный сном, он увидел крест в небе, на котором было написано: «Сим победишь». После того, как он прочитал надпись на кресте, он проснулся. Константин встал и сделал знамя [Р. 317] с изображением креста, такого же, какой он видел на небе [во сне], и какой носил до того. После этого, обращаясь к войску, он сказал: «Победа за нами», и отправился [вперед], и вступил в бой с варварами. Он одержал такую победу, что ни один из варваров не выжил, но все погибли. Он вернулся в Рим

¹ Заголовки образуют тематические блоки внутри книги. Фактически книга охватывает время от Константина до конца правления Аркадия и Гонория.

² Здесь и далее подобным образом указаны ссылки на страницу первого издания. Часто употребляется в цитировании Малалы вместо деления на книги и главы.

³ 307 г.

form a «Byzantine logos», narrating the events from Constantine to Justinian.

The translation is done on the following publication: Joannis Malalae Chronographia / Rec. L. Dindorf. Bonn, 1831, taking into account: The Chronicle of John Malalas. Melbourn, 1986.

победителем среди великой радости, и знамя с крестом несли перед ним. Он объяснил всем значение видения и знамени с крестом, сказав: «Это знак Бога галилеян, которые известны как христиане». Он тут же уничтожил все храмы и святыни эллинов и открыл христианские церкви, посылая императорские указы везде о том, что церкви христиан должны быть открыты. После поста и получения наставлений он был крещен Сильвестром, епископом Рима – он сам, и его мать Елена, и все его родственники, и его друзья, и целый ряд других римлян. И вот император Константин стал христианином.

3. Он начал кампанию против персов, победил их и заключил мирный договор с Сапором, царем персов. Это были персы, которые попросили мир с римлянами.

Император Константин [Р. 318] также учредил провинцию Евфратесия, отделив ее от Сирии и Осроэны и предоставив статус метрополии Гиераполю.

По возвращении он прибыл в Антиохию Великую и построил там Великую церковь, очень большое здание, после сноса общественной бани, известной еще со времен императора Филиппа, и она была такой ветхой для бани, что была разрушена временем и стала непригодной для купания. Он также построил неподалеку богадельню. Точно так же он построил базилику, известную как храм Руфина, [изначально] это был храм Гермеса, который был снесен Руфином, префектом священных преторианцев. Он отправился с императором на войну, но ему было приказано оставаться в Антиохии

Великой. Он завершил эту базилику в то время, как император возвращался в Рим.

Когда император Константин уже отъезжал из Антиохии, в первый раз он сделал христианина, человека по имени Плутарх, губернатором Антиохии в Сирии. Ему было приказано охранять здания церкви и базилики. Во время строительства богадельни Плутархом была найдена бронзовая статуя Посейдона, [в свое время] поставленная как талисман, чтобы предохранить город от бедствий землетрясений. Он снял ее, расплавил и перелил в статую императора Константина. Он поставил его возле своего претория и написал под статуей: *Vono Constantino* (Константину Доброму). Эта бронзовая статуя стоит и по сей день.

4. В великом городе антиохийцев император [Р. 319] во время консульства Юлия и Альбина⁴ назначил в первый раз комита Востока, чтобы заполнить место префекта претория на Востоке, обратив храм муз в преторий и выбрав ему христианское имя Фелициан. Он даровал городу антиохийцев своим божественным указом звание и привилегии второго комитата в год 383-й⁵ по эре великого города антиохийцев. Ранее не было комита Востока, дислоцированного в Великой Антиохии, а когда началась война, делегатор⁶ находился в Антиохии в Сирии; когда же война закончилась, делегатор был освобожден от должности. Император Константин отбыл из Антиохии, оставив там префекта Руфина. Руфин энергично завершил строительство базилики, и по этой причине она была названа базиликой Руфина.

5. Император Константин отправил свою мать, госпожу Елену, в Иерусалим, чтобы отыскать святой крест. Она обрела честной Крест, с пятью гвоздями, и привезла его обратно. С этого времени христианство процветало во всех отношениях.

⁴ 335 г.

⁵ 334/335 г.

⁶ Δηληγῶτωρ.

6. Император создал провинцию Третью Палестину.

7. Во время его правления, в консульство Галликана и Симмаха⁷, бывший Византий был освящен. Император Константин совершил длительный путь, собираясь из Рима в Византий. Он реконструировал прежнюю [Р. 320] городскую стену, построенную еще Византом, и добавил к ней еще большую территорию, присоединив к этой старой городской стене; он распорядился дать городу имя Константинополь. Он также завершил Ипподром и украсил его бронзовыми статуями и украшениями различного вида, а также построил в нем кафизму, так же как в Риме, для императора, чтобы смотреть гонки. Он также построил большой и красивый дворец, в равной степени по образцу единственного в Риме, близ ипподрома; путь от дворца к кафизме ипподрома шел по лестнице, известной как Кохлий. Он также построил большой и очень красивый форум, а также воздвиг в его центре чудесную колонну, целиком из порфира. На этой колонне он поставил свою статую с семью лучами из головы. Эту бронзовую статую привезли сюда оттуда, где она стояла – в Илионе, городе во Фригии.

Константин тайно вывез из Рима деревянную статую, так называемый Палладий, и поместил его на форуме, который он построил, под колонну, на которой стояла его статуя. Некоторые из византийцев говорят, что он находится все еще там. Он принес бескровную жертву Богу, а также Удаче города, который был восстановлен, построен и назван им самим позднее Анфузой. Этот город был первоначально построен Фидалией, и она тогда назвала его Тихе Кер. Фидалия вышла замуж за Византа, царя Фракии, после ее смерти [Р. 321] ее отец Барбисий был топархом и начальником порта. Барбисий на момент смерти сказал Фидалии, что сделает стены для места вниз к морю. Визант же назвал эти земли в честь себя и правил в городе.

⁷ 330 г.

8. Константин построил от входа во дворец до его форума две великолепные колоннады, украшенные статуями и различными изделиями из мрамора, и назвал это место с колоннадами Регия. По соседству он построил базилику с большими колоннами и статуями снаружи; ее он назвал Сенатом. Напротив него он воздвиг статую его матери Елены Августы, на невысокой колонне из порфира. Это место он назвал Августейон.

Точно так же он завершил общественные бани так называемого Зевксиппа, и украсил их колоннами из разноцветного мрамора и бронзовыми статуями. Он нашел общественные бани незавершенными, их строительство было начато ранее императором Севером.

Он также построил ипподром и многих других зданий. Когда он закончил все, он отпраздновал этот день скачками. Он был первым, кто пришел посмотреть зрелище там, и он тогда в первый раз надел на голову диадему с жемчугами и драгоценными камнями, так как он хотел бы выполнить слова пророка, который сказал: «Вы надели ему на голову венец из драгоценных камней» (Пс. 20,4); ни один из предыдущих императоров никогда не носил такие вещи.

Он также отмечал большой праздник 11 мая (Артемисия) [Р. 322] 378 г.⁸ по эре Великой Антиохии, издав свой божественный указ о том, что в этот день должен отмечаться праздник в годовщину основания его города. В тот же день 11-го мая он приказал, чтобы общественные бани Зевксиппа были открыты возле ипподрома, Регия и дворца. Была сделана и другая его статуя из позолоченного дерева, державшая в правой руке Тихе города, тоже позолоченную, которую он назвал Анфуза. Он приказал, чтобы в тот же день, что День города и день скачек, эту деревянную статую принесли в сопровождении воинов в плащах и сапогах, все с зажженными свечами; повозка должна обойти вокруг точки

поворота и достичь углубления напротив императорской кафизмы, и тогдашний император должен подняться и поклониться, как это сделал Константин с этой статуей Тихе города. Этот обычай сохранился до наших дней.

9. Сам божественный Константин по завершении своего консульства распределил щедроты в Константинополе византийцам, это были тростниковые жетоны на вечное суточное распределение хлеба. Он назвал этот хлеб «палатинским», потому что он выдавался во дворце. Он отложил для этих раздач вино, мясо и одежды с [Р. 323] каждой буханки и выделил для них доходы от своих собственных ресурсов; он назвал этот хлеб «politikoi» (гражданским).

10. Константин продолжал царствовать в Константинополе, исключив его из провинции Европа, и отделив от его метрополии Гераклеи, чтобы придать ему данный Богом имперский статус. Он назначил там префекта претория, префекта города и других великих магистратов, выбирая только христиан. Он остался с того времени процветающей имперской столицей.

11. Император Константин учредил провинцию Фригия Salutaris⁹.

Во время его правления состоялся Собор 318 епископов против Ария о христианской вере. Сам благочестивый епископ Евсевий Памфил, летописец, присутствовал на этом Соборе.

12. Во время правления Константина Максимианополь в Осроэне пострадал от гнева Божия, это было его второе бедствие после захвата персами. Император Константин восстановил город и его стены, ибо они упали вниз. Он щедро заплатил тем, кто выжил. Он переименовал город и назвал его в честь себя – Константина.

Он также вел строительные работы в городе, ранее известном как Суга в Вифинии, придав ему статус города и назвав его Еленополь в честь его матери. Он так-

⁸ 330 г.

⁹ «Приятную», «благодатную».

же переименовал провинцию Елено-Понт в честь своей матери.

13. [Р. 324] В том же году император Константин издал указы о том, что три [языческих] храма в Константинополе, ранее известные как храмы Акрополя – храм Гелиоса, Артемиды Луны и Афродиты – должны остаться в будущем без доходов.

14. Через некоторое время император Константин умер в Никомедии в Вифинии, в то время как он направлялся в загородное имение Ахирон, на небольшом расстоянии от города. Он был болен в течение шести дней. Он умер еще до завершения строительства Великой Церкви в Антиохии Великой в Сирии – очень большого труда и одного из чудес. Он умер в возрасте 60 лет и трех месяцев, как написал самый ученый несторианский летописец, как об этих событиях, так и обо всех временах императоров, упомянутых выше.

Правление Константина Младшего в Риме

15. После правления Константина Великого его сын Константин стал императором в Риме. Его отец сделал его императором Рима при его собственной жизни во время консульства Урса и Полемиа¹⁰.

[Р. 325] Император Константин Младший царствовал в Риме в течение 12 лет. После смерти отца он отправился в процессию, но был убит в Мофоне человеком, посланным его братом, в возрасте 20 лет.

Правление Константа в Риме

16. После царствования Константина Младшего его брат Констант царил в Риме в течение 16 лет. Он был поражен дизентерией и умер в возрасте 27 лет.

Правление Констанция в Константинополе

17. После правления Константина Великого его младший сын Констанций царствовал в Константинополе в течение 30 лет. Он был великодушным человеком и эксационитом, то есть арианином.

Во время его правления персы, то есть их царь Сапор, нарушили мир. Констанций начал кампанию против них и назначил Цезарем своего родственника Юлиана.

Когда он пришел в Антиохию Великую, он завершил [строительство] Великой церкви и написал на ней следующее: [Р. 326] «Для Христа Константин красоту эту выковал –

дом, во всем похожий на своды небесные, ярко блистающий, с Констанцием повинуюсь приказам правителя – комита Горгония, также служащего и кувикулярием».

Направляясь к персидской территории, он заключил мирный договор с персами на некоторый период, после того как многие с обеих сторон пали в бою. Он вернулся и исполнил посвящение Великой церкви в Антиохии. Тогда Констанций оставил Антиохию и на обратном пути в Константинополь достиг Киликии. Он построил там мост через реку Пирам, это была очень большая работа. Он прибыл в Мопсуэстию, город в Киликии, заболел и умер там в возрасте 40 лет.

Правление Юлиана

18. После царствования Констанция его родственник Юлиан Отступник, который ранее был назначен Цезарем, воцарился во время консульства Мамертина и Невитты¹¹. Он правил в течение семи лет и был красноречивым человеком. Его потому называли Отступником, [Р. 327] что он отрекся от веры своих предков, христианской веры, и стал эллином. Он был другом и современником Либания, известного софиста из Антиохии.

19. Во время его правления св. Домиций принял мученическую смерть. Юлиан начал кампанию против персов с мощной армией, и по пути он прибыл в Антиохию. Поднимаясь на гору Касий, он совершил там гекатомбу в жертву Зевсу Касию. После этого оттуда он приехал в Дафну, а также совершил жертвоприношение Аполло-

¹⁰ 328 г.

¹¹ 362 г.

ну. Он лег спать там и увидел во сне юношу со светлыми волосами, сказавшего ему: «Так суждено, что вы умрете в Азии».

Покинув Дафну, он достиг Антиохии и был встречен своими сенаторами, сановниками и народом. Поскольку народ Антиохии был ревностными христианами, они скандировали наглые слова к нему, давая ему, по их словам, предзнаменование того, что он не вернется [из похода]. Два христианских кандидата, имена которых были Ювентин и Максимиан, отделились от его окружения и смешались с толпой, которая оскорбляла его, а затем дополнительно подстрекали людей на оскорбления; когда император Юлиан увидел их, он приказал их арестовать. Их немедленно обезглавили в Антиохии, их останки были помещены в мавзолей Кимитирий; антиохийцы называли их «язычниками». Юлиан был сердит на антиохийцев и угрожал им, говоря, что он вернется и накажет [Р. 328] их, так как их предзнаменования недействительны. Он выступил с речью об антиохийцах, нападая на них как на мятежников. Он представил речь о том, что он вынес в отношении антиохийцев, вне городского дворца, на так называемом Тетрапилоне Слонов, недалеко от Региа.

20. Он отправился против персов, двигаясь на Киррестуку. Когда он проходил мимо Кирра, города в этой области, он увидел толпу стоящих в пещере св. Домиция и лечащихся у него. Он спросил некоторых людей, что за толпа была тут, которая собралась, и узнал, что тут был монах в пещере на горе, и это вокруг него толпа стояла, собрались желающие исцелиться, и он благословил их. Император Юлиан послал сказать св. Домицию через христианина-референдаря: «Твоему Богу было угодно, чтобы ты вошел в эту пещеру. Но не ради желания угодить людям, но чтобы вести уединенный образ жизни». Св. Домиций послал ему сообщение в ответ: «Это потому, что я посвятил свою душу и тело Богу, я затворил себя давно в этой пещере. Но

толпу людей, которая приходит ко мне в вере, я не могу отогнать». Император Юлиан приказал завалить пещеру огромными камнями со справедливым человеком внутри. Так погиб св. Домиций.

21. Двигаясь против Сапора, царя персов, император Юлиан прибыл в Гиераполь. Он послал [приказ], [Р. 329] и были построены корабли в Самосате, городе в Евфратесии; некоторые из них были сделаны из дерева, а некоторые из шкур, как написал очень ученый летописец Магн Каррский, который сопровождал императора Юлиана. Оставив Гиераполь, он вошел в город Карры, и там он нашел два пути, один из которых вел в город Нисибис, который когда-то принадлежал римлянам, а другой – в римскую крепость Киркесий, лежащую между двух рек – Евфрат и Аббора. Это было построено Диоклетианом, императором римлян.

Император разделил свою армию и отправил 16000 легионеров в Нисибис под командой двух экзархов, Себастьяна и Прокопия. Сам Юлиан достиг крепости Киркесий. Оставив в крепости Киркесий 6000 воинов, которых он обнаружил размещенных там, он добавил к ним 4000 других легионеров с двумя экзархами, Аккамеом и Мавром. Он вышел оттуда и двинулся вперед, переправившись через реку Аббора с помощью [понтонного] моста, так как корабли прибыли на реку Евфрат. Число их было 1250. Он собрал свою армию; с ним были магистр Анатолий, префект претория военный магистр Салютий. Он сел на возвышение и обратился к армии лично, стал хвалить воинов и призывать их к борьбе против персов с энтузиазмом и с дисциплиной. [Р. 330] Император приказал им немедленно приступить к переправе и пошел на борт корабля, приготовленного для него, и приказал заранее разведчикам идти впереди них. Это были 1500 храбрецов из нумеров Ланциариев и Маттиариев. Он приказал под свои знамена, которые будут подняты, прибыть

Лукиану, самому воинственному мужу, чтобы сопровождать его. Лукиан уничтожил много персидских крепостей, расположенных вдоль Евфрата и на островах посередине реки, и убил персов, которые были в них. Юлиан поручил Виктору и Дагалайфу быть позади остальной части флота и охранять основной корпус.

Император отправился со всем войском своим путем по большому каналу от Евфрата, который соединяется с рекой Тигр. Он сам прибыл к реке Тигр, где две реки встречаются и образуют большое болото. Он вошел на территорию Персии в области Мавзаниты, недалеко от города Ктесифон, где проживал персидский двор. Император Юлиан победил и разбил лагерь на равнине города Ктесифона, желая при поддержке своего сената дойти до Вавилона и взять под контроль дела там.

22. Царь Сапор, подозревая, что римский император Юлиан шел путем на Нисибис, выступил против него со всей своей силой. Когда ему сообщили, что [Р. 331] римский император Юлиан оказался позади него и захватил территорию Персии, и что перед собой он встретит римских полководцев с большими силами, он понял, что он окружен и бежал в Персармению. Желая обмануть римлян, он отрезал носы двух своих вельмож по их собственному желанию и послал их к Юлиану, римскому императору, чтобы сбить его с пути и чтобы предотвратить свое близкое преследование и задержание. Персы со щелями вместо носов пришли к римскому императору, говоря, что они хотели предать царя персов, так как он наказал их. Обманутый клятвой, которой они поклялись, император Юлиан последовал за ними со своей армией. Они завлекли его в безводную пустыню на 150 миль и завели армию в тупик, на 25-й день июня (Десия). Найдя там древние разрушенные стены города Вавилон и другое место, которое называлось Азия, которое со своими зданиями все еще стояло, хотя там никого не было,

император Юлиан и вся римская армия вошли туда и разбили там лагерь. Но когда они были в этой области, им не хватало пищи, и там не было даже никакого корма для животных, это была пустыня. Вся римская армия поняла, что император был обманут и ввел их в заблуждение, приведя их в пустынные области, и они стали очень мятежны. На следующий день, 26 июня, император взял персов, которые ввели его в заблуждение, и спросил их. Они признались, говоря: «Ради нашей страны и безопасности нашего царя мы осудили себя к смерти [Р. 332] и привели тебя в заблуждение. Смотри на твоих рабов, готовых к смерти». Юлиан принял их исповедь и не убил их, но дал им гарантии при условии, что они выведут войско из пустынных областей.

23. Во втором часу в тот день император Юлиан, перемещаясь между армией, призывая ее не вести себя недисциплинированно, был таинственно ранен. Он пошел к себе в палатку и ночью умер, как сообщает Магн, которого мы упоминали выше. Но каппадокийский летописец Евтихиан, солдат и викарий его нумеров, Примоармениаков, также лично принимал участие в этой войне и написал, что император Юлиан вошел на персидскую территорию на расстоянии 15-дневного марша, перешел через Евфрат, одержал победу и разбил всех своих противников, и оккупировал страну, вплоть до города Ктесифона, где располагался двор персидского царя. Царь бежал в более дальнюю область Персармению. Юлиан хотел отправиться на следующий день со своей армией и сенатом до Вавилона и захватить его в течение ночи. Пока он спал, он увидел во сне пожилого человека, одетого в панцирь, приближавшегося к его палатке в городе Азия недалеко от города Ктесифона; и человек ударил его копьем. Император испугался и проснулся с криком. Евнух кувикуляриев и спафариев, а также воины, охраняющие палатку, встали и подошли к

нему с императорскими лампами. [Р. 333] Император Юлиан, отметив, что он был смертельно ранен в подмышечной впадине, спросил их: «Как называется город, где находится моя палатка?» Они сказали ему, что он называется Азия. Он тут же воскликнул: «О, Гелиос, ты уничтожил Юлиана». И, истекая кровью, он испустил последний вздох в пятый час ночи в 411 году¹² по календарю Антиохии Великой.

24. Перед лицом персидского врага, услышав, что произошло, армия сразу же отправилась к палатке Иовиана, который имел звание комита домашних и военного магистра. Они застали его врасплох, заманив в императорскую палатку, делая вид, что император Юлиан послал за ним. Когда он вошел в палатку, они схватили его и провозгласили его императором 27-го июня (Десия), до рассвета. Основная часть армии, которая расположилась в Ктесифоне и справедливо настраивалась на далекий путь, не узнала, что произошло до восхода солнца, так как они были на расстоянии. Так умер император Юлиан в возрасте 33 лет.

25. Тот же ночью Василий, святейший епископ Кесарии Каппадокийской, увидел во сне, что небеса разверзлись, и Спасителя Христа, сидящего на троне и громко восклицающего: «Меркурий, пойд и убей императора Юлиана, того, кто против христиан». Святой Меркурий, стоящий пред Богом, носил блестящий железный нагрудник. [Р. 334] Услышав команду, он исчез, а затем он вновь появился, стоя пред Господом, и воскликнул: «Император Юлиан был смертельно ранен и умер, как приказал ты, Господи». Испугавшись крика, епископ Василий проснулся в замешательстве, ибо император Юлиан поддерживал его честь и как муж красноречивый, и как его однокурсник, и часто ему писал. Св. Василий пошел в церковь на утреннюю службу, вызвал все духовенство и рассказал о своем таинственном сне,

и что император Юлиан был смертельно ранен и умер в ту же ночь. Они все умоляли его молчать и никому не говорить таких новостей. Но самый ученый летописец Евтропий не согласен с некоторыми из этих деталей в своем сочинении.

Окончание читайте во втором номере.

Литература:

1. Joannis Malalae Chronographia / Rec. L. Dindorf. Bonn, 1831.

2. The Chronicle of John Malalas. Melbourn, 1986.

Referencies:

1. Joannis Malalae Chronographia / Rec. L. Dindorf. Bonn, 1831.

2. The Chronicle of John Malalas. Melbourn, 1986.

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКЕ

Болгов Николай Николаевич
доктор исторических наук,
профессор

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

ул. Победы, 85, г. Белгород,
308015, Россия

Электронный адрес:
bolgov@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE TRANSLATOR

Bolgov Nikolai Nikolaevich
Doctor of Historical Sciences, Professor

Belgorod State National Research
University

85, Pobedy St., Belgorod, 308015,
Russia

E-mail: bolgov@bsu.edu.ru

¹² 363 г.

СООБЩЕНИЯ,
ДИСКУССИИ,
РЕЦЕНЗИИ

MISCELLANEOUS
OF THE MESSAGE,
DISCUSSION,
REVIEW

Липай Т. П.

Lipai T. P.

**КРИЗИС ДУХОВНОСТИ:
СОЦИАЛЬНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ**

SPIRITUALITY CRISIS: SOCIAL AND PRACTICAL BACKGROUNDS

Аннотация

Одной из характерных особенностей развития современного социогуманитарного знания является интерес к изучению феномена духовности, его сущности и формам проявления, что обусловлено изменениями ценностных ориентиров человека в контексте глобальных проблем. Особую актуальность приобретает раскрытие оснований феномена духовности и форм его проявления в контексте осмысления проблем современного мира, его глубокого системного кризиса.

Специфика предмета исследования такова, что изначально предполагает широкие теоретические основания и междисциплинарные методы исследования.

Теоретико-методологическая основа исследования – философско-антропологический подход, рассматривающий духовность как фундаментальную антропологическую константу.

Логика исследования осуществляется от теоретических основ к практическим аспектам.

Основные выводы могут быть использованы при изучении культуры и духовной жизни современного общества; формировании культурных стратегий в сфере образования, социального взаимодействия;

Abstract

One of the characteristic features of modern socio-humanitarian knowledge is the interest in studying the phenomenon of spirituality, its essence and forms of manifestation, which is determined by changes of human values in the context of global problems. Today, it is particularly important to reveal the foundations of the spirituality phenomenon and its forms of manifestation in the context of understanding the problems of the modern world and its deep systemic crisis.

The characteristic feature of the subject being analyzed is that it should involve a broad spectrum of theoretical knowledge and interdisciplinary research methods. The theoretical and methodological basis of the research includes a philosopho-anthropological approach describing spirituality as a fundamental anthropological constant.

The study is logically conducted from the theoretical foundations to practical aspects.

The key findings can be used in the study of culture and spiritual life of the modern society; formation of cultural policies in education, social interaction; in the development of processes of modern education humanization.

при развитии процессов гуманизации современного образования.

Ключевые слова: духовность; кризис духовности; ценностные ориентации; устойчивые стереотипы представлений; педагогическое творчество.

Экономический и политический кризис нашего общества – это, прежде всего, кризис духовности населения, отсутствие стремления к внутренней самореализации, исходя из приверженности к тем или иным нравственным, эстетическим, религиозным, политическим и другим идеалам, ставшим глубинными убеждениями, духовными потребностями и основными мотивами поведения и деятельности. Кризис духовности проявляется в снижении самодетельности населения, в его неспособности принимать самостоятельные решения и нести за них личную ответственность, в падении потенций к созидательной деятельности [2].

Выход из этого кризиса возможен лишь на пути формирования новых мотивационных структур деятельности и изменения всего духовного облика подрастающего поколения. В изменении этого облика определяющая роль принадлежит системе образования. Однако кризис духовности самым негативным образом сказался и на ней. Дух самодетельности и творчества за долгие годы тоталитарной системы сменился сугубо функциональной подготовкой к жизни и выполнению безличных социальных функций в обществе. Основой этой подготовки стали знания, умения, навыки. Педагогическое творчество уступило место административной педагогике. Ориентация на общие усредненные стандарты и критерии оценки знаний формировали такую же усредненную личность, не имеющую нравственного кредо, возвышенных идеалов своего развития. Ценностный аспект знаний, придающий целевую направленность их усвоению, мобилизующий волю

Key words: spirituality; spiritual crisis; value orientation; stable stereotypes representations; pedagogical creativity.

на достижение поставленной цели, объединяющий рациональные, эмоциональные, нравственно-эстетические начала в единую цельную личность, постепенно выпал из общего контекста образовательного процесса в школе. Ориентация на выполнение и послушание превращали ребенка в безвольное существо и конформиста. Нравственные, волевые и рациональные начала личности оказались как бы разведенными и независимыми друг от друга, что, в конечном счете, обернулось снижением социальной активности населения в целом.

Ценностные ориентации учащихся, существенное повышение их духовной культуры стали центральной проблемой образования, в решении которой оно столкнулось с целым рядом трудностей теоретико-методологического и методического характера. Во-первых, до сих пор нет единого мнения не только о механизмах формирования ценностных ориентаций, но и об их природе вообще. В результате ценностно-нормативные, социальные и рациональные стороны ценностных ориентаций начинают противопоставляться друг другу, а процесс формирования духовности рассматривается в отрыве от процесса социализации. Эта тенденция еще более усиливается в связи с осознанием истинных причин возникшей бездуховности, заключающихся в абсолютизации роли институционального социального контроля, сведении его к административно-организационным началам.

Во-вторых, формирование ценностных ориентаций невозможно по-старому, с помощью лишь психолого-педагогического воздействия на учащихся извне.

Определяющая роль здесь принадлежит внутренней духовной взаимосвязи между ценностными ориентациями педагога и ребенка. Для того чтобы воспитать нового человека, педагог сам должен быть соответствующим образом воспитан. Особенно актуальна эта взаимосвязь в переходный период развития общества, когда существенно изменяются идеалы и требуется своеобразный мировоззренческий поворот в сознании педагога. Для этого требуется не только изменение содержания педагогического образования, но и изменение ценностных ориентаций будущих учителей еще на студенческой скамье.

Ценностные ориентации педагога и динамика их изменения играют определяющую роль в формировании духовного мира учащихся. В их изменении существенная роль принадлежит преодолению натуралистической педагогики, ориентирующей педагога лишь на развитие определенных задатков учащихся и игнорирующей роль ценностей культуры в формировании личности. Методология реформирования системы образования, по большей части, не учитывает ее социально-культурные основы и возможности социологической науки в их познании. Ставки по-прежнему делаются на психолого-педагогическую науку и ее возможности. При этом явно абсолютизируются институциональные основы образования и возможности чисто организационных изменений в его реформировании.

Развитие системы образования так или иначе связано с соответствующими мировоззренческими и политическими установками общества и государства, сменой парадигм воспитания, структурой научного мышления в целом. В качестве таких установок до недавнего времени выступал исторический материализм с характерной для него абсолютизацией экономического базиса и ориентацией на научно-технический прогресс. Главным

считалось формирование таких социально-экономических условий общественного развития, при которых деятельность людей объективно основывается на использовании новейших достижений науки, техники и производства.

Научное освоение мира через постижение внешних причинно-следственных связей и закономерностей предопределило прагматическую направленность и конкурентоспособность рационалистических моделей и концепций преобразования мира. Они становятся основой цивилизационного развития через воплощение в жизнь научно-технических и социальных проектов. Быстрая материализация научных открытий в различных технологиях производства не только стимулировала развитие экономики, но и усиливала представление о данном направлении развития как общецивилизационном. В нем основная роль отводится «вещным» элементам производительных сил. Они играют здесь решающую роль в повышении уровня производительности труда, социальном прогрессе и формировании нового труженика. Формирование «человеческих качеств» в данном случае попадает в прямую зависимость от развития техники. Развитие же техники предстает как важнейшая часть развития культуры человечества.

Сама техника предстает как опредмеченный труд, овеществленные силы знания, осознанное использование законов природы. Она выступает как часть материальной культуры общества, которая обладает известной самостоятельностью развития и с необходимостью вызывает то перевертывание первоначальных отношений и средств труда, то, наоборот, повышает роль самого работника, его знания, квалификации. НТР требует высокого роста профессиональной подготовки и образовательного уровня работника, всестороннего развития его способностей, изменения содержания воспитательного процесса, связанного с формированием технократиче-

ского мировоззрения у каждого индивида. Для новой воспроизводственной структуры характерна существенно более низкая доля природно-эксплуатирующих отраслей как по затратам, так и по результатам. Информация, а не энергия стала основным фактором воспроизводства хозяйственной структуры и ее развития. Следовательно, доминирование технологий, сопряженных с производством информационных продуктов в сфере научно-технической инновации стадо гарантией экономического процветания.

Все это потребовало своеобразной интеллектуализации экономики, значительного расширения творческого начала производственной деятельности. И здесь экономика столкнулась с новой проблемой – проблемой мотивации индивидуальности, а затем и с проблемой духовности. Эта проблема все более актуализируется по мере того, как творчество становится новым рычагом промышленности. Например, с начала 80-х годов проблема потребностей и мотивации труда занимала центральное место в фундаментальных и прикладных республиканских НИР, выполняемых большинством научных учреждений и вузов Беларуси. Особенно эта проблема обострилась в период так называемой перестройки, когда стало очевидным, что без учета структуры потребностей личности и ее изменения в соответствии с выдвигаемыми задачами, без опоры на личную заинтересованность динамичное развитие общества невозможно. Равновесие между субъективными потребностями индивида и средой обеспечивается с помощью его активности, принимающей у человека форму целесообразной деятельности и, в частности производственной, деятельности. Считалось, что разрешение противоречия между потребностями индивида и производством есть постоянный процесс, их воспроизведения на новой основе и на новом уровне. Особая роль отводилась социальным по-

требностям, родовым свойствам которых является то, что они отражают внешнюю необходимость и внутреннюю предрасположенность в виде особых нейрофизиологических программ. Эти потребности выражаются в соответствующих социальных способах достижения производственных и познавательных целей, в качестве которых выступают общественные отношения и социальные процессы

Примером тому может быть потребность в общении, которая является результатом производственной, познавательной и других видов деятельности, не сводимым ни к самой этой деятельности, ни к конечным ее продуктам, а так же потребность участвовать в управлении производством, творчестве, самоутверждении и т. д. Все эти потребности формируются в результате применения соответствующих средств для достижения тех или иных целей и преобразования этих средств в самостоятельную цель. Участие в управлении, как и общение, не выступает в качестве изначальной цели или самоцели. Оно первоначально всегда является средством организации производственной, учебной и других видов деятельности. Точно так же творчество является для личности лишь средством разрешения теоретических или практических проблем. Будучи такими средствами, они являются одновременно и формой самоутверждения личности в труде. В результате процесс формирования социальных потребностей представлялся как выражение адаптации к изменяющейся среде, своеобразного отражения живым существом в своих биологических, физиологических, психологических и других структурах объективно необходимых параметров взаимодействия со средой своей жизнедеятельности с целью поддержания установившейся разновидности обмена веществ и воспроизводства жизни в целом. Сами же эти потребности воспринимались как внутренняя необходимость взаимодействия с окружающей

средой в зависимости от ее особенностей и изменений в организме, социальной группе и обществе в целом [6, с. 75–81].

Однако представление потребности как результата развития внутренней природы субъекта и соответствующего результата его взаимодействия с окружающей средой отнюдь не способствовало развитию самодеятельности личности ни в системе производства, ни в системе образования. Абсолютизация внешних субъект-объектных отношений неизбежно вела к превращению личности из субъекта культуры, субъекта творчества в объект воздействия извне. Опора же на биологические, естественные предпосылки, выступающие психофизиологической основой активности человека, сама по себе не обеспечивала неразрывную связь с его духовным и социальным развитием. Сознание в данном случае – лишь способ и средство оценки взаимодействия организма, личности, коллектива и общества со средой и друг с другом в ходе удовлетворения своих потребностей. Поскольку деятельность человека по удовлетворению своих потребностей переживается и как акт, относящийся к внутренним свойствам внешней среды, как субъективный образ, отражающий объективное содержание, он выделяет себя из внешнего мира и отражает этот мир целенаправленно, развивает свою волю, подчиняя выбранной цели или предписаниям свыше.

Развитие же сознания происходит в результате развития производственной деятельности и воспроизводства условий удовлетворения потребностей. Оно является необходимым следствием адаптационной деятельности. Поэтому процесс формирования и развития потребностей представлялся в виде цепочки, состоящей из следующих звеньев: «условия – потребности – интересы – цели – решения – планы – организация – стимулы – действие – результаты – новые условия», где «условия – потребность» – объективное явление, «потребность – интересы» – переход объективного в субъектив-

ное, «цели – решения – планы – организация – стимулы – действия» – субъективные моменты, «действия – результаты» – переход субъективного в объективное, «результаты – новые условия» – объективное. В процессе удовлетворения своих потребностей личность развивает свои способности или физические и психологические свойства, определяющие большую или меньшую предрасположенность к той или иной деятельности, к тому или иному виду восприятия.

По мере исторического развития биологическое в человеке все более подчиняется социальному, одной из сторон проявления которого является психология человека. Она выступает как сознательное регулирование человеком своего поведения и деятельности, выраженное в умении преодолевать внутренние и внешние трудности при совершении целесообразных действий и поступков. Исходным пунктом развития воли выступает здесь необходимость соблюдения норм и принципов общественной жизни. Вместе с прогрессом социальной действительности растет объем и разнообразие социальной информации сконцентрированной в культуре общества, создаются условия для новых решений проблемных ситуаций. Причем каждое из этих решений проявляется в виде опережающих, экстраполирующих моделей человеческого существования в условиях окружающей среды.

В результате, в качестве основной проблемы выступает проблема творчества и проблема формирования творческой личности педагога и учащегося, их самодеятельности. Современные авторы акцентируют внимание на утрате для современных работников труда как самооценности [1, с. 138-143.] Однако становится всё более очевидным, что разрешить проблему творчества за счет лишь информационных технологий просто невозможно. Начинается эра социальных технологий. Утверждение этих технологий происходит

по мере признания факта несостоятельности попытки развить творческие способности личности благодаря совершенствованию ее индивидуального мышления.

Между тем, именно система коллективных ценностей служит основой определения должного поведения, основой целеполагания. А без ценностных концепций, без какой-либо – пусть даже минимальной осмысленности цели – индивид ничего достигнуть не сможет. Смысловые значимости (независимо от источника и от того, истинны они или ложны) выполняют определенную социально-психологическую функцию, а именно, фиксируют определенным образом внимание людей, намеревающихся обща что-либо совершить. Смысловые значения социализируют события для группы, побуждают рассматривать их в соответствии со смысловыми значениями, принятыми в данной группе. В духовном развитии людей они служат выработке индивидуальной ценностной позиции, а, следовательно, умению выбирать ценности-цели и ценности-средства, благодаря этому определяется индивидуальная социально-культурная программа и выбор способов и форм самоутверждения [5, с. 49–51].

Новое обычно трансформируется через старое, через устойчивые стереотипы представлений о действительности. Любые аргументы в пользу изменения существующего положения дел перерабатываются в привычных терминах и ассимилируются, не нарушая привычных стереотипов. В результате все требования реформы воспринимаются не по сути своей, а по форме. Устоявшиеся, например, педагогические традиции, несмотря на пропагандируемые технологии развивающегося обучения, ориентации на развитие личности, скорее исключают осознание педагогами-практиками ценности самостоятельной личности, чем предполагают это. Слепая вера в методiku, которая формировалась на протяжении многих десятилетий, стала важнейшей предпосылкой особого типа профессионального сознания

педагога, в основе которого лежит твердая уверенность, что педагогу всегда точно известно, что для ребенка благо, а что вред. По крайней мере, существующие цели образования и воспитания у него сомнений не вызывают. Любое упоминание о них ассоциируется обычно с целенаправленным воздействием на учащихся с целью вызвать у них определенные изменения в поведении. Отношение к образованию как к делу просвещения сформировало у большинства педагогов соответствующее представление о культуре как знании, информации, образованности, некой интеллектуальной матрице, с которой люди вынуждены соотносить свою познавательную и иную деятельность, а не как об особом социальном пространстве, искусственной среде жизнедеятельности человека, типе его самосознания, проявляемом на обыденном или повседневном уровне и на уровне высокой символической культуры (национальной, общечеловеческой и т. д.).

Соответственно, и существующие программы воспитания и обучения игнорируют обоснование основных целей и задач исходя из анализа состояния этой культуры, они просто декларируют их. А пути и средства их реализации неразрывно связываются в основном с процессом психологического развития в различных возрастных группах детей, структурой их потребностей и способностей, внимания, памяти и т. д. Исходя из физиологии и психологии возраста анализируются закономерности усвоения детьми знаний, а также определяются основные направления диагностики взаимодействия между детьми и задачи по формированию соответствующих взаимоотношений. При этом, как правило, не учитывается следующий момент: для того, чтобы новая технология заработала, нужно создать новую структуру, которая приведет к возникновению нового коллектива, следует порвать старые связи, отношения, нормы, функции, сложившиеся между отдельными подразделениями и т. д.

Литература:

1. Волкова О.А. Проблемы трансформации профессиональной культуры в монографии Л.Н. Максимовой // Труд и социальные отношения. 2013. № 12. С. 138-143.

2. Духовный кризис. – URL: <http://cyberleninka.ru/article> (дата обращения 20.12.2013).

3. Гершензон М.О. Кризис современной культуры // Гершензон М.О. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН, 2010. 840 с.

4. Ефимов В.И. Общечеловеческие ценности: монография. М.: Изд-во «Академия Естествознания», 2010. 324 с.

5. Липай Т.П. О приоритетах в национальной системе образования // Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции «Инновация – 2013». Ташкент: НУЗ, 2013. С. 49–51.

6. Липай Т.П. Проблемные ситуации в образовании и пути их решения // Сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции «Россия в XXI веке: экономика и управление в социальной сфере». М.: ИД АТИСО, 2011. С. 75–81.

References:

1. Volkova O.A. Problemy transformatsii professionalnoy kultury v monografii L.N. Maksoimovoy // Trud i socialnye otnosheniya [Problems of Transformation of Professional Culture in L.N. Maksimova's Monograph // Labour and Social Relationships]. № 12. 2013. pp. 138-143.

2. Dukhovnyy krizis [Spiritual Crisis]. URL: <http://cyberleninka.ru/article> (accessed December 20, 2013).

3. Gershenzon M. O. Krizis sovremennoy kulturi [Crisis of Modern Culture // Selected Works in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 840 p.

4. Efimov V.I. Obshchchelovecheskie tsennosti [Universal Human Values]. Moscow: Academy of Natural History Publishing House, 2010. 324 p.

5. Lipai T.P. O prioritetaх v nacionalnoy sisteme obrazovaniya // Sbornik nauchnyh trudov po itogam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Innovatsiya – 2013” [On Priorities in the National System of Education // Collection of Research Papers Based on the Results of the International Research and Practice Conference «Innovation – 2013»]. Tashkent: NUZ, 2013. pp. 49-51.

6. Lipai T.P. Problemnye situatsii v obrazovanii i puti ih resheniya // Sbornik nauchnyh trudov po itogam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Rossiya v XXI veke: ekonomika i upravlenie v sotsialnoy sfere” [Problem Situations in Education and Ways of Their Solving // Collection of Research Papers Based on the Results of the International Research and Practice Conference “Russia in XXI Century: Economics and Social Management”]. Moscow: Publishing House “ATISO”, 2011. pp. 75-81.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Липай Татьяна Петровна,
кандидат социологических наук,
доцент

Национальный институт образования
Министерства образования
Республики Беларусь,
Короля, 16, г. Минск, 220036,
Республика Беларусь
Электронный адрес: lipai@tut.by

DATA ABOUT THE AUTHOR

Lipai Tatyana Petrovna
PhD in Sociology, Associate Professor

National Institute of Education
Ministry of Education of the Republic
of Belarus
16, Korolya St., Minsk, 220036,
Republic of Belarus

E-mail: lipai@tut.by

Сараева Л. П.

Sarajeva L. P.

**ЦЕЛОСТНЫЙ ОХВАТ КОММУНИКАТИВНОЙ СФЕРЫ
МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА****THE MODERN RENAISSANCE OF RUSSIAN NATIONAL SONG:
THE CULTURAL ANALYSIS****Аннотация**

Целью работы является обоснование тезиса, что комплексный психологический, этнологический, социологический и фольклористический подход, привлекая «бессознательное», помогает понять, «как оно становится социальным», как музыкальный фольклор способствует пониманию механизмов сознательно-ментальной регуляции жизнедеятельности и обнаруживает характеристики информационно-коммуникативной среды.

Методологически статья выполнена в форме комплексного междисциплинарного психологического, этнологического, социологического и фольклористического подхода к анализу организации специально-научного знания.

В результате исследовательской работы выявлено многообразие способов выявления коммуникативно-ценностных оснований музыкального фольклора.

Применение результатов исследования возможно в научно-исследовательской, учебной и научно-творческой деятельности.

Основным можно считать вывод о том, что сфера музыкального фольклора способствует пониманию гуманитарных технологий сознательно-ментальной регуляции жизнедеятельности и обнаруживает характеристики информационно-коммуникативной среды.

Ключевые слова: музыкальный фольклор; селекция коммуникативных связей; регулятивные механизмы поведенческой

Abstract

The paper is focused on the feasibility of the thesis that complex psychological, ethnological, sociological and folklore approach involving the «unconscious» helps to understand «how it becomes social», how musical folklore contributes to understanding the mechanisms of conscious and mental life regulation and reveals the characteristics of the information and communication environment.

Methodologically the paper is presented in the form of a complex interdisciplinary psychological, ethnological, sociological and folklore approach to the organization analysis of special scientific knowledge.

As a result of the study, the author reveals a variety of ways of identifying communicative and value bases of musical folklore.

The output application is possible in research, educational, scientific and creative activity.

The main conclusion is that the scope of musical folklore promotes understanding of humanitarian technologies of conscious and mental life regulation and reveals the characteristics of information and communication environment.

Key words: folk music; selection of communication links; regulatory mechanisms of behavioral activity; direct communication; ritual communication; artistic communication.

активности; прямая коммуникация; ритуальная коммуникация; художественная коммуникация.

Переключение внимания в области исследования обычаев, мифов, ритуалов, входящих в содержательную ткань музыкального фольклора, с объектов познания на субъект притягивает психологическую компоненту к поиску причин функционирования социального и антропологического феномена музыкального фольклора. Гуманитарная, а именно, социозащитная функция музыкального фольклора наделяет ментальную систему статусом развитых регулятивных механизмов в человеческих сообществах, адаптирующихся согласно изменяющимся условиям окружающей среды от состояния нерасчленённости, синкретизма процессов познавательных и духовных до возникновения исторического сознания. Данный подход целесообразен для анализа коммуникативного аспекта музыкального фольклора, так как выстраивает все его звенья в зависимости от различных поведенческих практик, селектирующих коммуникативные связи социума. Несомненно, доминирующую роль среди них играет речевой (специфически человеческий) способ обмена информацией.

Формально структура человеческой речи предоставляет широкие возможности для экспликации и репрезентации в режиме «проговаривания» различного рода идеальных представлений. Соответственно, ментальное содержание психики получает конвенционально закреплённый, стереотипный способ своего «овнешнения» в звуковой, а позже – и в письменной речи, в реализации двух типов режима: перевода «речи другого» в план идеальных объектов, управляющих поведенческой активностью, и перевода идеальных объектов, присутствующих в психике индивида, в «речь для другого». На этом этапе становится возможной и

автоадресация: речь для другого направляется к самому себе и воспринимается как речь другого. В этой коммуникативной «биполярности системы ментального обеспечения человеческой индивидуальной деятельности» [14, с. 158-160] сфера музыкального фольклора имеет выходы на «прямую» и «ритуальную» формы коммуникации. «Прямая» – связана с образованием института «знания». Характеризуясь как «обладание предназначенными для регуляции жизнедеятельности идеальными объектами» [14, с. 159], оно становится в рамках конкретного человеческого сообщества фактически совокупным, становится со-знанием. «Знание в себе» становится «знанием для себя», самосознающим знанием. Именно в рамках человеческого способа жизнедеятельности конституируется система не просто ментальной, но – сознательно-ментальной регуляции жизнедеятельности. При этом на первый план выходят смысловые образования, обслуживающие выполнение общественно значимых целей и задач, среди которых основополагающей является задача сохранения социального статуса. Это предполагает, с одной стороны, сохранение сообщества как такового и, с другой стороны, поддержание своего членства в сообществе.

Помимо «прямой коммуникации», увеличивающей информацию, Ю.М. Лотманом выделяется «ритуальная коммуникация». В ней «извне получается лишь определённая часть информации, которая играет роль возбудителя, вызывающего возрастание информации внутри сознания получателя». Функции приемников информации («органов») [4] в ритуале несут его структурные единицы: ритуальные символы, которые, по мнению Вяч. Иванова, способны «превращать интимнейшее молчание индивидуальной мистической души в орган вселенского единомыслия и единочувствия, подобно слову и могущественнее слова» [4]. Могущество сим-

вола основывается на «невспоминаемой коллективной памяти» – коллективном бессознательном, содержание, смыслы и символы которого наследуется посредством определенной формы мнемических (запоминающихся) образов или, выражаясь анатомически, через структуры мозга. «Бессознательное» при этом является источником сил, «приводящих душу в движение», а его регуляторами – «формами и категориями» – предстают «архетипы» [1, с. 163]. Отсюда – функционирование института иконичности, канона, поддерживающего «символическую реальность», основанную на глубоком и стойком уважении к образцам в древнем обществе с его низкой социокультурной динамикой. С этой особенностью «ритуальной коммуникации» связано то, что столь каноническая система не теряет способность быть информационно активной, так как образы сохраняли архетипические стержни и механизмы, обеспечивающие психологическую и духовную преемственность [4]. Анализ Ю.С. Степановым цитат-текстов [10] выявил процессы концептуализации «коллективного бессознательного» в русской культуре в проявлении концептов как «Вера», «Любовь», «Вечность» и т. п., высвечивая их социальную функцию, «специфические качества социальной группы», где информационно-активными предстают не только особенности мыслей, но и эмоциональная оценка.

Признавая эмоцию психоэнергетическим феноменом, Ю.В. Рождественский в выбросе эмоциональной энергии видит механизм адаптиогенеза человека не только к окружающей среде, но и, что важнее, адаптацию человека «к среде себе подобных», то есть коадаптацию, в том числе – на уровне ментального долговременного эмоционального адаптиогенеза [8]. Действительно, «каждая группа людей в определенную историческую эпоху по-своему воспринимает, воображает и оценивает окружающую действительность, и именно в этом отношении народа к объективному и, в

частности, к продуктам труда и творчества (культуре), и выражается душа этой общности. Вследствие этого можно сказать, что одним из главных компонентов народной души является не общность понятий или волевых усилий, но общность эмоциональных переживаний, отношений», а эмоция предстает одним из важнейших инструментов в процессе присвоения культуры» [14, с. 20].

Поскольку объективация эмоций – непосредственных смыслов – может происходить в самом необычном материале, в том числе – слове, звуках, составляющих инвариантные эмоционально-смысловые поля, то музыкальное содержание фольклора, несомненно, в этом отношении, представляет исключительный интерес. Действительно, в отношении музыкального ритма В.Я. Проппом подчеркивается его зависимость от психоэмоциональной сферы, как, впрочем, и у «интонации», «эмоции», «лада», «жанра» [7, с. 181]. Чувство музыкального ритма имеет не только моторную, но и эмоциональную природу. Это позволяет рассматривать данную область как информационно-коммуникативную среду. Например, характер интонирования сообщает об обстоятельствах исполнения. Аргументом к этому является утверждение И.И. Земцовского о продуцирующей силе самого пения в архаичной календарной обрядовости. Ее характер интонирования, по мнению исследователя, отличается особым тембром, мотивированным действенным (магическим) началом. С утратой действенного (магического) начала доминирует уже в немотивированном обряде его эстетическая часть. Сочетание работы и пения придавало любым, в том числе обрядовым песням, лирический, протяжный характер («Под лен голос длиннее тянет»). Во время молодежной беседы магическая семантика этих песен не актуализировалась с такой полнотой, как непосредственно в обряде. В соотношении с коммуникативными практиками, средствами данное разграничение

мотивированного и немотивированного (со стороны коллектива) интонирования предстает как «единство обобщения и общения», «средство социального общения, высказывания и понимания» [3, с. 6].

Исследователями А.С. Каргиным и Н.А. Хреновым выделяется фольклорный тип коммуникации в эмоциональной активизации личности (имеются в виду эмоциональные механизмы возбуждения, общения, подражания, заражения и т. д.) с целью введения ее в приемлемое для культуры русло, с приданием стихии эмоциональной жизни формы, необходимой для психологического равновесия. Вывод, сделанный учёными, важен для данного аспекта рассмотрения музыкального фольклора: фольклорный тип коммуникации, присущий традиционной среде и способствующий выживанию общества, как раз и заключается в подавлении природы (что возможно лишь отчасти) или организации ее проявлений в таких формах, чтобы они не были для культуры разрушительными [2]. Такой культурной функцией (осуществление фольклорного типа коммуникации) обладают в истории все обряды.

В контексте обрядов, по мнению А.С. Каргина и Н.А. Хренова [5], происходит становление и зрелищных, и устных форм фольклора, в которых в игровых формах закрепились возможность «выхода» эмоций. Напоминает о своеобразном моделировании и изживании конфликта в праздниках и обрядах «разделение» участвующих на две противопоставленные партии: мы – они, свои – чужие. Эффект противопоставления возникает не только в обрядах, но и в молодежной среде, в отношениях между поколениями, в пространственно-географических формах. Например, в традиционной среде каждая территориальная общность имела свой фольклорный образ. И. Снегирев описывает, как малороссы дразнили русских москалями, бурлаками и кацапами [9, с. 162]. Те же называли малороссы мазепинцами, мазепиным духом, крепака-

ми, хохлами, чубами. Социально-психологический механизм противопоставления в фольклоре по принципу «мы» и «они» демонстрирует стихию весьма «мирного» общения в ее наиболее древних формах. Оппозиционность как коммуникативное средство заложена и в чередовании будней и праздников – серьезного и игрового. В праздничной атмосфере она выражена «сосязательностью» – одной из эмоционально-коммуникативных доминант. В этом проявляются наиболее универсальные черты традиционной культуры, которые невозможно понять без природы их коммуникативности. В частности, рассмотрение праздника с его отменой запретов, проявлением агрессивных инстинктов, выходом из границ обычного существования, нарушением повседневных норм поведения, когда освобождаются подавленные культурой психологические влечения человека, преподносит его как разрядку, механизм регулирования природного и социального начал в человеке. Социальная доминанта музыкального фольклора свидетельствует о его назначении регулировать эмоциональный климат общности. Игнорирование фольклорных механизмов нарушает гармоничность соотношения природного и социального начал как у отдельной личности, так и в социокультурной общности.

Глубину феномена музыкального фольклора и, в то же время, коммуникативные характеристики определяет органическое начало его социокультурной природы, и, в частности, художественной. Особенности последней раскрываются через специфику «художественной коммуникации», формирование которой, как было уже отмечено, связывается с результатом деятельности «социальной психики» в процессе тяжелой физической работы (К. Бюхер) [2, с. 108]. При этом объективируются коммуникативные средства «социального разрешения бессознательного». В этом отношении лирике и поэзии изначально присуще «прикладное значение» (вспомним «ранний»

период музыкального фольклора – так называемую «календарную обрядовость»), вписывающееся в определенные формы поведенческой активности человека, так как они возникли из общего органического начала, связанного с бессознательным. Существенно, что общие для музыки и поэзии элементы (такие, как ритм, форма и т.п.) выделяются как «побуждающие» к привлечению бессознательного и «указывающие», «как бессознательное в искусстве становится социальным» [2], – то есть наделяются символическим статусом. Например, действие художественной формы есть средство для правильного, социально-психологического истолкования символов искусства и его исторического развития, так как она суть «не только фасад, но и важнейший механизм искусств» [2], – особая идеологическая форма, имеющая дело с совершенно своеобразной областью человеческой психики – сферой его чувства. Благодаря этому выводу констатируется способность искусства заключать в себе власть над чувством; и это управление чувством (внешней и внутренней направленности – прим. авт.), по его мнению, «есть не что иное, как процесс уравнивания организма со средой». Таким образом, художественная сфера также увязывается с коммуникативными практиками человека.

Собственно «художественная коммуникация» раскрывается через рассмотрение области музыкального фольклора в синтезе логико-вербальной и образной сфер коммуникаций. Интуитивно первое представлено в работах П.А. Флоренского, который рассматривал слово как «факт языка» и как «факт личной духовной жизни». Процесс речи у П.А. Флоренского – «взаимопрорастание энергии индивидуального духа и энергии народного, общечеловеческого разума». И для этой «встречи» слова не сочиняются, «а находятся или отыскиваются, обретаются» [11, с. 232-234]. О «всеобъемлющем и всепроникающем единстве всего сущего» (сфера объективной действитель-

ности и реальность, открывающаяся в лице внутренней духовной жизни человека) писал С.Л. Франк. Он полагал, что «наше сознание, наш опыт шире сферы нашей мысли; мысль помогает нам ориентироваться в многообразии его содержания, но не распространяется на то предельное нечто, которое образует первичную основу и общее существо нашего опытного достояния» [12, с. 78-91]. С.Л. Франк обращал внимание на способность слова (в лице поэзии) выразить эту некую конкретную реальность, не разлагая ее на систему отвлеченных понятий. «Это возможно потому, что назначение слова не исчерпывается его функцией быть обозначением понятий; слово одновременно есть орудие осмысляющего духовного овладения опытом в его сверхлогическом конкретном существе. Факт поэзии свидетельствует о том, что опыт именно не обречен оставаться немым и неосмысленным, а имеет специфическую форму своего “выражения”, то есть “понимания” именно с той своей стороны, в которой он превышает отвлеченную мысль» [12, с. 78-91]. Эстетические эмоции пропускаются через сознание. В то же время общие эмоции характеризуются тем, что затрагивают область бессознательного. Так, Петражицким отмечается способность общих эмоций возбуждать и потенцировать те из них, которые требуются обществом в конкретной ситуации (например, воинственные). Эстетические («прекрасные») – немедленно не выражаются никаким действием. Но, не выражаясь сразу практическим действием, эстетические эмоции способны, накапливаясь и повторяясь, приводить к существенным практическим результатам. Эстетическая реакция «есть реакция в ответ на произведение искусства и новый сильнейший раздражитель для дальнейших поступков. Искусство требует ответа, побуждает к известным действиям и поступкам» [2, с. 325]. Оно – средство социализации чувства, механизм трансформации чувства индивидуального в общественное. Отсюда и чувство

рассматривается как социальное в нас.

По «теории вчувствования», берущей начало от Й.Г. Гердера и Т. Липпса, процесс активизации через эмоциональный тон элементов искусства неосознаваемых влечений психики человека осуществляется посредством механизма «вчувствования» в линейные и пространственные формы. Данный взгляд концентрируется на связях эмоции и воображения, учитывая, что «эмоция обслуживается воображением и сказывается в целом ряде образов, которые служат как бы вторым выражением». Л.С. Выготский рассматривает чувство и образ как один процесс, где воображение – центральное выражение эмоциональной реакции. Он полагает, что «образы фантазии» или «представления» являются внутренними раздражителями для нашей новой реакции, и тогда они усиливают основную реакцию. Но образные представления не являются выражением той эмоции, которую они усиливают, а являются разрядом предшествующей эмоции; в частности, фантазирование ослабляет реальное проявление эмоций, которые находят в фантазийных образах свое разрешение. Таким образом, искусство становится сильнейшим средством для наиболее целесообразных и важных разрядов нервной энергии. Развивая идею Л.Н. Толстого о потенцированности эмоции, ее заразительности, Л.С. Выготский подчеркивал, что «чувство первоначально индивидуально, а через произведение искусства оно становится общественным или обобщается» [2, с. 314]. Если бы задача сводилась, чтобы «заражать чувствами одного многих людей», то «значение и роль были бы при этом чрезвычайно незначительны, потому, что, в конце концов, никакого выхода за пределы единичного чувства кроме его количественного расширения, мы не имели бы в искусстве». «Настоящая природа искусства всегда несет в себе нечто претворяющее, преодолевающее обыкновенное чувство» [2, с. 314].

С этой точки зрения, музыкальный фольклор есть орудие общества, посредст-

вом которого вовлекаются в круг социальной жизни самые интимные и самые личные стороны человека, делая его частью общественного организма. Все это позволяет рассматривать музыкальный фольклор с точки зрения коммуникативных средств. Его музыкальная речь показывает интонацию с точки зрения «единства обобщения и общения» в целостности охвата коммуникативной сферы музыкального фольклора. Коммуникативная функция музыкального фольклора шире понимания его как «художественной коммуникации», она в подчеркивании гуманитарной составляющей данного феномена, возникающего из реальности и направленного на нее же.

Литература:

1. Антонян Ю.М. Миф и вечность. М.: Логос, 2001. 464 с.
2. Выготский Л.С. Психология искусства. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 480 с.
3. Земцовский И. Мелодика календарных песен. Л.: Музыка, 1976. 222 с.
4. Иванов В. Родное и вселенское. М., 1994. 40 с.
5. Каргин А.С., Хренов Н.А. Фольклор и кризис общества / Гос. Центр фольклора; Рос. акад. наук. М., 1993. 164 с.
6. Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Проблемы канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973. 634 с.
7. Пропп В.Я. Фольклор и действительность // Пропп В.Я. Избранные статьи / АН СССР; Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1976. 325 с.
8. Рождественский Ю.В. Введение в культурологию. М.: Наука; Флинта, 1997. 367 с.
9. Снегирёв И.М. Русские в своих пословицах. Ч. 4. М., 1834. 213 с.
10. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
11. Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Сочинения в 2 тт.

Т. 2. М.: Правда, 1990. 448 с.

12. Франк С.Л. Реальность и человек / сост. А.А. Ермичев. СПб.: РХГИ, 1997. 448 с.

13. Черников М.В. Две тенденции в аксиологии: проблема концептуального синтеза // Человек, познание, культура: сб. работ преп. и сотр. фак. филос. и психол. Воронеж. гос. ун-та. Вып. 1. Воронеж: ВГУ, 2000. 266 с.

14. Шпет Г.Г. Психология социального бытия / под ред. Т.Д. Марцинковской; вступ. ст. Т.Д. Марцинковской. М.: Изд-во ин-та практ. психол.; Воронеж: НПОМОДЭК, 1996. 402 с.

References:

1. Antonyan Yu.M. Mif i vechnost [Myth and Eternity]. Moscow: Logos, 2001. 464 p.

2. Vygotsky L.S. Psikhologiya iskusstva [Psychology of Art]. Rostov-on-Don: Fenix, 1998. 480 p.

3. Zemtsovsky I. Melodika kalendarnih pesen [Melodics of Calendar Songs]. Leningrad: Music, 1976. 222 p.

4. Ivanov V. Rodnoe i vselenskoe [Matters Native and Universal]. Moscow, 1994. 40 p.

5. Kargin A.S., Khrenov N.A. Folklor i krizis obshchestva / Gos. Tsentr folklor; Ross. akadem. nauk [Folklore and Crisis of Society]. Moscow, 1993. 164 p.

6. Lotman Yu.M. Kanonicheskoe iskusstvo kak informatsionniy paradoks // Problema kanona v drevnem i srednevekovom iskusstve Azii i Afriki [Canonical Art as Information Paradox // The Problem of the Canon in the Ancient and Medieval Art of Asia and Africa]. Moscow, 1973. 634 p.

7. Propp V.Ya. Folklor i deistvitelnost // Izbrannie stat'i / AN SSSR; In-t vostokovedeniya [Folklore and Reality // Selected Articles. Moscow: Nauka, 1976. 325 p.

8. Rozhdestvensky Yu.V. Vvedenie v kulturologiyu [Introduction to Culturology]. Moscow: Nauka; Flinta, 1997. 367 p.

9. Snegirev I.M. Russkie v svoih poslovitsah. Ch.4 [Russians in Their Proverbs. V. 4]. Moscow, 1834. 213 p.

10. Stepanov Yu.S. Konstanty: slovar russkoy kultury [Constants: Dictionary of

Russian Culture]. Moscow: Academic Project, 2001. 990 p.

11. Florensky P.A. U vodorazdelov misly // Sochineniya v 2 tt. T 2 [At the Thin Line of Thought // Works in 2 vols. V. 2]. Moscow: Pravda, 1990. 448 p.

12. Frank S.L. Realnost i chelovek / sost. A.A. Ermichev [Reality and Human]. St.-Petersburg: RCHL, 1997. 448 p.

13. Chernikov M.V. Dve tendentsii v aksiologii: problema kontseptualnogo sinteza / Chelovek, poznanie, kultura: sb. работ преп. i sort. fak. filosof. i psikholog. Voronezh. gos. un-ta. Vyp. 1 [Two Tendencies in Axiology: The Problem of Conceptual Synthesis // Human, Perception, Culture: Collection of Works of Voronezh State University Faculty of Philosophy and Psychology. Iss. 1]. Voronezh: Voronezh State University, 2000. 266 p.

14. Shpet G.G. Psikhologiya sotsialnogo bytiya / pod red. T.D. Martsinkovskoy [Psychology of Social Existence]. Moscow: Publishing House of Voronezh Institute of Practical Psychology and Psychology Business. Voronezh: NPOMODEK, 1996. 402 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сараева Любовь Павловна

кандидат философских наук, доцент

Белгородский государственный

институт искусств и культуры

ул. Королёва, 7, г. Белгород,

308033, Россия

Электронный адрес:

knarhor7@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sarajeva Lubov Pavlovna

PhD in Philosophy, Associate Professor

Belgorod State Institute of Art and Culture

7, Koroleva St., Belgorod, 308033, Russia

E-mail: knarhor7@mail.ru

Коваленко М. В.

Kovalenko M.V.

**«THE BALKANS IN TRANSITION» («БАЛКАНЫ
НА ПЕРЕХОДНОЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ»). РЕЦЕНЗИЯ
«THE BALKANS IN TRANSITION». REVIEW**

Книга «The Balkans in Transition» («Балканы на переходной стадии развития») написана специалистами в сфере социологии, политики и экономики и представляет собой международный сборник исследований современных проблем и стратегий развития Балканского региона. Рецензия содержит обзор ключевых материалов книги.

Ключевые слова: Балканы; Евроинтеграция; развитие; глобализация.

The book «The Balkans in Transition» is an international research book covering current problems and development strategies of the Balkans. The book was written by experts in the fields of sociology, politics and economy. The review discusses the key concepts and ideas expressed in the book.

Key words: development; Eurointegration; globalization; the Balkans.

The international research book “The Balkans in Transition” edited by the Center for the Balkan Studies (Cambridge, San Francisco, Niš) covers current social, economic and cultural problems of the Balkan region and its development strategies in the light of globalization and Eurointegration. These problems’ study is undoubtedly important nowadays, in the time when globalization is one of the most important and often discussed issues. The researchers’ qualification leaves no doubt as well because most of them are acknowledged experts in the fields of sociology, politics, and economy.

The word “transition” means a global controversial process of socio-historical transformations with uncertain historical outcomes. It includes such inconsistent phenomena as globalization and regionalization, Europeisation and localization, modernization and retraditionalization. The authors of the articles elucidate in detail different aspects

of this contradictory process in respect to the Balkan countries.

The article “Contemporary Balkans in the Network of the Global and Regional Development Megatrends” by Dr. Lubiša Mitrović deals with the problems of influence which the development megatrends, i.e. general historical tendencies, have on the Southeast European countries and on the Balkans particularly. She describes the present-day megatrends as objective powers of the “four riders of globalization”, namely, the technological-information revolution, global economy, global culture and transnational political regimes linking the world into a single and united “global order” (M. Pečulić). Dr. Lubiša Mitrović describes the key megatrends and points of the Balkan region and specific ways the megatrends are manifested. She notices that globalization and Europeization challenges represent a mobilizing force for the Balkan region and can be the key issue of its coming out of the crisis.

The article "Social Development under Precarious Conditions: The Challenge of Accelerated Individualization" by Prof. Nikolaj Genov is devoted to the current political and economic situation in Eastern Europe and individualization of the common good above all others as a global trend. Prof. Genov describes the problems caused by individualization via privatization in Eastern Europe. He considers social integration as a counterbalance to individualization.

In the article "Interests and Development Strategies of Social Actors in the Balkans", Dr. Vera Vratuša (-Žunjić) proposes the Balkans' development strategies typologization in accordance with class self-production interests. Dr. Vratuša (-Žunjić) discusses the tendencies of the Balkans' development strategies toward peripheral neocolonial capitalism and their possible alternatives.

The article "The Balkans between Retraditionalization and Modernization" by Dr. Lubiša Mitrović covers the problem of Balkan regional identity in the face of Europeisation. Dr. Mitrović mentions that contemporary Balkans are torn between the modernization and retraditionalization processes. She gives some recommendations on rendering the goals and the global strategy of the world social development and the United Nations tasks, on the need for further building-up of the regional approach and the necessity to involve in the integration processes in the Balkan region and in Europe and on the role of culture, science and university in the affirmation of multiculturalism, inter-Balkan cooperation and integration. Dr. Mitrović considers the cooperation of the Balkan countries as the only alternative to some of their current conflicts.

The article "Religious-Ethnic Panorama of the Balkans" by Dr. Dragoljub B. Djordjević is devoted to the problem of Balkan peoples' ethnic identity understood as a more or less full-fledged array of ethnic, religious and cultural characteristics. Dr. Djordjević points that there is neither entirely "pure" identity,

nor a religiously "pure" society on the Balkan Peninsula. He describes briefly the ethnic panorama of the Balkans and gives emphasis on its religious-confessional panorama. Dr. Djordjević concludes that "the stability and development of the civic society in the Balkan states are not possible unless something is done to correct the attitude of the religious minorities towards the majority religions" [1, p. 90]. He insists that religious tolerance should become a model of ethnic tolerance and of wider intercultural practice. To sum it up, Dr. Djordjević states that "here we are, all of us, at the Balkans, for our own sake" [1, p. 91] is the optimal way of national survival in the region.

The article "The Balkans and Regionalisation Process" by Dr. Ljubica Kostovska covers the burning problem of the Balkans' regional cooperation. Dr. Kostovska expresses her opinion that though regionalisation and globalization seem to be the processes with opposite marks, still regionalisation "leads to the world market and globalization of the world trade" [1, p. 102].

The article "The Balkans in the Process of its Technological Development and Adjoining the European Union" by Dr. Milorad Božić covers the present-day technological development conditions and tendencies in the Balkan region. Dr. Božić states that scientific, technical and technological development, especially applied in the economic practice, is important for achieving the strategic goal of all Balkan countries, i.e. the membership in the European Union. He gives guidance on how the technological development should be quickened and draws some conclusions concerning the economic and technological development characteristics of the Balkans in the light of their rapprochement with the European Union.

The article "Economic Integration of the Balkan Countries in Transition" by Dr. Bijana Sekulovska-Gaber is devoted to an important question of the Balkan countries

trade collaboration with the European Union. Dr. Sekulovska-Gaber argues that conditions for regional integration of the Balkans have already been created and can be easily transformed into “bridges to cooperation” [1, p. 124]. She concludes that the Balkan countries could “easier (and together) continue the way to the economic integration with the European Union” [1, p. 124].

Ivana Božić-Miljković gives a detail description of the conditions and development of the Balkans’ economy and trade, both inner and international. In the article “Changes in the Scope and Structure of the Balkan Countries Trade in the Function of European Integration”, she argues that both economic and political development of the Balkan countries is the basic condition for overcoming the numerous political, social and economic problems in the region.

Finally, the problems of economic, political, cultural and social dimension in the Balkan region are exposed and observed in the article «Transitional Dynamics and Development Strategies: A Quit for an Integrated Policy-Research Framework» by Dr. Neville S. Arachchige Don in the light of globalization and liberalization. The main idea is that “a comprehensive conceptual and methodological framework is required to diagnose critical issues pertaining to development strategies for the region” [1, p. 161].

The book itself is supplied with a map of the Balkan Peninsula, which illustrates the geopolitical position of the region.

Литература:

1. The Balkans in Transition / ed. N. S. A. Don, L. Mitrović – IRFD, Inc., 2007. 176 p.

References:

1. The Balkans in Transition / ed. N. S. A. Don, L. Mitrović – IRFD, Inc., 2007. 176 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Коваленко Марина Викторовна,
аспирант

Белгородский государственный
национальный исследовательский уни-
верситет

ул. Победы, 85, г. Белгород,
308015, Россия

Электронный адрес:
kovalenko_m@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kovalenko Marina Viktorovna
PhD Student

Belgorod National Research University
85, Pobedy St., Belgorod,
308015, Russia

e-mail: kovalenko_m@bsu.edu.ru